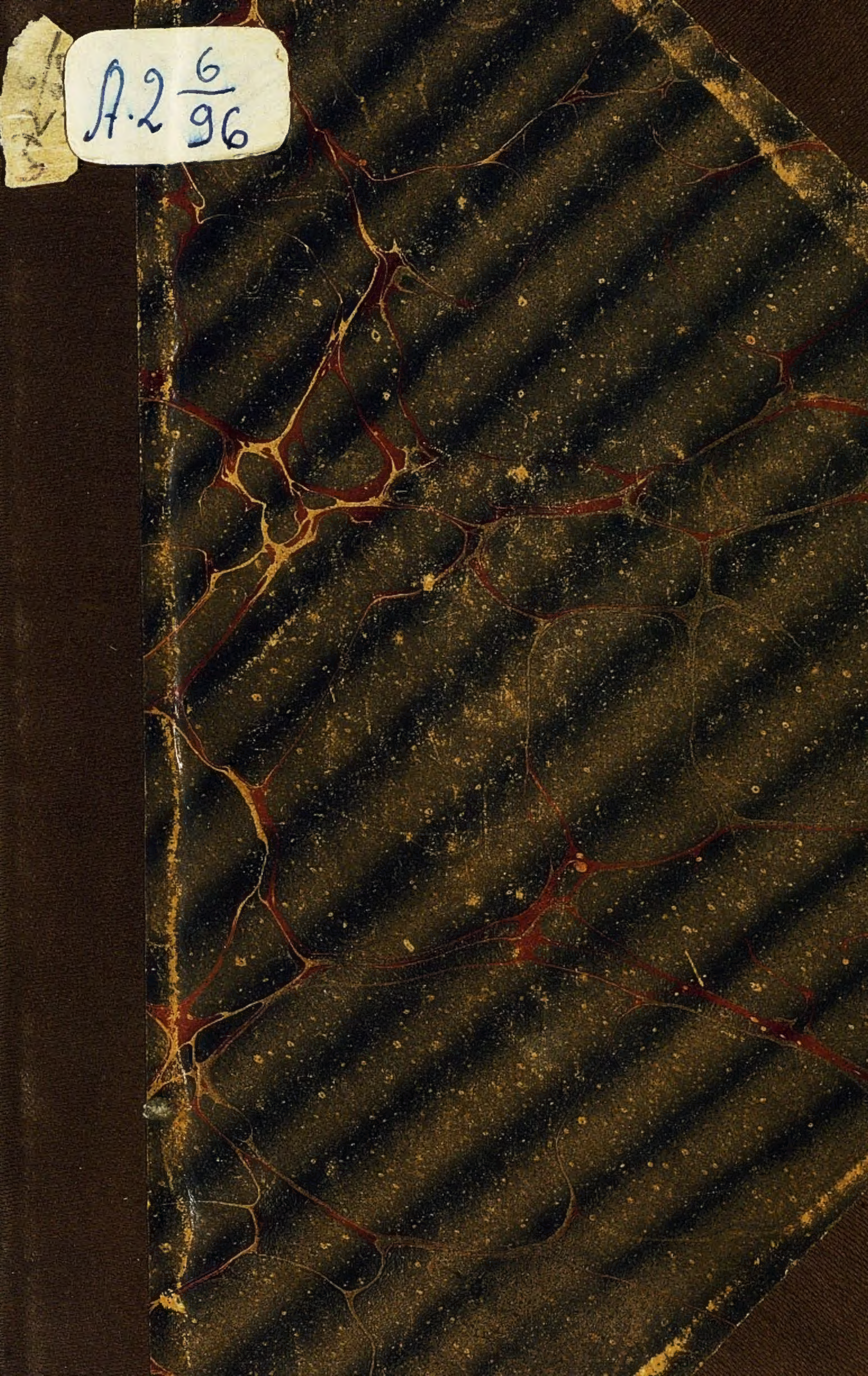

Ю. Карцовъ и К. Военскій.

Причины войны

1812 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія А. Ф. Штольценбурга, Моховая ул., 37.
1911.

Ю. Карцовъ и К. Военскій.

Причины войны

1812 года.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типографія А. Ф. Штольценбурга, Моховая ул., 37.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наступаетъ столѣтняя годовщина 1812 года. Съ ея приближеніемъ, возникаетъ потребность взглянуть на событія всесторонне и объективно и подвести ихъ подъ общій итогъ.

Войны Наполеоновской эпохи имѣли огромное міровое значеніе и легли въ основаніе политическаго строя современной Европы. Онѣ упрочили морское и торговое преобладаніе Англіи. Затѣмъ, онѣ способствовали пробужденію національнаго самосознанія въ народахъ Европы, которое завершилось уже на нашихъ глазахъ объединеніемъ Германіи, Италіи и славянскимъ движеніемъ. Торжество Англіи было причиною неудачъ Россіи на Ближнемъ Востокѣ и повело къ сохраненію цѣлости Оттоманской Имперіи.

Для насъ русскихъ 1812 годъ ознаменованъ высокимъ подъемъ патріотическаго духа и являетъ собою свѣтлую страницу исторіи. Но успѣхъ этотъ былъ купленъ дорогою цѣною: въ угоду господствующему теченію, начатыя реформы были пріостановлены и отложены. Съ этого момента открылась эра реакціи, которая продолжалась вплоть до шестидесятыхъ годовъ и отмѣны крѣпостного права. Не смотря однако на рѣшающее значеніе 1812 года для внутренней исторіи Россіи, научная обработка матеріаловъ, касающихся этой эпохи, не можетъ еще считаться законченной въ нашей

исторической литературѣ въ смыслѣ обобщеній и выводовъ.

За истекшее столѣтіе Русскую литературу отечественной войны 1812 года можно подраздѣлить на два періода:

1) *Періодъ оффиціально-легендарный* (1813—1860 гг.).

Это — эпоха оффиціальныхъ исторіографовъ и отдѣльныхъ военныхъ писателей каковы: Чуйкевичъ[1]), Писаревъ [2]), Ахшарумовъ [3]), Окуневъ [4]), Бутурлинъ [5]), Михайловскій-Данилевскій [6]) и, наконецъ, Богдановичъ [7]).

Всѣ эти историки отечественной войны — исключая Богдановича — были современники и участники кампаніи 1812 года и большинство изъ нихъ числилось въ генеральномъ штабѣ или, какъ тогда выражались, въ свитѣ Е. И. В. по квартирмейстерской части. Сюда же относятся и чрезвычайно

---

[1]) П. Чуйкевичъ: „Разсужденія о войнѣ 1812 года". Съ таблицами исчисленія непріятельскихъ силъ, вошедшихъ въ предѣлы Россійской Имперіи, и потери непріятельской въ каждомъ сраженіи до 1 января 1813 г. С.П-бургъ, 1813 г., 63 стр. въ 32 д. л. (Авторъ, участникъ кампаніи, служилъ въ свитѣ Е. И. В. по квартирм. части (офиц. Генер. штаба), полковникъ.

[2]) А. А. Писаревъ: „Военныя письма и замѣчанія, наиболѣе относящіяся къ незабвенному 1812 году и послѣдующимъ". Москва, 1817. 2 части. Ч. I—XVI+494 стр. Ч. II.—III+464 стр. 8 д. л.—А. А. Писаревъ, участникъ отечественной войны, впослѣдствіи Попечитель Московскаго Учебн. Округа. Первый по времени библіографъ Отеч. войны. Во 2 томѣ даетъ подробное описаніе русск. и иностр. сочиненій по 1812 году, вышедшихъ до 1815 года.

[3]) Д. Ахшарумовъ. „Описаніе войны 1812 г.". С.П-бургъ, 1819 г. 1 т. 294 стр 8 д. л.

[4]) Н. Окуневъ. „Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ, битвахъ и сраженіяхъ, происходившихъ при вторженіи въ Россію въ 1812 году. Ген.-Маіора Николая Окунева. С.П-бургъ 1824 г. 262 стр. 8 д. л.

[5]) Бутурлинъ (Д. П.). „Исторія нашествія императора Наполеона на Россію въ 1812 г.". Съ оффиціальныхъ документовъ и др. достовѣрн. бумагъ Россійскаго и Французскаго Генеральныхъ Штабовъ. [Первонач. напечатана въ Парижѣ на франц. языкѣ, а затѣмъ (въ 1837—1838 гг.) переведена на русскій яз. ген.-маіоромъ Хатовымъ]. Авторъ изв. Флигель Адъютантъ, полк. Д. П. Бутурлинъ.

[6]) А. Н. Мих.-Данилевскій. „Описаніе Отечественной войны 1812 года". Изданіе 1-е 1839. Изд 2-е 1840 г. С.П-бургъ. 4 тома 8 д. л.

[7]) М. П. Богдановичъ: „Исторія Отечеств. войны 1812 года по достовѣрнымъ источникамъ". С.П-бургъ, 1860 г. 3 тома 8 д. л.

цѣнныя записки лицъ, игравшихъ уже въ то время выдающуюся роль въ нашей арміи: А. П. Ермолова и К. Ф. Толя (впослѣдствіи графъ) Оба они въ 1812 году были въ чинѣ полковниковъ, причемъ Толь состоялъ фактически начальникомъ Штаба, сначала при Барклаѣ въ 1-й Зап. арміи, а потомъ генералъ-квартирмейстеромъ при Кутузовѣ. Его записки, изданныя на нѣмецкомъ языкѣ Бернгарди и представляющія для нашей военной исторіи огромный интересъ, къ сожалѣнію, въ полномъ видѣ на русскій языкъ переведены не были. (Нѣсколько главъ появилось въ 1859 году въ „Военномъ Журналѣ“). Только въ прошломъ году, часть записокъ Толя касающаяся войны 1812 года. начала печататься съ Октябрьской книжки „Военнаго Сборника“, по порученію Военно-Историческаго Общества.

Въ числѣ современниковъ и участниковъ кампаніи 1812 г. слѣдуетъ упомянуть А. П. Липранди, который былъ оберъ-квартирмейстеромъ въ VI корпусѣ Дохтурова. Липранди болѣе всего извѣстенъ въ качествѣ безпощаднаго критика историка Богдановича. Имъ же составлена превосходная библіографія 1812 г. Она была напечатана въ „Чтеніяхъ“ и вышла затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Человѣкъ высокообразованный, обладавшій прекраснымъ перомъ, участникъ и очевидецъ важнѣйшихъ событій, притомъ близкій къ императору Александру,—Михайловскій-Данилевскій несомнѣнно самый выдающійся и талантливый изъ историковъ этой эпохи. Къ сожалѣнію, трудъ его подвергся строжайшей цензурѣ императора Николая I, который отдѣльныя мѣста въ рукописи измѣнялъ или уничтожалъ вовсе. Кромѣ того и самъ авторъ, подчиняясь условіямъ времени, не могъ или не хотѣлъ использовать многіе, имъ собранные, матеріалы, значительная часть которыхъ

до сихъ поръ сохраняется въ Военно-Ученомъ Архивѣ и окончательно еще не использована историками. Михайловскаго-Данилевскаго упрекаютъ въ пристрастности къ отдѣльнымъ дѣятелямъ войны, въ восхваленіи однихъ и униженіи другихъ. Болѣе опредѣленные и независимые взгляды Михайловскимъ-Данилевскимъ высказаны въ его позднѣйшихъ запискахъ и нѣкоторыхъ посмертныхъ трудахъ, напечатанныхъ Шильдеромъ въ „Русской Старинѣ“.

Какъ историкъ, Богдановичъ отличается шаблонностью взглядовъ, крайне сухъ и, въ довершеніе всего, изобилуетъ фактическими погрѣшностями, которыя и изобличилъ неумолимый критикъ его, Липранди.

Въ качествѣ цѣнныхъ матеріаловъ для исторіи 1812 года служилъ и цѣлый рядъ журналовъ, въ которыхъ съ 1813 по 1860 годъ печатились статьи по эпохѣ отечественной войны. Къ нимъ слѣдуетъ отнести: „Русскій Вѣстникъ“ Сергѣя Глинки, „Вѣстникъ Европы“, „Сынъ Отечества“, „Чтенія“, „Военный Журналъ“ (съ 1817 по 1819 подъ редакціею Ѳедора Глинки), просуществовавшій до 1859 года, когда его замѣнилъ „Военный Сборникъ“. Статьи этихъ журналовъ, большею частью, представляютъ либо краткія воспоминанія современниковъ, либо оффиціальныя реляціи и замѣтки, написанныя подъ общимъ впечатлѣніемъ еще недавнихъ событій.

Историки этого періода къ описываемой эпохѣ стояли слишкомъ близко. Впечатлѣніе борьбы у нихъ еще не остыло. Исторической перспективы имъ не доставало и, поэтому, изъ за лѣсу деревьевъ они не различали. Обнять общей картины они не могли и на вещи естественно смотрѣли предвзято и односторонне.

2) *Періодъ обнаруженія, разслѣдованія и опубликованія новыхъ документовъ.*

Періодъ этотъ совпадаетъ съ возникновеніемъ двухъ историческихъ журналовъ: „Русскаго Архива", основаннаго въ 1863 году, донынѣ здравствующимъ его редакторомъ, маститымъ П. И. Бартеневымъ, въ Москвѣ, и „Русской Старины" — М. И. Семевскимъ въ Петербургѣ. Въ „Рус. Архивѣ", по эпохѣ Отечеств. войны, появились статьи: Я. К. Грота, К. П. Побѣдоносцева, А. Н. Попова, И. П. Липранди, гр. С. Д. Шереметева, бр. Барсуковыхъ, барона Ф. А, Бюлера, кн. П. А. Вяземскаго, А. С. Норова, кн. Н. Д Голицына, К. Н. Леонтьева, Д. Д. Голохвастова, А. А. Голомбіевскаго и др. Въ „Русской Старинѣ" писали: С. Н. Шубинскій, проф. Бестужевъ-Рюминъ, А. Н. Поповъ, Н. Ф. Дубровинъ, Н. К. Шильдеръ, В. А Бильбасовъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій, И. Н. Божеряновъ и др. Въ 1859 году начинаетъ выходить „Военный Сборникъ" и по 1812 году помѣщаетъ рядъ цѣнныхъ военныхъ изслѣдованій. Въ 1866 году учреждается Русское (нынѣ Императорское) Историческое Общество, въ которомъ принимали участіе: гр. Д. А. Толстой, А. А. Половцовъ, проф. Бестужевъ-Рюминъ, Е. М. Феоктистовъ, баронъ Корфъ и др. Въ „Русск. Архивѣ" увидѣли свѣтъ записки современниковъ великой эпохи — гр. Ф. В. Ростопчина, Ланжерона, П. В. Чичагова, Тучковыхъ, А. П. Ермолова, Бестужева-Рюмина, Булгакова, А. П. Бутенева, гр. Нессельроде, гр. Перовскаго, кн. Сакена, гр. Комаровскаго и т. д. и т. д.

Изъ отдѣльныхъ монографій особенно замѣчательны — А. Н. Попова: „Отношенія Россіи съ иностранными державами до 1812 года", „Французы въ Москвѣ", „Москва въ 1812 году"; въ „Рус. Старинѣ" появились: „Отъ Москвы до Красной Пах-

ры“, „Отъ Мало-Ярославца до Березины“; Н. Ф. Дубровина: „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, „Русская жизнь вначалѣ XIX вѣка“; наконецъ, вышелъ въ свѣтъ, посвященный жизни и дѣятельности императора Александра I, четырехъ-томный трудъ Н. К. Шильдера.

Главная заслуга всѣхъ этихъ писателей и историковъ—въ собраніи и обнародованіи обильнаго фактическаго матеріала. Но архивные розыски слишкомъ поглощали ихъ вниманіе. Исходною точкою имъ служилъ документъ. Такимъ образомъ, по сравненію съ предшествующимъ періодомъ, они стояли на почвѣ болѣе научной, но съ другой стороны, увлекаясь открытіемъ новыхъ фактовъ, они придавали имъ значеніе въ ущербъ представленію о цѣломъ. Такъ, скрытое, но рѣшающее значеніе экономическаго фактора на событія они не сознаютъ и о немъ почти не упоминаютъ (кое-какія указанія встрѣчаются у Дубровина).

Въ результатѣ, роль названныхъ историковъ. хотя несомнѣнно весьма почтенная,—по существу своему также чисто подготовительная.

Огромный шагъ впередъ сдѣлала фактическая литература съ появленіемъ высокоцѣнныхъ трудовъ Августѣйшаго историка, великаго князя Николая Михаиловича.

Въ 1902 году выходятъ его „Князья Долгорукіе, сподвижники Александра I“; въ 1903 г. „Графъ П. А. Строгановъ“; въ 1905—1908 г.г. „Дипломатическія сношенія России и Франціи передъ 1812 годомъ“, шесть объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ депеши и донесенія французскихъ пословъ въ Петербургѣ Коленкура и Лористона. Въ 1905—1909 годахъ появляется роскошное въ пяти томахъ изданіе „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтія“,—портретная галлерея и цѣн-

ныя біографіи дѣятелей эпохи Екатерины, Павла и Александра I. Затѣмъ (1908—1909 гг.) Августѣйшій историкъ вноситъ новый вкладъ въ изученіе исторіи царствованія Александра: великолѣпное трехтомное изданіе, посвященное малоизвѣстной въ нашей литературѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Послѣдній капитальный трудъ Великаго Князя—„Переписка императора Александра I, съ съ сестрою Великою Княгинею Екатериною Павловною"—представляетъ настоящее историческое откровеніе, рисующее въ новомъ свѣтѣ личность Александра I, какъ государственнаго человѣка, ясно сознававшаго ходъ событій, въ которыхъ судьба поставила его главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и не потерявшаго свѣтлаго ума и твердой воли въ минуты величайшей опасности, угрожавшей существованію русскаго государства.

Не довольствуясь печатаніемъ подлинныхъ документовъ, Великій Князь Николай Михаиловичъ снабжаетъ ихъ коментаріями, а въ обширныхъ предисловіяхъ приводитъ драгоцѣнныя указанія и объясненія, свидѣтельствующія о превосходномъ знакомствѣ автора съ исторіей и духомъ эпохи. Говорятъ, человѣкъ лучше всего узнается по его слогу. Воспитанные въ іезуитскихъ коллегіяхъ и французами гувернерами, дѣятели того времени,—надо отдать имъ справедливость,—прекрасно владѣли перомъ. Переписка ихъ, какъ оффиціальная, такъ и частная, читается, точно увлекательный романъ. Историческое описаніе, даже самое талантливое, не въ состояніи дать намъ цѣльнаго впечатлѣнія съ сохраненіемъ духа и колорита, какое мы получаемъ, изучая письма современниковъ и глядя на ихъ портреты. Изданія Великаго Князя магическимъ дѣйствіемъ переносятъ насъ въ далекое прошлое, съ дѣятелями эпохи ставятъ лицомъ къ лицу, раскрываютъ ихъ

душевные тайники и, такъ сказать, дозволяютъ намъ уловить ихъ съ поличнымъ. Отнынѣ, въ нашемъ распоряженіи, не только обиліе фактовъ, но и ключъ къ ихъ разумѣнію.

Затѣмъ, въ рядѣ статей, напечатанныхъ въ историческихъ журналахъ (преимущественно въ „Ист. Вѣстн.“), августѣйшій историкъ даетъ рядъ цѣнныхъ монографій по отдѣльнымъ вопросамъ. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательныя „Легенда о кончинѣ императора Александра въ образѣ старца Федора Козьмича“, а также изслѣдованіе подъ заглавіемъ „Изъ бесѣдъ Поццо-ди-Борго съ императоромъ Александромъ“.

Въ легендѣ о старцѣ Федорѣ Кузьмичѣ сказалась трогательная черта русскаго народнаго характера. Съ представленіемъ о Благословенномъ Царѣ, который, въ томленіи духа, терзаемый угрызеніями совѣсти, скитается по лицу земли, народъ русскій примириться не могъ. И вотъ, чтобы выйти изъ противорѣчія, онъ заставилъ Царя, добровольно отказавшись отъ земныхъ благъ, удалиться въ келью пустынника. Не касаясь художественной и бытовой стороны легенды, Великій Князь Николай Михаиловичъ подвергаетъ строгому анализу самый фактъ возникновенія этого преданія и рядомъ неопровержимыхъ доказательствъ устанавливаетъ его невозможность.

Въ бесѣдѣ императора Александра съ Поццо ди Борго рѣчь идетъ о Польшѣ, которую Александръ намѣревался возстановить и дать ей конституцію. 1812 годъ помѣшалъ ему осчастливить Россію реформами въ духѣ универсальной доктрины. Снова возвращаясь къ мечтаніямъ молодости, теперь онъ захотѣлъ облагодѣтельствовать Польшу. Къ возраженіямъ Поццо, отнимавшимъ у него послѣднюю надежду, Государь отнесся съ видимымъ не-

удовольствіемъ. За его пристрастіе къ Польшѣ Великій Князь Николай Михаиловичъ высказываетъ императору Александру строгое осужденіе.

Втеченіи истекшаго столѣтія, многочисленная плеяда талантливыхъ историковъ и публицистовъ старалась постичь и очертить загадочную личность императора Александра. Образъ его въ окончательную форму, тѣмъ не менѣе, еще не вылился и продолжаетъ оставаться спорнымъ и неопредѣленнымъ. При господствѣ чисто индуктивнаго метода, оно иначе и быть не могло. По мѣрѣ того, какъ обнаруживались новые факты, измѣнялся и горизонтъ, и, въ результатѣ, вчерашній гуманистъ и либералъ превращался въ мелочного тирана и grec du Bas—Empire и наоборотъ.

Сопоставляя темныя его стороны съ достоинствами, при отношеніи къ нему самомъ строгомъ, императоръ Александръ всетаки является однимъ изъ величайшихъ государей, какихъ имѣла Россія. Его несчастіе,—трагическія семейныя обстоятельства, въ которыхъ онъ выросъ и, чуждое духу русскаго народа, воспитаніе, которое онъ получилъ отъ Лагарпа. Если, вскормленный на принципахъ универсальной доктрины, онъ подчасъ презрительно относиться къ Россіи, какъ странѣ рабовъ и господъ, то идеѣ русской государственности онъ служилъ съ безусловнымъ самоотверженіемъ. Дѣятель онъ былъ огромной трудоспособности, высоко просвѣщенный, отзывчивый и доступный. Но что всего важнѣе, на подобіе Гетевскому Фаусту, ни матеріальныя наслажденія, ни почести, ни побѣдная слава, хотя бы на одно мгновеніе, не были въ состояніи заглушить въ немъ немолчнаго голоса совѣсти. Духовная неудовлетворенность и жажда идеала, эти высшія проявленія божественнаго начала въ человѣкѣ, всегда были присущи душѣ Александра.

Подводя итогъ всему сказанному нельзя не придти къ заключенію, что не смотря на цѣлый рядъ сочиненій, чисто прагматическихъ, какъ въ русской, такъ и въ иностранной литературѣ 1812 года, эпоха эта до сихъ поръ еще почти не выяснена въ смыслѣ конечныхъ выводовъ и обобщеній. Первую попытку въ этомъ смыслѣ въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія сдѣлалъ американскій писатель капитанъ Мэхенъ *) въ своемъ классическомъ трудѣ „Вліяніе морской силы на французскую революцію и Имперію", **) въ которомъ блестяще изложилъ и синтетически освѣтилъ великую борьбу Англіи съ Франціей изъ за торговаго и морского преобладанія.

Настоящее изслѣдованіе является уже прямою попыткою обобщенія и выводовъ въ примѣненіи къ Россіи. Тезисъ авторовъ слѣдующій: Причины войны 1812 г. составляютъ результатъ двухъ историческихъ процессовъ. Первый изъ этихъ процессовъ міровой — континентальная система и подневольное участіе въ ней Россіи. Второй мѣстный — столкновеніе универсальной доктрины съ религіознымъ и бытовымъ укладомъ русской жизни.

Въ какой степени авторамъ удалась ихъ попытка — объ этомъ пусть судитъ безпристрастная критика.

*) Нынѣ адмиралъ Американскаго флота.

**) „The Influence of Sea Power upon the French Revolution and Empire. By Captain A. T. Mahan. U. S. N. 2 vls. New-York 1895". Русскій переводъ этого сочиненія изданъ В. К. Георгіемъ Александровичемъ подъ ред. Н. П. Азбелева въ 1898 г.

Глава I.

Универсальная доктрина.

Въ XVIII вѣкѣ, во Франціи произошло философско-научное движеніе умовъ, извѣстное подъ названіемъ движенія энциклопедистовъ. Всѣ формы соціальнаго быта, политическія и религіозныя, оно подвергло безпощадной критикѣ, а взамѣнъ выработало и предложило совершенно новыя, основанныя на естественномъ правѣ и возвращеніи къ первобытной природѣ. Ни обстоятельствъ мѣстныхъ и экономическихъ, ни условій историческаго развитія человѣческой личности и учрежденій, ученіе энциклопедистовъ не признавало и съ ними не считалось. Съ его универсальной точки зрѣнія, человѣчество представляло собою бѣлый листъ бумаги, на которомъ достаточно было начертать магическую формулу: свобода, равенство, братство, чтобы по всему пространству земного шара наступила эра непрерывнаго благоденствія. Напора новаго движенія старый порядокъ королевской Франціи выдержать не могъ уже потому, что, будучи расшатанъ пропагандою философскою и франъ-масонскою, онъ въ собственныя силы утратилъ вѣру и защищался исключительно пассивно. Въ результатѣ, съ поразительною легкостью осуществилось то, что знаменитый французскій историкъ Ипполитъ Тэнъ опредѣлилъ общимъ терминомъ: „якобинское завоеваніе".

Для того чтобы проникнуть въ Россію и овладѣть правительствомъ, революціонной доктринѣ не потребовалось никакихъ усилій. Сама верховная власть пошла

ей навстрѣчу. Императрица Екатерина II была ревностнымъ адептомъ энциклопедизма. Въ ея „Наказѣ" отразились идеи Монтескье, Мабли и Беккаріа. И, тѣмъ не менѣе, какъ „Наказъ", такъ и Коммиссія о новомъ уложеніи оказались холостымъ выстрѣломъ, т. е. практическими послѣдствіями не увѣнчались. Екатерину II упрекаютъ, что слово у нея не согласовалось съ дѣломъ. Она исповѣдывала либеральныя воззрѣнія, вела переписку съ Вольтеромъ и Дидеро, а, между тѣмъ, держала при себѣ Шешковскаго, закрѣпощала крестьянъ, преслѣдовала Радищева и Новикова. Одно можно сказать положительно: въ добрыхъ намѣреніяхъ у императрицы недостатка не было.

Въ то время, какъ во Франціи старый порядокъ, подточенный въ корнѣ, отступая передъ революціею, сдавалъ ей позицію за позиціею, въ Россіи существовалъ укладъ, покоившійся на прочномъ основаніи историческаго развитія и экономической необходимости. Главнѣйшій источникъ богатства страны заключался въ трудѣ земледѣльческаго ея класса. Крѣпостное право представляло организацію этого труда въ принудительной формѣ. Прежде чѣмъ освобождать крестьянъ, правительству надлежало рѣшить вопросъ о замѣнѣ помѣщичьей опеки соотвѣтствующими учрежденіями. Являлось опасеніе: не захотятъ ли крестьяне почуявъ волю, окончательно съ себя сбросить всякія тяготы и повинности и, притомъ, не только по отношенію къ помѣщикамъ, но и къ государству. Пугачевскій бунтъ, въ этомъ смыслѣ, служилъ грознымъ предостереженіемъ. Наконецъ, уничтоженіемъ крѣпостной зависимости непосредственно затрогивались имущественные интересы дворянскаго сословія. Обстоятельство черезвычайно важное: офицеры гвардіи, которая производила дворцовые перевороты и возвела на престолъ императрицу Екатерину, были исключительно дворяне.

За невозможностью приступить къ дѣлу, пришлось поневолѣ ограничиться разсужденіями и пропагандою.

„Нельзя отвергать, говоритъ историкъ Пыпинъ [1]), что настроеніе императрицы отозвалось и въ русской общественной жизни благопріятными послѣдствіями: въ управленіи чувствовалось больше мягкости, чѣмъ когда нибудь было видано въ предшествующія царствованія; Коммиссія, хотя и кончилась неудачно, указывала однако, что для общества могутъ быть серьезные интересы въ обсужденіи общественныхъ предметовъ; одновременно съ ея открытіемъ, въ литературѣ разбирался вопросъ о крѣпостномъ состояніи, на извѣстную тему Вольно-Экономическаго Общества; настроеніе императрицы и заявляемые ею взгляды подѣйствовали и на литературу, которая также начала знакомить русскую публику съ европейскими взглядами и начала свои критическіе опыты и наблюденія надъ русскою жизнью".

Такимъ образомъ, для распространенія въ Россіи идей европейскаго просвѣщенія, императрица Екатерина сдѣлала все, что только было въ ея власти. Пойти дальше значило бы противоположные интересы встревожить и рисковать вызвать реакцію. Невыполненную задачу осчастливить Россію реформами въ духѣ доктрины свободы и равенства она завѣщала любимому своему внуку, Александру. Желая въ этомъ направленіи его подготовить, она поручила его воспитаніе человѣку республиканскихъ убѣжденій,—швейцарцу Лагарпу.

„Классическій духъ,—такъ опредѣляетъ его Тэнъ [2]),— есть та форма, которая, въ приложеніи къ выводамъ науки, породила философію вѣка и доктрины революціи. Наличность его познается по различнымъ признакамъ, а именно: высокому слогу, размѣренному и вылощенному, исполненному общихъ выраженій и тѣснаго круга идей".

Воспитатель Александра Лагарпъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ классическаго революціоннаго

[1]) Общественное движеніе при Александрѣ I. С.-Пбургъ 1871 стр. 8.
[2]) Les Origines de la France Contemporaine. T. I, p. 241, Paris 1876.

духа. Вѣчно на ходуляхъ, онъ передъ своими питомцами [1]), по всякому поводу, произноситъ напыщенныя тирады. Для него міровая исторія — арена дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, царей и героевъ. Онъ призываетъ ихъ на свой судъ: однихъ осуждаетъ, а другихъ хвалитъ и вѣнчаетъ лаврами. „Всѣ люди рождаются равными, учитъ Лагарпъ. Короли же происходятъ не по волѣ Всевышняго, а единственно потому, что тотъ, кто ловчѣе, умнѣе, искуснѣе, воображаетъ себя вправѣ возвыситься насчетъ своихъ ближнихъ“. Возстаніе противъ тирановъ Лагарпъ признаетъ актомъ естественнымъ и законнымъ. Судьбу Карла I, казненнаго своими подданными и Якова II, свергнутаго съ престола, онъ считаетъ послѣдствіемъ злоупотребленій этихъ государей, а, слѣдовательно, вполнѣ заслуженною. Право завоеванія Лагарпъ приравниваетъ къ грабежу. „Разница между мною и тобою, говоритъ воръ завоевателю, та: я ворую одинъ и вслѣдствіе нужды, а когда попадаюсь, бываю наказанъ, между тѣмъ, ты грабишь во главѣ тысячъ людей, поступаешь такъ ради удовольствія и тебя за это хвалятъ льстецы“. Какъ истый швейцарецъ, Лагарпъ отвергаетъ культурное значеніе великихъ имперій, создавшихся цѣною угнетенія покоренныхъ народностей. Особенное негодованіе его вызываютъ Александръ Македонскій и Цезарь. Цареубійство Лагарпъ оправдываетъ и возвеличиваетъ. Убійцу Цезаря, Марка Брута, онъ ставитъ на пьедесталъ и называетъ мстителемъ за свободу. Такимъ образомъ, еще ребенкомъ, Александръ освоивался съ мыслью о цареубійствѣ.

Что же императрица Екатерина? Лагарпъ пишетъ своему отцу отъ 30-го Октября 1786 г., что императрица выразила ему полное одобреніе. „Правила, которыя вы ему внушаете, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому, чтобы сдѣлать духъ его крѣпкимъ; читаю я ихъ съ

[1]) Вмѣстѣ съ Александромъ учился его братъ, В. К. Константинъ Павловичъ.

большимъ удовольствіемъ и вашими стараніями чрезвычайно довольна".

Лагарпъ состоялъ при Александрѣ съ 1784 по 1795 г., т. е. цѣлыя одиннадцать лѣтъ. Кромѣ Лагарпа, воспитаніемъ Александра завѣдывали русскіе саповники: графъ Н. И. Салтыковъ, М. Н. Муравьевъ и А. Я. Протасовъ. Законъ Божій преподавалъ ему протоіерей Самборскій. Несомнѣнно, что по многимъ вопросамъ воззрѣнія этихъ лицъ съ идеями Лагарпа расходились въ корнѣ, но преобладающее вліяніе осталось за Лагарпомъ. Въ запискахъ одного изъ воспитателей великаго князя Александра *) мы находимъ слѣды этого разногласія: „... Александръ Павловичъ, разговаривая о французскихъ дѣлахъ, по случаю чтенія публичныхъ вѣдомостей, говорилъ что равенство между людей хорошо, что французскіе дворяне напрасно безпокоятся лишеніемъ сего достоинства, понеже де оно въ одномъ названіи состоитъ, не принося, впрочемъ, никакой за собою ощутительной пользы.

Я за долгъ и честь почелъ указать Его Высочеству несправедливость его по сей матеріи мыслей, видя, что оныя ему вложены человѣкомъ, любящимъ народное правленіе, хотя, впрочемъ, съ честнѣйшими намѣреніями **)".

Помыслами Александра универсальная доктрина овладѣла безповоротно. Хотя въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отъ прямолинейнаго радикализма молодости, онъ, повидимому, отрѣшился, тѣмъ не менѣе, *умозрительному методу* онъ оставался вѣренъ до конца. Все или ничего — такова была формула. Высвободиться изъ путъ отвлеченной доктрины и твердыми ногами стать на бытовую почву — на это Александръ оказался неспособенъ. Геніемъ онъ не былъ и настоящей оригинальности натурѣ его не доставало. Съ 1801 по 1811 годъ на разные лады стремится онъ рецепты доктрины провести въ жизнь. По-

*) Повидимому это былъ А. Я. Протасовъ.

**) Замѣтки одного изъ воспитателей императора Александра Павловича. Русск. Архивъ, 1866 г. стр. 94.

пытки эти вызываютъ, съ одной стороны, оппозицію дворянства, а, съ другой,—внѣшнія осложненія вынуждаютъ императора обратиться за помощью къ томуже самому быту, сословному и религіозному, который онъ отвергалъ въ принципѣ и собирался уничтожить. Когда же, послѣ ряда настойчивыхъ, но тщетныхъ усилій, онъ убѣдился, что съ препятствіями ему не справиться, мѣнять точки зрѣнія и начинать сначала онъ не захотѣлъ. Замкнувшись, въ мрачное одиночество, онъ предпочелъ сложить руки и о всякихъ реформахъ отложить попеченіе.

Историкъ Михайловскій-Данилевскій, въ дневникѣ своемъ, ставитъ въ укоръ русскому обществу, что, вмѣсто того чтобы откликнуться на благія начинанія императора Александра, оно, напротивъ, встрѣчало ихъ недоброжелательно, и число недовольныхъ увеличивалось со дня на день.

Приговоръ Михайловскаго - Данилевскаго безпристрастная исторія едва ли признаетъ справедливымъ. Къ русской дѣйствительности императоръ Александръ относился съ предубѣжденіемъ и враждебно. Въ этомъ смыслѣ, между нимъ и великимъ преобразователемъ земли Русской Петромъ I есть нѣкоторое сходство. Но Петръ I человѣкомъ отвлеченнымъ не былъ и въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался соображеніями утилитарными и практическими. Отрицаніе Александра тѣмъ было опасно, что, вслѣдъ за нимъ, ничего не открывалось положительнаго. Могли ли русскіе люди довѣрять монарху, который основы русскаго быта, — самодержавіе, церковность и сословность,—отвергалъ и православно вѣрующимъ былъ только по имени? Къ лагерю противниковъ Александра принадлежали лучшіе умы того времени: дипломатъ и публицистъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, историкъ Н. М. Карамзинъ и поэтъ Г. Р. Державинъ.

Какъ бы то ни было, исходною точкою государственной дѣятельности императора Александра послу-

жила универсальная доктрина. На послѣдующихъ страницахъ мы постараемся выяснить противорѣчіе со всѣмъ укладомъ русскаго быта, въ которое эта доктрина поставила императора, его конфликтъ съ дворянскимъ сословіемъ и, наконецъ, какимъ образомъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ событій, онъ оказался вынужденнымъ подчиниться общественному мнѣнію и прекратить реформы.

Глава II.

Характеристика императора Александра I.

Про внука своего Александра императрица Екатерина отозвалась: „этотъ мальчикъ сотканъ изъ противорѣчій". Въ какой мѣрѣ эта противорѣчивость была прирожденною—рѣшить, разумѣется, трудно. Несомнѣнно одно: съ самыхъ раннихъ лѣтъ обстоятельства жизни влекли Александра въ противоположныя стороны. Въ его обликѣ, нравственномъ и внѣшнемъ, въ результатѣ, получилось то *арлекинство*, которое отмѣтилъ Пушкинъ. Словно нѣсколько индивидуумовъ, другъ на друга совершенно непохожихъ, одновременно уживались въ духовной природѣ Александра. Чтобы уразумѣть этотъ необыкновенно сложный характеръ и главнѣйшія его черты, мы раздѣлимъ ихъ на три главныя категоріи и каждую изъ нихъ разсмотримъ въ отдѣльности.

1. Гуманитарное вліяніе Лагарпа. Ученію Лагарпа служили основою провозглашенные французскою революціею принципы „droits de l'homme, т. е. уваженіе къ личности человѣка и его достоинству. Въ тогдашней Россіи, странѣ темноты и насилія, подобная проповѣдь являлась, какъ нельзя болѣе, умѣстною и цѣлесообразною. На молодую и воспріимчивую душу Александра дѣйствіе она производила самое благотворное. Не о побѣдахъ и завоеваніяхъ мечталъ будущій Самодержецъ, а о томъ,

чтобы дать народу учрежденія, которыя обезпечивали бы законность и, такимъ образомъ, въ исторіи заслужить славу мирнаго преобразователя. Подъ гнетомъ мысли о трудностяхъ предстоявшей ему задачи, временами, на него находило раздумье. 10-го мая 1796 г. онъ пишетъ Виктору Кочубею: „Мое намѣреніе, отказавшись отъ настоящаго щекотливаго положенія (не могу еще опредѣлить время этого положенія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ я буду жить спокойно, частнымъ человѣкомъ, наслаждаясь обществомъ друзей и изученіемъ природы". То же чувство выражаетъ онъ въ письмѣ къ Лагарпу: „Охотно уступаю мое положеніе за ферму около вашей, или, по крайней мѣрѣ, отъ васъ недалеко". Императоръ Наполеонъ I, этотъ великій знатокъ людей, въ mémorial de Sainte Hélène оставилъ объ Александрѣ I слѣдующее сужденіе: „Русскій императоръ человѣкъ несомнѣнно выдающійся; онъ обладаетъ умомъ, граціею, образованіемъ. Онъ легко вкрадывается въ душу, но довѣрять ему нельзя: у него нѣтъ искренности. Это настоящій грекъ древней Византіи. При всемъ томъ, онъ не лишенъ идеологіи дѣйствительной или поддѣльной, что, впрочемъ, есть только отраженіе воспитанія, которое онъ получилъ отъ своего наставника. Кто бы могъ повѣрить, о чемъ мнѣ пришлось съ нимъ толковать? Онъ утверждалъ, что въ государственномъ правленіи наслѣдственность есть злоупотребленіе, и я долженъ былъ, впродолженіи болѣе часа, употребить все мое краснорѣчіе и логику, доказывая ему, что въ наслѣдственности лежитъ залогъ покоя и счастія народовъ. Быть можетъ, онъ меня лишь мистифицировалъ, ибо онъ тонокъ, фальшивъ, и ловокъ"...

Но въ отрицательныхъ сторонахъ характера Александра русскіе его современники, на первыхъ порахъ, разобраться не могли. Послѣ грубаго и невоздержнаго Павла, внимательный и въ обращеніи деликатный, Александръ казался имъ „ангеломъ во плоти".

2. Страсть къ фрунтовой муштрѣ, деспотичность, жестокость и мелочность. Главный предметъ попеченій императора составляла армія. Страсть къ смотрамъ и ученіямъ отъ его родителя, императора Павла, перешла къ нему по наслѣдству. „Все, что касалось арміи, до самаго малѣйшаго назначенія, должно было исходить непосредственно отъ императора, чтобы армія знала его. Это было святое святыхъ, касаться котораго никто не имѣлъ права; ничье вмѣшательство не терпѣлось въ этой области, гдѣ все рѣшалось по приказу и при непосредственномъ участіи императора“.*) Въ военныхъ дѣлахъ отъ военачальниковъ императоръ Александръ требовалъ безусловнаго повиновенія, причемъ заходилъ такъ далеко, что по замѣчанію С. А Тучкова, „онъ предпочиталъ терпѣть уронъ отъ безпрекословнаго повиновенія, нежели выгоды отъ рѣшительности. Правило сіе онъ распространилъ и на главнокомандующихъ“. Исключеніемъ является 1812 г., когда, слѣдуя народному голосу, онъ назначилъ Кутузова и предоставилъ ему свободу дѣйствія. Но, какъ только опасность миновала, онъ вернулся къ всегдашней своей системѣ.

Преслѣдуя лицъ, ему неугодныхъ, Александръ былъ, въ противоположность своему отцу, дѣйствовавшему въ состояніи аффекта, хладнокровенъ, методиченъ, неумолимъ и злопамятенъ **). Въ жестокихъ дѣяніяхъ отвѣтственности онъ на себя не принималъ и устраивалъ такъ, словно эти жестокости совершались помимо

---

*) К. Военскій. Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст Изъ Записокъ кн. А. Чарторыйскаго. С.Пб. 1908 стр. 117).

**) С. А. Тучковъ разсказываетъ про капитана Шишкина, имѣвшаго несчастіе чѣмъ то навлечь на себя особенное нерасположеніе Александра. Этотъ Шишкинъ за маловажную вину императоромъ Павломъ былъ сосланъ въ Сибирь. Когда же вступилъ на престолъ Александръ, то въ спискѣ помилованныхъ имени Шишкина не оказалось. На прошеніе Шишкина, Государь объявилъ прощеніе, но повелѣлъ служить рядовымъ. Вернуть ему чинъ, несмотря на представленія начальства и военныя отличія Шишкина, онъ не согласился. (Зап. С. А. Тучкова. С.Пб. 1908 стр. 230 и 271—272).

него и по чужой волѣ. Въ указанной чертѣ Александра заключается разгадка вліянія, которымъ, во все продолженіе его царствованія, пользовался Аракчеевъ. Происхожденіе военныхъ поселеній обыкновенно приписывается Аракчееву. На самомъ же дѣлѣ, своеобразная эта затѣя всецѣло принадлежитъ Александру. Въ этомъ учрежденіи, созданномъ „изъ головы“, люди были обращены въ автоматовъ, и всякая подробность ихъ быта была заранѣе предусмотрѣна и регламентирована. Тутъ, какъ нельзя болѣе рельефно проявились отличительныя свойства Александра: умозрительный способъ мышленія и полицейская мелочность.

Излагая жизнь и дѣятельность императора Александра, почти всѣ историки повторяютъ ошибку: должнаго значенія Александру они не придаютъ и стараются на его счетъ возвысить дѣятелей второстепенныхъ. Разрывъ съ императоромъ Наполеономъ они приписываютъ нѣмецкимъ симпатіямъ императрицы Маріи Федоровны; иниціаторомъ и творцомъ реформъ они считаютъ Сперанскаго; съ именемъ Аракчеева связываютъ реакцію и жестокости и видятъ въ немъ злого генія царствованія Александра. Suaviter in modo fortiter in re. Съ мягкостью обращенія императоръ Александръ соединялъ удивительную настойчивость и желѣзную силу воли. Въ семейномъ кругу его называли кроткимъ упрямцемъ—le doux entêté. Политическимъ вліяніемъ на сына своего императрица Марія Феодоровна никогда не пользовалась [1]). Къ власти импера-

[1]) Кромѣ того, критика нашла себѣ поддержку въ лицѣ императрицы—матери, безсознательно недовольной, что сынъ ея не совѣщается съ нею о дѣлахъ и она уже не имѣетъ вліянія на его рѣшенія. Вдовствующая императрица во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ видѣла зародышъ либерализма, дальнѣйшее развитіе котораго ее пугало; поэтому пріемная ея сдѣлалась центромъ оппозиціи, собиравшейся здѣсь для выраженія своего недовольства существующимъ положеніемъ дѣлъ. Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Изъ записокъ кн. А. Чарторыйскаго. С.Пб. 1908 стр. 118).

торъ былъ крайне ревнивъ, въ довершеніе подозрителенъ и мелоченъ. Собственныхъ взглядовъ, какъ Аракчеевъ, такъ и Сперанскій проводить, слѣдовательно, не могли. Каждый изъ нихъ, по своей части, служилъ лишь различнымъ выраженіемъ все той же воли императора.

3. Маккіавелизмъ дворцовый и политическій. Хотя родители у Александра были живы, но воспитаніемъ будущаго императора руководили не они, а бабка его императрица Екатерина II. Положеніе Александра передъ отцомъ, отстраненнымъ и приниженнымъ, было тягостное и ложное. По необходимости, чтобы не сдѣлать какого-нибудь промаха, Александръ вынужденъ былъ обдумывать каждый свой шагъ и взвѣшивать каждое слово. Пройдя подобную школу, въ результатѣ, онъ пріобрѣлъ характеръ замкнутый, подъ видомъ простоты и откровенности, умѣніе скрывать свои мысли[1]), и необыкновенное самообладаніе.

На совѣсти Александра тяжелымъ камнемъ легло его участіе въ кровавомъ событіи 11 марта 1801 г. Въ запискахъ своихъ князь Адамъ Чарторыйскій старается обѣлить Александра отъ тяготѣющаго на немъ обвиненія въ отцеубійствѣ.—Если-бы онъ зналъ, увѣрялъ императоръ Александръ Чарторыйскаго, что предпріятіе окончится катастрофой, своего согласія на заговоръ онъ бы никогда не далъ.—Но Н. П. Панинъ поручился ему, что „дѣло идетъ только о низверженіи Павла съ престола, дабы воспрепятствовать ему подвергнуть страну еще большимъ бѣдствіямъ, спасти императорское семейство отъ угрожающей ему опасности, создать самому Павлу спокойное и счастливое существованіе, вполнѣ обезпечивающее ему полную безопасность отъ

[1]) Его привязанности мучительнымъ образомъ дѣлились между нею (Имп. Екат.) и его родителями. Ему приходилось угождать, то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, такъ что онъ съ раннихъ лѣтъ научился скрывать свои чувства. (Зап. графини Эделингъ, Рус. Арх. 1887, № 2, стр. 203).

всевозможныхъ случайностей, которымъ онъ подверженъ въ настоящее время".*)

Въ фактической вѣрности показанія императора Александра сомнѣваться нѣтъ никакого основанія. Предлагая сыну вступить въ заговоръ противъ отца, уже изъ одного чувства приличія, графъ Панинъ долженъ былъ сдѣлать это въ формѣ, насколько возможно, мягкой. Послѣ разговора съ Панинымъ прошло цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, время для Александра совершенно достаточное, чтобы замыселъ взвѣсить и обдумать во всѣхъ подробностяхъ. Неужели, хотя на минуту, допускалъ онъ возможность, свергнувъ отца, его потомъ содержать въ золоченой клѣткѣ на шелковой привязи? Развѣ покорился бы императоръ Павелъ подобному рѣшенію и не воспользовался бы первымъ подходящимъ случаемъ громко предъявить насильственно у него отнятыя права на престолъ. Наконецъ, супруга государя, честолюбивая, энергичная Марія Федоровна, видя мужа въ несчастіи, не вступилась ли бы она за него противъ сына? Несмотря на отказъ отъ престола въ пользу жены, императоръ Петръ III не избѣжалъ, однако, кровавой расправы. Другой, не менѣе убѣдительный примѣръ представляла трагическая участь Шлиссельбургскаго узника, злополучнаго Іоанна Антоновича.

Совершенно голословно утверждаетъ Чарторыйскій, будто бы Александръ „отца своего все-таки любилъ, несмотря на его недостатки". **) Вотъ какъ рисуетъ отношенія императора Павла къ его семейству Ростопчинъ въ письмѣ къ графу Воронцову отъ 2 ноября 1798 г... „Его (государя) ненавидятъ даже собственныя его дѣти; великій князь Александръ ненавидитъ своего отца, великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и все прочее, матерью, съ отвращеніемъ смотрятъ на отца; между тѣмъ, всѣ ему

*) См. Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Изъ записокъ кн. А. Чарторыйскаго. С.Пб. 1908. стр. 93.

**) Ibid. стр. 89.

улыбаются, будучи рады видѣть его погибель". *) Отецъ подозрѣвалъ сына въ козняхъ, сынъ ежечасно ждалъ отъ отца погибели. Когда же возникло предположеніе, что императоръ въ наслѣдники престола намѣчаетъ молодого принца Виртембергскаго,—periculum in mora,—жребій былъ брошенъ.

Лишать жизни отца Александръ не приказывалъ, а потому въ буквальномъ смыслѣ его нельзя назвать отцеубійцею. Но, соглашаясь на заговоръ, онъ исподволь и вполнѣ обдуманно подготовилъ обстановку, изъ которой одинъ былъ выходъ. Если бы, въ самомъ дѣлѣ, существовало намѣреніе императору Павлу сохранить жизнь и посадить его подъ стражу — въ этомъ смыслѣ были бы сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія. Между тѣмъ, единственная директива, которую графъ Паленъ далъ заговорщикамъ, была его извѣстная фраза: pour faire une omelette il faut casser des oeufs. Легко себѣ вообразить ужасное положеніе Павла, когда къ нему ночью въ спальню ворвалась пьяная ватага заговорщиковъ. Тутъ Александру надлежало показаться самому либо поручить довѣренному лицу наблюсти, чтобы, при составленіи и подписаніи акта отреченія, императору не было причинено насилія. Вмѣсто того, ужасному дѣянію онъ далъ совершиться безпрепятственно, а, затѣмъ, когда ему доложили, что все кончено, изъ внутреннихъ апартаментовъ онъ вышелъ уже какъ императоръ, въ мундирѣ и при шпагѣ.

Событіе исполнилось, но пріять за него отвѣтственность значило бы перейти въ исторію съ печатью Каина на челѣ. Поэтому, вину кровавой развязки императоръ переноситъ на сообщниковъ, которые, какъ онъ увѣряетъ, его обманули. Первая повѣрила этой версіи или, по крайней мѣрѣ, сдѣлала видъ, что повѣрила, мать государя, императрица Марія Федоровна.

Администраторъ весьма посредственный, плохой военный, если гдѣ императоръ Александръ Павловичъ дѣй-

*) См. Русск. Архивъ 1887, II. стр. 163—164.

ствительно былъ великъ — это въ области дипломатіи и политики. Благодаря качествамъ необыкновенной изворотливости, находчивости и присутствія духа, онъ изъ положеній самыхъ сложныхъ и затруднительныхъ всегда находилъ выходъ. Людей онъ къ себѣ приближалъ, или отдалялъ не по причинѣ ихъ достоинствъ или недостатковъ, а единственно въ зависимости отъ того—нужны ли они ему въ данную минуту, или нѣтъ. Вчерашняго друга онъ встрѣчалъ холодно, а давнишняго врага, какъ, напр., въ 1812 году Ростопчина въ Москвѣ, при всѣхъ онъ цѣловалъ и осыпалъ милостями. Отречься отъ собственныхъ словъ, свою вину приписать другому и т. п. были сущія мелочи, которыя, когда политика того требовала, ни мало его не затрудняли. Если же данныхъ къ обвиненію не хватало, онъ ихъ искусно создавалъ. Въ случаяхъ особенной важности онъ имѣлъ обыкновеніе вести дѣло при содѣйствіи двухъ лицъ, причемъ одно доносило ему на другое. Тайно отъ начальника онъ вступалъ съ подчиненнымъ въ непосредственныя сношенія. Исключительно тяжелыя условія вступленія на престолъ, борьба съ Наполеономъ и т. п., хотя и не оправдываютъ такого макіавеллизма, но въ извѣстной мѣрѣ его объясняютъ.

Таковы три главные вида элементовъ нравственныхъ и психологическихъ, на которые раздѣлялась духовная природа Александра. Теперь мы перейдемъ къ его интимной жизни, религіознымъ убѣжденіямъ и, въ заключеніе, коснемся того мрачнаго настроенія, которое имъ овладѣло въ послѣдніе годы его земного странствія.

Императоръ Александръ и его противникъ, императоръ Наполеонъ I, суть двѣ величины, сравненію не подлежащія. Одинъ былъ царемъ по рожденію, другой великими дѣлами и подвигами самъ себя создалъ. Кровный южанинъ, Наполеонъ былъ страстенъ и въ движеніяхъ порывистъ; Александръ, напротивъ, мягокъ и скроменъ. При всей разницѣ, были, однако, пункты,

въ которыхъ они сходились. Такъ, напримѣръ, въ дипломатическомъ искусствѣ Александръ являлся Наполеону достойнымъ соперникомъ. На мiровой сценѣ оба они были неподражаемые актеры. Насквозь проникнутые духомъ раціонализма XVIII вѣка, во внутреннемъ управленіи они проводили идеи единоначалія, бюрократической централизаціи и полицейской опеки. Въ этомъ смыслѣ, обоихъ ихъ съ полнымъ правомъ можно назвать просвѣщенными деспотами. Оба были скептики [1]), но таинственное ихъ привлекало и оба ходили къ гадалкамъ. Наполеонъ былъ фаталистъ и вѣрилъ въ предопредѣленіе. Подъ гнетомъ угрызеній совѣсти, Александръ сдѣлался мистикомъ. Въ женской любви, главнымъ образомъ, искали они забвенія и отдохновенія отъ государственныхъ дѣлъ. Не семейныя добродѣтели, поэтому, ихъ привлекали, а чувственное возбужденіе, опьяняющее и преходящее. Соотвѣтственно сему, свое вниманіе Наполеонъ остановилъ на легкомысленной Жозефинѣ. Избранницею Александра была „черноокая Аспазія“, страстная и вѣчно виноватая Марія Антоновна Нарышкина.

Когда дѣятель отдаетъ себя всецѣло государственнымъ дѣламъ и политикѣ, онъ живетъ исключительно умомъ. Сердце и воображеніе, въ это время, у него бездѣйствуютъ и атрофируются. Съ супругою своею императоръ Александръ разошелся; дѣти отъ нея у него были, но они умерли. Несмотря на всѣ невѣрности, горячо имъ любимая Марія Антоновна Нарышкина его покинула окончательно. Друзей молодости, избѣгая ихъ слишкомъ свободнаго обращенія, непримѣтно онъ отъ себя отдалилъ. За исключеніемъ, быть можетъ, одного

[1]) Воспитанный въ эпоху безвѣрія, наставникомъ, который самъ былъ проникнутъ идеями того вѣка, Александръ признавалъ лишь религію естественную, казавшуюся ему и разумною и удобною. Онъ проникнутъ былъ уваженіемъ къ божеству и соблюдалъ внѣшніе обряды своей церкви, но оставался деистомъ. (Записки графини Эделингъ, Рус. Архивъ, 1887 г. № 2, стр. 217—218).

лейбъ-медика баронета Вилье, царедворцевъ, его окружавшихъ, императоръ не уважалъ и считалъ людьми ничтожными [1]). Въ минуту душевной тревоги оказать ему нравственной поддержки никто изъ нихъ въ состояніи не былъ. Пока длилась борьба съ Наполеономъ, будучи охваченъ водоворотомъ событій, Александръ не имѣлъ возможности предаваться раздумью и въ себя заглядывать. Но лишь только положеніе успокоилось, и жизнь вошла въ обычную колею, онъ ощутилъ пустоту и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пришелъ къ сознанію, что пустоту эту наполнить ему рѣшительно нечѣмъ. Въ томленіи духа, мучимый совѣстью, онъ попытался прибѣгнуть къ религіи. Поочередно бросался онъ въ мистицимъ, бесѣдовалъ то съ квакерами, то съ іезуитами, посѣщалъ схимниковъ въ ихъ кельяхъ. Но религія не давала ему желаннаго умиротворенія. Съ юныхъ лѣтъ привитая наклонность къ анализу брала верхъ и въ душѣ его заглушала непосредственное чувство въ самомъ зародышѣ. Въ отправленіи царственныхъ своихъ обязанностей живого интереса онъ уже не находилъ. (О реформахъ въ широкомъ смыслѣ послѣ 1812 г., конечно, не могло быть болѣе рѣчи). Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ ихъ выполнять съ замѣчательною добросовѣстностью [2]). Стремленіе все сглаживать и уравнивать,

[1]) Вотъ какъ о своихъ приближенныхъ отзывался Александръ: „Хорошо я окруженъ: Козодавлевъ плутуетъ, жена его собираетъ дань. Балашовъ мнѣ 80 тыс. не даетъ. Я приступаю, онъ утверждаетъ, что пакетъ найденъ безъ денегъ. Все ложь. Графъ Т. твердитъ уроки Армфельда и Вернега, который живетъ съ его женою. Волконскій безпрестанно проситъ взаймы 50 тыс. на 50 лѣтъ безъ процентовъ. Насилу я съ нимъ сошелся на 15 тысячахъ безъ возврата. Вотъ все какіе у меня помощники". (Записки де Санглена).

[2]) Когда, 23 Іюня 1824 г., фельдегерь привезъ ему извѣстіе о кончинѣ любимой его дочери, Софіи Нарышкиной, императоръ Александръ находился въ Красномъ Селѣ. Государь не сказалъ ни слова, взвелъ глаза вверхъ и залился слезами. И всетаки ученія онъ не отмѣнилъ. Черезъ четверть часа онъ вышелъ, скрылъ свое горе и отправился на ученіе. Только по окончаніи его, онъ велѣлъ подать лошадей и понесся вскачь послѣдній разъ взглянуть на покойницу. (Шильдеръ IV т.).

въ концѣ концовъ, перешла у него въ манію. Глазъ его, пріученный къ единообразію военнаго строя, уже не выносилъ никакихъ неровностей. Ермоловъ утверждалъ, что Александръ I страдалъ наслѣдственною хроническою болѣзнью, и эту болѣзнь называлъ симметріею[1]). Единственнымъ средствомъ развлечь императора и разсѣять его мысли были путешествія. На вопросъ—зачѣмъ онъ подвергаетъ себя неудобствамъ дороги? Александръ меланхолически отвѣчалъ: „Pour avoir des jouissances, il faut se créer des privations“. Въ одномъ изъ такихъ путешествій онъ занемогъ и покончилъ съ жизнью, которая уже давно была ему въ тягость.

Глава III.

Борьба съ дворянствомъ.

(Со вступленія на престолъ и до Тильзита).

Выставляя на видъ безобразіе крѣпостного права и требуя его уничтоженія, универсальная доктрина, съ этической точки зрѣнія, была совершенно права. Къ сожалѣнію, одними мотивами нравственнаго свойства вопросъ не исчерпывался. На фундаментѣ крѣпостной зависимости была основана вся тогдашняя система административнаго управленія и народнаго экономическаго быта. Тронуть неосторожною рукою крѣпостное право—это значило нарушить вѣковыя правоотношенія,

[1]) Князь Меньшиковъ до сихъ поръ не забылъ тѣхъ мелочей, съ которыми надо было бороться людямъ, имѣющимъ съ нимъ дѣло. Ежели листъ бумаги, на которомъ написанъ былъ докладъ, казался Государю на 1/8 дюйма больше или меньше обыкновеннаго, онъ сердился, какъ на важное злоупотребленіе. Если первый взмахъ пера не выдѣлывалъ во всей точности начало буквы А, въ вершинѣ тонкое какъ волосокъ, внизу широкое какъ слѣдъ кисти, онъ бросалъ перо и не подписывалъ Указа. (Записки сенатора К. И. Фишера. Ист. Вѣстникъ 1908. Сент. стр. 815).

возжечь страсти и, по всему пространству имперіи, возбудить междоусобіе и посѣять анархію.

Трудъ свободный несравненно производительнѣе и выше по качеству труда подневольнаго. Истина эта, нынѣ азбучная и ходячая, нашимъ дѣдамъ и прадѣдамъ далеко не казалась ясною и убѣдительною. По ихъ понятіямъ, всякій человѣкъ, а тѣмъ болѣе мужикъ, по природѣ лѣнтяй и, слѣдовательно, безъ принужденія работать не станетъ. Дайте крестьянину волю, онъ не захочетъ нести государственныхъ повинностей, убѣжитъ въ степь, или же, по примѣру Разина и Пугачева, возьмется за ножъ и помѣщиковъ начнетъ рѣзать и грабить. Просвѣщеніе для народа есть вредъ, ибо оно понапрасну отвлекаетъ земледѣльца отъ его прямого дѣла—пахать землю. Простолюдинъ грамотѣй подобно повару въ баснѣ Крылова, пустой человѣкъ и горькій пьяница. Извѣстное изрѣченіе — въ войну Франціи и Германіи въ 1870—71 г.г. французовъ побѣдилъ нѣмецкій школьный учитель—встарину у русскихъ людей вызвало бы только негодованіе и насмѣшку. Или наши Суворовцы, хотя и безграмотные, не разгромили въ пухъ войска передовой Франціи! Для русскаго солдата, прошедшаго черезъ военную муштру, не существовало ничего невозможнаго. Россія, страна Богомъ хранимая, изобиловала естественными богатствами всякаго рода. Но главное ея богатство заключалась въ мускульномъ трудѣ ея населенія. Поэтому весь вопросъ сводился къ тому, чтобы этотъ трудъ использовать какъ можно интенсивнѣе.

Открытіе первой желѣзной дороги изъ Петербурга въ Царское Село явилось настоящимъ откровеніемъ. Цѣлый видъ народнаго труда, начиная отъ ухарской тройки и кончая ломовою телѣгою, передъ механическою силою долженъ былъ очистить мѣсто и отойти въ вѣчность. Раздавшійся свистъ локомотива, въ дѣйствительности, былъ вѣстникомъ народнаго освобожденія. Съ примѣненіемъ въ народномъ хозяйствѣ техническихъ

усовершенствованій, мускульный трудъ и природныя богатства, эти два устоя, на которыхъ старая Россія основывала свое благополучіе, соотвѣтственно утратили свое значенів. Въ Крымскую войну, русскій солдатъ былъ тотъ же богатырь, однако, съ кремневкою въ рукахъ противъ французовъ и англичанъ, вооруженныхъ ружьями системы Миньé, онъ ничего подѣлать не могъ и, хотя со славою, но былъ побѣжденъ. Тогда людямъ, наиболѣе отсталымъ, вдругъ сдѣлалось ясно: насущнымъ условіемъ дальнѣйшаго преуспѣянія являются просвѣщеніе и свобода.

Прославляя „дней Александровыхъ прекрасное начало", историки объясняютъ неудачу благихъ намѣреній императора сопротивленіемъ, которое реформы встрѣтили со стороны дворянъ — землевладѣльцевъ. Въ чемъ же, однако, выразилось противодѣйствіе дворянъ? Въ доводахъ чисто государственнаго характера, которые вѣрноподданнически представили Государю сначала Ростопчинъ въ своихъ письмахъ, а, затѣмъ, въ извѣстной запискѣ Н. М. Карамзинъ. Въ противоположность феодализму на Западѣ, россійское дворянство пріобрѣло владѣльческія права не собственными усиліями, а полностью получило ихъ отъ верховной власти. Будучи сословіемъ преимущественно служилымъ, оно выполняло на мѣстахъ, возложенныя на него функціи: взыскивало съ крестьянъ подати и ставило рекрутъ. Если наступила минута, и Государю Императору стало благоугодно, дарованныя Царями дворянскому сословію права отобрать у него обратно, ничего другого дворянамъ не оставалось, какъ только Высочайшей волѣ покорствовать. Но, при этомъ, въ ожиданіи грядущаго переворота, дворяне испытывали весьма понятное чувство страха. Сдѣлавъ крестьянина вольнымъ, будетъ ли правительство въ состояніи заставить его работать и нести повинности? Гдѣ учрежденія, которыми предполагается замѣнить упраздняемую помѣщичью опеку? Вѣсть о свободѣ не вызоветъ ли, какъ это неразъ повторялось въ исторіи, народнаго

бунта? Перейдя отъ господъ въ вѣдѣніе подъячихъ, выиграетъ ли мужикъ, или для него послѣдняя ложь будетъ горше первой? На всѣ эти сомнѣнія успокоительнаго отвѣта правительство дать не могло, ибо въ послѣдствіяхъ освобожденія оно само далеко увѣрено не было. Даже Лагарпъ, и тотъ, въ отношеніи крестьянскаго дѣла, совѣтовалъ не торопиться и быть осторожнѣе. Если подъ осторожностью разумѣть постепенность, въ такомъ случаѣ, задача съуживалась: нечего было говорить объ освобожденіи крестьянъ, а только объ улучшеніи ихъ быта. Но заботиться о подъемѣ народнаго благосостоянія есть элементарная обязанность всякаго правительства. Въ конечной неудачѣ кто изъ двухъ былъ болѣе виновенъ: сословное противодѣйствіе дворянства или универсальная доктрина, которая вопросъ освобожденія поставила слишкомъ отвлеченно, въ полномъ объемѣ и, вслѣдствіе этого, на долгое время его скомпрометировала?

Затѣмъ, важнѣйшею государственною основою была абсолютная власть монарха. На нее и обрушила доктрина свои удары. Предполагалось, совершивъ преобразованіе различныхъ частей администраціи, „увѣнчать всѣ эти учрежденія гарантіею, выраженною въ конституціи, на основаніи истиннаго народнаго духа“ [1])

Но тутъ рождался вопросъ: посредствомъ и въ пользу кого должно было послѣдовать ограниченіе царской власти? Высшія государственныя учрежденія, Сенатъ и Государственный Совѣтъ уже потому для этого не годились, что засѣдавшіе въ нихъ сановники были назначаемы Высочайшею властью и отъ нея безусловно зависѣли. Оставалось дворянство? Но, какъ мы видѣли, въ глазахъ доктрины, оно, главнымъ образомъ, представляло оплотъ крѣпостничества и реакціи. Какой

---

[1]) Изъ бумагъ графа П. А. Строганова. Протоколы засѣданій дружескаго Комитета. См. В. Европы, № 1. 1866 г. Статья Богдановича и его же книга, 1 прилож.

же, послѣ того, могла имѣть разсчетъ доктрина ограничивать власть царя, во всемъ ей покорнаго, въ пользу сословія, которое препятствовало ея планамъ. Разсуждая по поводу притязаній Сената дѣлать царю представленія,— событіе, подкладкою которому служила сословная фронда,—Новосильцевъ, одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Александра, высказываетъ слѣдующее: „...Если бы императоръ расширилъ права этого учрежденія (сената), то кромѣ этого онъ связалъ бы себѣ руки такъ, что не былъ бы въ состояніи исполнить всего, задуманнаго имъ для блага націи, потому что въ невѣжествѣ этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху“. Съ универсальною доктриною, въ данномъ случаѣ, приключилось то, что всегда происходитъ съ радикальнымъ меньшинствомъ, когда оно попадаетъ во власть. Въ теоріи, противъ деспотизма оно мечетъ громы, на практикѣ же, дабы противящуюся массу насильственно сдѣлать счастливою, полновластіе ему необходимо. Поэтому, вопреки всѣмъ завѣреніямъ, принести его въ жертву оно не можетъ.

Начало минувшаго столѣтія въ Европѣ, какъ и въ Россіи, было періодомъ религіознаго броженія по преимуществу. Православному богослуженію и обрядамъ православной вѣры, наружнымъ образомъ, выказывая уваженіе, универсальная доктрина въ то же время вездѣ, гдѣ только могла, старалась подорвать значеніе господствующей церкви. Съ традиціонными народными вѣрованіями считаться приходилось поневолѣ; но для людей просвѣщенныхъ, очевидно, нужно было нѣчто другое. Подъ предлогомъ вѣротерпимости, инославной пропогандѣ, дотолѣ стѣсненной, вдругъ предоставленъ былъ просторъ самый широкій. Въ обѣихъ столицахъ, словно грибы послѣ дождя, размножились иностранцы проповѣдники. Тутъ были и патеры, іезуиты и евангелисты, и мистики, и паписты, философы и шарлатаны. Особеннымъ успѣхомъ пользовался извѣстный теоретикъ реакціи и апостолъ папизма, графъ Жозефъ де Местръ.

Подъ вліяніемъ его доводовъ, многіе представители высшаго общества и знатныя барыни покинули православіе и перешли въ католичество. Какъ мало императоръ Александръ придавалъ значенія различіямъ вѣроисповѣднымъ и политическимъ соображеніямъ, съ ними связаннымъ, доказываетъ назначеніе князя Адама Чарторыйскаго попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Ревностный полякъ и католикъ, Чарторыйскій предоставленною ему властью воспользовался, вполнѣ естественно, во славу католичества и во вредъ православію. Кромѣ того, снова зацвѣли и распространились франъ-масонскія организаціи. Масонство,—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ его руководители,—политикою и религіею не занимается, а довольствуется исключительно сферою нравственности. Цѣль его—возбудить въ людяхъ сознаніе братства, очистить нравы, бороться съ суевѣріями. Но, если даже и допустить подобное толкованіе, все-таки трудно постичь, какимъ образомъ масонское ученіе, по своему существу космополитическое и раціоналистическое, могло быть согласовано съ двумя основными принципами русской государственности: церковностью и народностью. Смысла церковныхъ обрядовъ и православнаго вѣроученія словно не замѣчая, масонство противополагало имъ собственные обряды и свою масонскую этику. Братство между людьми различныхъ національностей, революціонная fraternité,—съ понятіемъ народности совершенно несовмѣстимы. Что же до суевѣрія, съ точки зрѣнія раціонализма, само православіе съ его иконами и мощами есть не болѣе какъ фетишизмъ и суевѣріе. Однимъ идейнымъ отрицаніемъ члены масонскихъ ложъ не удовлетворились и, при первой возможности, перешли къ активному дѣйствію. Главнѣйшіе декабристы принадлежали почти всѣ къ франъ-масонству.

Въ органической природѣ пускаетъ ростки и даетъ плодъ единственно то, что было посажено во-время и попало въ благопріятную почву. Внутренняя народная

жизнь развивается послѣдовательно и никакого насилія надъ собою не терпитъ. Забѣганіе впередъ приводитъ къ результату обратному: вмѣсто ускоренія, оно создаетъ задержку. Себя отстаивать и съ противоположными интересами вести борьбу есть неизбѣжный удѣлъ всякой реформы. Если-же реформа дѣйствительно отвѣчаетъ назрѣвшей потребности, — препятствія она преодолѣваетъ, въ народное сознаніе постепенно проникаетъ и, въ концѣ концевъ, получаетъ осуществленіе. Въ противномъ случаѣ, она только напрасно смущаетъ умы и остается мертвою буквою. Весьма ошибаются историки, когда неудачу, постигшую преобразовательные планы императора Александра, они приписываютъ не постановкѣ и характеру этихъ реформъ, а тому противодѣйствію, которое онѣ встрѣтили.

На специфической почвѣ дворцоваго переворота между Александромъ и высшимъ дворянствомъ произошла первая ошибка. Взамѣнъ оказанной противъ отца помощи, тайная организація дворянъ-царедворцевъ намѣревалась завладѣть молодымъ государемъ и, какъ это было съ бабкою его, императрицею Екатериною, связать его преступленіемъ. Понявъ маневръ, Александръ его предупредилъ: пожавъ плоды преступленія, отвѣтственность за него онъ сбросилъ на своихъ сообщниковъ, а себѣ вернулъ свободу дѣйствія. Въ числѣ заговорщиковъ находилось нѣсколько сановниковъ послѣднихъ двухъ царствованій. Считая Александра человѣкомъ молодымъ и неопытнымъ, они разсчитывали имъ руководить. Но императору нужны были не совѣтники и опекуны, а слуги, его волѣ покорствующіе. Главнѣйшихъ дѣятелей заговора, поэтому, онъ отъ себя удалилъ, а тѣхъ изъ нихъ, кого онъ не подозрѣвалъ въ козняхъ, какъ напр. Уварова, Бенигсена, графа Валеріана Зубова, онъ не тронулъ и оставилъ при себѣ. Настоящаго Александра, какимъ де-Сангленъ обрисовалъ намъ его въ своихъ запискахъ, тогда знали очень немногіе. Въ обществѣ возобладало и получило право гражданства мнѣніе, что въ

убіеніи императора Павла молодой Цесаревичъ былъ непричемъ, а его обманули и вовлекли въ преступленіе коварные царедворцы: графы Паленъ и Панинъ, Зубовы и др.

Несмотря на проворство столь изумительное, затушевать кровавое дѣло 11 марта Александру все-таки не удалось. На все его царствованіе оно легло черною тѣнью, сладость бытія ему отравило, въ рѣшительныя минуты парализовало его волю. Обманутые въ честолюбивыхъ надеждахъ заговорщики разсѣялись по лицу Россіи. Своими разсказами про роковую ночь 11 марта и про немилостивое отношеніе къ нимъ Государя, они положили начало общественному недовольству, съ которымъ Александръ долженъ былъ бороться, вплоть до самаго 1812 года.

Начиная съ императрицы—матери, въ тогдашнемъ обществѣ реформамъ никто не сочувствовалъ. Хотя, съ удаленіемъ сановниковъ, замѣшанныхъ въ заговорѣ, императору стало гораздо просторнѣе, тѣмъ не менѣе, съ реформами онъ не торопился. Предварительно ему необходимо было подготовить кадръ сотрудниковъ, не только къ нововведеніямъ расположенныхъ, но и способныхъ ихъ выработать и провести въ жизнь Съ этою цѣлью онъ къ себѣ приблизилъ нѣсколькихъ молодыхъ людей и, подъ своимъ предсѣдательствомъ, образовалъ изъ нихъ тайный совѣтъ. Ядро этого совѣта составляли: Чарторыйскій, Новосильцовъ, графъ Строгановъ и Кочубей. Раза два—три въ недѣлю, члены совѣта обѣдали у Государя, а, затѣмъ, проходили въ кабинетъ, гдѣ за чашкою кофе бесѣдовали съ императоромъ о дѣлахъ и подавали ему записки. Темою бесѣдъ служили: введеніе въ Россіи конституціонныхъ порядковъ на англійскій ладъ, уничтоженіе крѣпостного права и просвѣщеніе народа. Въ противовѣсъ дѣятелямъ Екатерининской эпохи: Беклешову, Трощинскому, Державину и др., вокругъ престола, такимъ образомъ, возникла своего рода либеральная опричнина. Между молодыми людьми

самый свѣдущій и дѣловитый былъ Новосильцевъ. Всѣ они были аристократы диллетанты, воспитанные въ заграничномъ духѣ и съ русскою жизнью совершенно незнакомые. За исключеніемъ учрежденія министерствъ въ черновомъ видѣ, да нѣкоторыхъ мѣропріятій по народному просвѣщенію, слѣдовъ дѣятельности совѣта почти не осталось.

Слѣдующее столкновеніе императора Александра съ дворянствомъ произошло по поводу изданнаго имъ указа, въ силу котораго для унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ устанавливался обязательный двѣнадцатилѣтній срокъ пребыванія въ арміи. Такимъ образомъ отмѣнялось дарованное Петромъ III дворянству право нести службу или оставлять ее по желанію. Въ Сенатѣ противъ этого указа возсталъ графъ Северинъ Потоцкій. Онъ произнесъ горячую рѣчь и убѣдилъ сенаторовъ, на основаніи предоставленнаго Сенату недавнимъ манифестомъ права, сдѣлать Царю представленіе. На протесты генералъ-прокурора не обращая вниманія, Сенатъ выбралъ депутатами графа Строганова (отца) и двухъ другихъ сенаторовъ и поручилъ имъ явиться къ государю и сдѣлать ему представленіе.

Но Государь принялъ депутацію чрезвычайно холодно и строго предписалъ указъ привести въ исполненіе. Послѣ подобнаго урока, Сенатъ закаялся навсегда дѣлать какія-бы то ни было представленія.

„Императоръ не могъ забыть выходки графа Потоцкаго и не удостаивалъ его прежняго довѣрія; онъ продолжалъ принимать Потоцкаго у себя, но уже не отличалъ своими милостями. Зато графъ Северинъ вошелъ въ почетъ и славу въ Москвѣ и, вообще, въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, гдѣ на него стали смотрѣть какъ на чисто русскаго патріота и великодушнаго защитника дворянскихъ правъ“ *).

Система сближенія съ Англіею являлась логиче-

*) Русскій Дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. Изъ записокъ кн. А. Чарторыйскаго. Стр. 133.

скимъ послѣдствіемъ переворота 11 марта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она соотвѣтствовала экономическимъ интересамъ культурныхъ классовъ и крупнаго землевладѣнія. Въ обществѣ она была популярна и, за исключеніемъ отдѣльнаго голоса иниціатора франко-русскаго союза графа Ѳ. В. Ростопчина [1]), возраженій не вызывала. Впрочемъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ политики внутренней, отъ своего взгляда графъ Ростопчинъ вскорѣ отказался и перешелъ въ ряды враговъ Франціи. На австрійскій походъ 1805 г. дворянство смотрѣло какъ на военную прогулку. Когда же, послѣ Аустерлица, Іены и Ауерштедта, французы приблизились къ русскимъ предѣламъ и заняли Польшу, общественное мнѣніе въ Россіи встревожилось. По высочайшему повелѣнію, во всѣхъ губерніяхъ было приступлено къ формированію милиціи.

Но императоръ Александръ, подавая знакъ патріотическому движенію, дѣлалъ это не безъ скрытаго опасенія. Онъ боялся, чтобы, оказавшись во главѣ движенія, дворянство не возомнило о себѣ слишкомъ много, а всего болѣе—какъ бы не всплыли на поверхность элементы, помогавшіе ему вступить на престолъ и устраненные по минованіи надобности. Между тѣмъ, смо-

---

[1]) . . . Я раздѣляю ваше мнѣніе о слабости нынѣшняго Британскаго Министерства, но нахожу также, что президентъ (если можно употребить это выраженіе) былъ черезчуръ настойчивъ. Но каковъ бы онъ ни былъ, онъ всегда будетъ имѣть въ виду уничтоженіе единственной соперницы Франціи и, затѣмъ, деспотическое господство надъ вселенной, Английское министерство допустило Бонапарте дѣйствовать, съ тѣмъ. чтобы получить предлогъ къ возобновленію войны съ нимъ. Оно хочетъ удержать за собою Мальту и достигнетъ того, а въ случаѣ паденія Оттоманской имперіи завладѣетъ Египтомъ. Тогда наступитъ пора, что придется испрашивать паспортовъ у британскихъ чиновниковъ, чтобы получить позволеніе плавать по морямъ.

. . . Вопреки всѣмъ французскимъ военнымъ приготовленіямъ и грозѣ Бонапарта, я увѣренъ, что сему послѣднему не сдобровать, потому что, собственно говоря, войну ведетъ онъ одинъ, а одного человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, всегда можно одолѣть...

(Ростопчинъ графу Воронцову, 23 августа, 1803 г. Вороново).

ленское дворянство выбрало начальникомъ ополченія одного изъ главнѣйшихъ дѣятелей переворота, графа Н. П. Панина.

Все участіе графа Н. П. Панина въ заговорѣ ограничивалось его тайною бесѣдою съ великимъ княземъ Александромъ, въ которой онъ изложилъ ему государственныя и семейныя причины, заставлявшія желать смѣщенія императора Павла съ престола. Вскорѣ послѣ того, онъ впалъ въ немилость и былъ высланъ изъ Петербурга. Когда Александръ вступилъ на престолъ, онъ возвратился и былъ тотчасъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Но на этомъ посту онъ пробылъ недолго. Что же послужило причиною его опалы?

Прекрасный дипломатъ, графъ Н. П. Панинъ отличался сухимъ обращеніемъ и властолюбивымъ нравомъ. Сознавая себя человѣкомъ болѣе зрѣлымъ и опытнымъ, онъ имѣлъ притязаніе руководить молодымъ государемъ. Еще будучи наслѣдникомъ престола, Александръ поручилъ Панину составить проектъ конституціи и самъ по ночамъ приходилъ помогать ему въ этой работѣ. Ставъ императоромъ, онъ о проектѣ словно позабылъ. Графъ Н. П. Панинъ имѣлъ неосторожность сдѣлать ему напоминаніе и, въ отвѣтъ, получилъ приказаніе подать въ отставку.

Намѣреваясь кого нибудь сослать или удалить, обыкновенно такое лицо Александръ старался въ глазахъ общества дискредитировать. Къ Панину онъ приставилъ цѣлый сонмъ агентовъ, которые своими преслѣдованіями довели его до того, что изъ Петербурга онъ предпочелъ выѣхать добровольно. Вскорѣ послѣдовало повелѣніе, воспрещающее ему пребываніе въ столицахъ и, вообще, въ мѣстахъ, гдѣ находится государь.

Избраніе Панина въ начальники смоленской милиціи показалось Александру какъ бы личною противъ него демонстраціею. Получивъ списокъ дворянъ, онъ вычеркнулъ изъ него имя графа Панина. До глубины души оскорбленный, графъ Панинъ обратился къ государю съ

письмомъ, въ которомъ онъ просилъ позволенія, хотя бы въ качествѣ простаго воина, участвовать въ защитѣ отечества. Прошеніе это было возвращено ему съ наддраніемъ *).

Съ откровенностью, переходящею въ фамиліарность, въ письмѣ къ императору отъ 17 Декабря 1806 г., графъ Ѳ. В. Ростопчинъ излагаетъ взгляды и требованія дворянства:

„Сіе знаменитое сословіе, одушевленное духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ отечеству и гордится лишь титломъ Россіянъ. Милиція учредится въ срокъ и сила ея поставитъ несомнѣнную преграду врагу всемірному и конецъ желанію войти въ хранимую Богомъ землю, кою сто лѣтъ нога непріятеля попирать не дерзала.

„Но все сіе усердіе, мѣры и вооруженія, досель нигдѣ неизвѣстныя, обратятся въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всѣхъ бунтахъ и возмущеніяхъ единственная цѣль черни, къ чему она нынѣ еще успѣшнѣй устремится по примѣру французовъ и бывъ къ сему уже пріуготовлена нещастнымъ просвѣщеніемъ, коего неизбѣжныя слѣдствія суть гибель законовъ и царей.

„...Присяга и совѣсть повелѣваетъ мнѣ исполнить долгъ святой, представивъ истину передъ Лицо Ваше въ томъ видѣ, какъ я представлялъ оную въ то время, когда сердце Ваше отдавало справедливость нелицемѣрной любви моей, и для сего заклинаю Васъ именемъ Божіимъ, подумайте о прошедшемъ и о настоящемъ, о измѣнѣ Степанова **), о расположеніи умовъ, о философахъ, о мартинистахъ и о выборѣ начальника московской милиціи ***). Явитесь на нѣсколько дней въ городъ

*) Записки С. А. Тучкова. Стр. 270.

**) Интендантскій чиновникъ, осужденный на каторгу за выдачу французамъ въ 1806 г. свѣдѣній о размѣщеніи войскъ.

***) Здѣсь Растопчинъ указываетъ повидимому, на избраніе вліятельными масонами въ начальники сухопутной милиціи франъ-масона—моряка адмирала Мордвинова.

сей и возжгите паки въ сердцахъ любовь, совсѣмъ почти погасшую изъ несчастныхъ происшествій и презрѣнія къ министерству“.

Другими словами: противъ внѣшняго врага дворянство вамъ поможетъ, но за то и вы, Государь, въ свою очередь, обѣщайте не затѣвать реформъ, прекратите общеніе съ философами и мартинистами, перемѣните министерство, а паче всего, не трогайте крѣпостнаго права. Съ этою программою пріѣзжайте въ Москву, и тогда къ вамъ вновь воспламенится любовь, теперь совершенно погасшая.

Послѣ пораженія русско-прусской арміи подъ Фридландомъ, положеніе императора Александра сдѣлалось безвыходнымъ. Въ дальнѣйшей выдачѣ субсидій Англія отказала. Императоръ Александръ стоялъ передъ дилеммою: либо, по Ростопчинскому совѣту, поставивъ на реформы крестъ и съ покаяннымъ словомъ отправиться въ Каноссу, т. е. въ Москву, либо принять условія Наполеона и заключить съ нимъ миръ. Изъ двухъ золъ, выбирая меньшее, Александръ рѣшился на послѣднее.

Тильзитскимъ договоромъ императоръ Александръ призналъ гегемонію Франціи на европейскомъ Западѣ и принялъ обязательство закрыть русскія гавани для англійской торговли. За эти уступки онъ пріобрѣлъ широкій просторъ въ дѣйствіяхъ противъ Швеціи и Турціи, а что важнѣе всего, избѣгъ необходимости пройти черезъ Кавдинскія ущелья, гдѣ его поджидало дворянство и, такимъ образомъ, сохранилъ себѣ возможность продолженія реформъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, вѣсть о Тильзитскомъ договорѣ произвела на русское общество дѣйствіе самое удручающее. Вмѣсто того, чтобы дать отпоръ „врагу всемірному“, Россія сама подчинилась его волѣ. Наиболѣе тяжелымъ обязательствомъ являлось прекращеніе торговли съ Англіею. Въ то время Англія была главною покупательницею русскаго сырья и поставщицею предметовъ роскоши. Затѣмъ сближеніе съ Напо-

леономъ означало принесеніе въ жертву его честолюбію интересовъ консервативной Европы. Вотъ какъ о настроеніи умовъ повѣствуетъ современникъ:

„Уже съ Сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по французски; въ слѣдующемъ году сдѣлано это и со всею арміею. Новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли французскую ливрею и, съ насмѣшливою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ".

„Можно себѣ представить какъ все это было больно для петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностью сія искуственная аристократія, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала посланнаго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ убійственною учтивостью, въ которой она такая мастерица и которой тайна ей одной извѣстна" *).

Общественнаго предубѣжденія не могли побороть ни побѣды русскаго оружія, ни успѣхи внѣшней политики. Вмѣсто радости, эти успѣхи возбуждали неудовольствіе, ибо въ нихъ видѣли утвержденіе системы, отъ которой, безразлично какою цѣною, но всѣ хотѣли отдѣлаться. „Ничего не могло быть удивительнѣе,—продолжаетъ тотъ-же современникъ,—мнѣнія публики, когда пушечныя выстрѣлы съ Петропавловской крѣпости возвѣстили о заключеніи мира (со Швеціею)... Всѣ спрашивали другъ у друга, въ чемъ состоятъ условія. Неужели большая часть Финляндіи отходитъ къ Россіи? Нѣтъ, вся Финляндія присоединяется къ ней. Неужели по Торнео? Даже и Торнео съ частью Лапландіи.

*) Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. Стр. 5.

Неужели и Аландскіе острова? И Аландскіе острова. О Боже мой. О бѣдная Швеція" *).

Въ 1807 году распалась либеральная опричнина. Новосильцевъ былъ произведенъ въ сенаторы и уѣхалъ заграницу; Чарторыйскій посвятилъ себя дѣламъ Виленскаго учебнаго округа; Графъ Павелъ Строгановъ поступилъ въ военную службу; на мѣсто Кочубея, министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ князь Куракинъ. За исключеніемъ Чарторыйскаго, который въ качествѣ поляка держалъ себя осторожно и особнякомъ, бывшіе члены „дружескаго комитета" громко высказывали свое несочувствіе политикѣ Тильзита. Всѣхъ дальше въ этомъ направленіи пошелъ графъ Павелъ Строгановъ: французскаго посла онъ не позвалъ на вечеръ, на который былъ приглашенъ посолъ австрійскій. За это его самого, впродолженіе цѣлаго года, не приглашали ко Двору. Подъ конецъ онъ уступилъ, пригласилъ французскаго посла на балъ и передъ нимъ извинился.

Агитація противъ союза съ Франціею служила почвою, на которой сближались и подавали другъ другу руку оттѣнки русскаго общественнаго мнѣнія самые противуположные. Къ соображеніямъ отвлеченнымъ, соображеніемъ патріотизма, народной гордости и пр. присоединялись мотивы реальные, экономическіе. Прекращеніе торговли съ Англіею на культурномъ слоѣ населенія, преимущественно на жителяхъ столицъ, отразилось весьма чувствительно. Бумажныя деньги упали въ цѣнѣ, вывозъ сырья пріостановился, предметы роскоши и колоніальные товары вздорожали. Хотя все это собственно народному хозяйству вреда не причинило, а въ столицѣ выраженіе недовольства, пока, ограничивалось частными разговорами и салонною фрондою, однако для Александра было очевидно, что темная сила, возведшая его на престолъ, на этой экономической почвѣ можетъ объединить недовольныхъ и на этотъ разъ

*) Зап. Вигеля. Ч. III. Стр. 64.

обратиться противъ него самого. Толковъ и угрозъ словно не слыша и не замѣчая, императоръ Александръ по намѣченному пути продолжалъ слѣдовать неуклонно. Въ этихъ обстоятельствахъ, до послѣдней степени сложныхъ и трудныхъ, въ полномъ блескѣ проявились дарованія его чисто политической натуры: находчивость, быстрота въ рѣшеніяхъ, гибкость и самообладаніе.

Новый курсъ политики требуетъ и новыхъ людей. По внѣшнимъ сношеніямъ, императоръ Александръ нашелъ помощника вѣрнаго и надежнаго, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Н. П. Румянцова. Военнымъ министромъ былъ и остался державшій армію въ страхѣ, безпрекословный исполнитель царскихъ велѣній, графъ А. А. Аракчеевъ. Для подготовленія реформъ внутреннихъ, императоръ приблизилъ къ себѣ человѣка, котораго зналъ и ранѣе, но съ которымъ, до тѣхъ поръ, непосредственныхъ сношеній не имѣлъ. Человѣкъ этотъ былъ М. М. Сперанскій.

Глава IV.

Сперанскій.

Когда русскіе люди желаютъ представить Царю возраженіе, во избѣжаніе прямого столкновенія, они, обыкновенно, прибѣгаютъ къ слѣдующему пріему: берутъ главнаго выразителя системы, отождествляютъ его съ нею и, затѣмъ, производятъ на него нападеніе. Въ душѣ они сознаютъ прекрасно, что тотъ, на кого они возлагаютъ отвѣтственность, въ сущности, выполнялъ лишь приказанія свыше. Знаетъ это и самъ Царь, но не препятствуетъ, потому что скажи онъ: такова была моя воля,—прекратилась бы всякая возможность дальнѣйшей бесѣды. Дѣятель, Царю и его оппонентамъ послужившій условною почвою, въ глазахъ общественнаго мнѣнія выростаетъ, становится знаменемъ, пріобрѣтаетъ

значеніе принципіальное, въ большинствѣ случаевъ, совершенно незаслуженное. Одна партія на него набрасывается съ ожесточеніемъ, другая, не менѣе горячо, его отстаиваетъ и восхваляетъ. Со смертью дѣятеля рознь не прекратится и перейдетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Имя М. М. Сперанскаго возбуждаетъ и въ настоящее время почти тѣ же страсти, какъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ оцѣнкѣ его жизни и дѣятельности историки и публицисты между собою не сходятся и, въ зависимости отъ того—кто какихъ убѣжденій, они раздѣляются на два, рѣзко противоположныхъ, лагеря.

Сочувствіе и поклоненіе, которыя наша радикальная интеллигенція оказывала Сперанскому при его жизни, и ореолъ, которымъ она окружила его память, обусловливаются духомъ партіи. Въ Сперанскомъ она признала своего. И ранѣе выходцы изъ народа достигали высокаго положенія, напр. Меньшиковъ, Разумовскій, но всѣ они были люди случайные, царскіе любимцы. Между тѣмъ, въ лицѣ Сперанскаго появился дѣятель съ ярко окрашенною отрицательною тенденціею. На самыхъ вершинахъ служебной карьеры, онъ былъ поборникомъ народной свободы, врагомъ абсолютизма и сословныхъ привиллегій. Консервативная партія его не взлюбила, преслѣдовала его клеветою и происками и, въ концѣ концовъ, добилась его изгнанія. Такимъ образомъ, ко всѣмъ заслугамъ и достоинствамъ Сперанскаго присоединяется еще вѣнецъ мученичества.

По тѣмъ же причинамъ, консервативные писатели,—Державинъ, Шишковъ, Карамзинъ, Вигель и др.,—видятъ въ Сперанскомъ темную силу. „Онъ не любилъ дворянства“,—пишетъ о немъ Вигель,—коего презрѣніе онъ испыталъ къ прежнему своему состоянію; онъ не любилъ религіи, коей правила стѣсняли его дѣйствія и противились его обширнымъ замысламъ; онъ не любилъ монархическаго правленія, которое заслоняло ему путь на самую высоту; онъ не любилъ своего отечества, ибо почиталъ его недовольно просвѣщеннымъ и его недостойнымъ... Мнѣ

случилось быть съ нимъ, если не въ близкихъ, то въ частыхъ отношеніяхъ. Я раздѣлялъ всеобщее къ нему уваженіе; но и тогда близъ него мнѣ все казалось, что я слышу сѣрный запахъ и въ голубыхъ очахъ его вижу синеватое пламя подземнаго міра" *).

Легенда о Сперанскомъ, какъ и вообще всѣ легенды, отъ истины далека и критики не выдерживаетъ. Обѣ стороны,—радикальная, возвеличивающая Сперанскаго, и консервативная, его унижающая, весьма ошибаются, придавая Сперанскому и его дѣйствіямъ значеніе самостоятельное. Въ дѣйствительности, онъ былъ только выразителемъ чужой, надъ нимъ стоявшей, воли, вполнѣ опредѣленной и крайне ревнивой. Прокладывать новаго пути ему не было надобности уже потому, что гораздо ранѣе этотъ путь проложила универсальная доктрина. Если Сперанскій былъ либераломъ, конституціоналистомъ, если онъ покровительствовалъ евреямъ и инородцамъ, ничего тутъ нѣтъ удивительнаго: со дня вступленія па престолъ, императоръ Александръ всѣмъ этимъ былъ и все это дѣлалъ.

Про рѣдкія редакторскія способности Сперанскаго біографъ его, баронъ М. А. Корфъ, разсказываетъ слѣдующее: „Для испытанія, молодому челоэѣку велѣно было явиться однажды къ осьми часамъ вечера, и Куракинъ поручилъ ему написать одиннадцать писемъ къ разнымъ лицамъ, употребивъ около часа на одно изъясненіе на словахъ того, что слѣдовало сказать въ каждомъ письмѣ... Сперанскій тутъ же написалъ всѣ одиннадцать писемъ, такъ что въ 6 часовъ утра онѣ уже лежали па столѣ у Куракина. Князь сперва не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ, что дѣло уже выполнено, а потомъ, прочитавъ письма и видя какъ они мастерски изложены, еще болѣе изумился..." **).

Въ этомъ фактѣ—весь Сперанскій. Умѣнье мысль начальника схватывать на лету, а, затѣмъ, краснорѣчиво

*) Записки Вигеля, ч. II, стр. 9, 10.
**) Жизнь графа Сперанскаго. Т. I, ч. 1, стр. 38. (Спб. 1861).

передавать ее на бумагѣ, трудолюбіе, начитанность, замѣчательная память,—онъ обладалъ всѣми качествами идеальнаго секретаря или директора канцеляріи. Спрашивается, однако: столь исключительная способность подчиненія и ассимиляціи, совмѣстима ли она съ оригинальностью натуры и самобытностью мышленія? Ясный и гладкій, слогъ у Сперанскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, холоденъ, реториченъ и лишенъ всякаго художественнаго проблеска. Говорятъ, человѣкъ лучше всего познается въ несчастіи. На подмосткахъ величія и славы Сперанскій казался нѣкимъ Наполеономъ. Посмотримъ, какимъ же онъ явился въ изгнаніи. Вмѣсто орла со связанными крыльями, передъ нами самый обыкновенный чиновникъ въ отставкѣ, который, не находя себѣ мѣста, хватается то за литературу, то за сельское хозяйство. Единственная его забота — какъ-нибудь выпутаться изъ бѣды и снова попасть въ милость. Съ этою цѣлью онъ заискиваетъ передъ Аракчеевымъ и кадитъ его военнымъ поселеніямъ. На тускломъ фонѣ повседневной переписки Сперанскаго, ярко выдѣляется знаменитое Пермское его письмо Государю. Но и въ этомъ, яко бы прямодушномъ, порывѣ Сперанскій дѣйствуетъ вполнѣ обдуманно и остается себѣ на умѣ. Онъ знаетъ, что благородство—струна у Александра самая чувствительная. Поэтому, обращаясь къ его совѣсти, онъ разсчитываетъ сильнѣе всего на него произвести впечатлѣніе, и, какъ потомъ выяснилось, разсчетъ этотъ оправдался безусловно.

Въ отзывахъ о Сперанскомъ современники сходятся въ томъ, что онъ былъ хитеръ, уклончивъ и что разгадать его было невозможно. „Товарищи, пишетъ Бантышъ-Каменскій про Сперанскаго, старались сблизиться съ нимъ, но тщетно. Одинъ изъ нихъ говорилъ своему знакомому: „Не постигаю этого человѣка. Онъ повидимому слился со мною; сердца наши, какъ будто, соединились. Глядь! какъ налимъ ускользнулъ изъ рукъ“. Совершенно такое же впечатлѣніе вынесъ о Сперан-

скомъ графъ Каподистрія. „Мы, разсказывалъ онъ впослѣдствіи, толковали и о политикѣ, и о наукахъ, и о литературѣ, и объ искусствахъ, въ особенности же о принципахъ, и ни на чемъ не могъ я его поймать: такъ все въ немъ загадочно, осторожно, односложно. Не помню во всю мою жизнь ни одной такой трудной бесѣды, которую мнѣ пришлось кончить всетаки ничѣмъ, т. е. нисколько не разгадавъ эту непроницаемую личность".

Г. Р. Державинъ говоритъ въ своихъ запискахъ: „Сперанскій совсѣмъ былъ преданъ жидамъ черезъ извѣстнаго откупщика Перетца, котораго онъ открытымъ образомъ считался пріятелемъ и жилъ въ его домѣ... *) Сперанскаго гласно подозрѣвали и въ корыстолюбіи — по одному еврейскому дѣлу, а особливо по связи его съ Перетцомъ" **).

Корыстолюбіе Сперанскаго баронъ М. А. Корфъ рѣшительно отрицаетъ, на томъ основаніи, что Сперанскій болѣе искалъ власти и вліянія, нежели денегъ. Стараясь быть безпристрастнымъ, баронъ Корфъ весьма добросовѣстно приводитъ показанія за и противъ. Надо, однако, помнить, что писалъ онъ свое изслѣдованіе въ самый разгаръ освободительнаго движенія 1861 г. Человѣкъ характера, повидимому, весьма мягкаго, онъ могъ опасаться вызвать злобу, всесильныхъ тогда, радикальныхъ органовъ „Современника" и „Колокола".

Приведенныхъ отзывовъ вполнѣ достаточно чтобы о нравственной физіономіи Сперанскаго составить себѣ опредѣленное мнѣніе. Это былъ карьеристъ чиновникъ, тихо ступающій и мягко стелющій. Необыкновенное его возвышеніе, въ связи съ особенностями этой шалой эпохи, когда пастухи становились маршалами, а маршалы дѣлались королями, ударило ему въ голову, разожгло въ немъ честолюбіе и подняло самомнѣніе. Но, какъ только надъ нимъ стряслась бѣда, весь угаръ изъ

*) Записки Державина. Стр. 476.
**) ibid. Стр. 480.

головы у него вышелъ, онъ присмирѣлъ и снова сдѣлался искателенъ. Черты мало симпатичныя и совсѣмъ не героическія. Со стороны радикальныхъ круговъ совершенно понятно стремленіе выставить Сперанскаго борцомъ за свободу и низвергнутымъ титаномъ. Въ общей сложности его достоинствъ и недостатковъ, ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не выходитъ.

Переходя къ плану реформъ Сперанскаго, прежде всего, замѣтимъ, что, хотя на немъ и лежитъ печать личности Сперанскаго, онъ составляетъ, однако, сборную бюрократическую работу. При разсмотрѣніи его, поэтому, трудно различить, что есть наслѣдіе дружескаго Комитета или что заимствовано у Лагарпа [1]), что указано было Государемъ и что неотъемлемо принадлежитъ автору. Планъ представляетъ стройное цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся въ тѣсномъ соотношеніи. Между тѣмъ, получили осуществленіе всего нѣкоторые пункты программы и, притомъ, наименѣе важные, а другіе остались неисполненными. Въ виду сего, о реформахъ Сперанскаго нельзя судить по ихъ результатамъ, а только по намѣреніямъ, т. е. не на основаніи того, что было сдѣлано, а что сдѣлать предполагалось.

По плану Сперанскаго государственныя учрежденія раздѣлялись на два вида: учрежденія мѣстныя и центральныя.

Учрежденія мѣстныя. Въ самомъ низу—волость. Она состоитъ изъ волостной думы и волостнаго правленія. Волостная дума состоитъ изъ всѣхъ поземельныхъ собственниковъ. Въ ней принимаютъ участіе казенные крестьяне, посылая съ пятисотъ душъ по одному депутату. Дума собирается каждое трехлѣтіе. Она назначаетъ членовъ волостнаго правленія и выбираетъ депутатовъ въ уѣздную думу и, вслѣдъ за этимъ, расхо-

[1]) Лагарпъ тоже принималъ участіе въ дружескомъ Комитетѣ. Изъ Швейцаріи онъ присылалъ императору Александру письма и мэморіи.

дится. Слѣдующая степень—уѣздная дума. Она передаетъ желанія и представленія волостей въ губернскую думу, которая выбираетъ членовъ губернскаго правленія, членовъ губернскаго суда и депутатовъ въ Государственную думу.

Учрежденія центральныя. Согласно классическому ученію Монтескье, государственное управленіе дѣлится на три паралельныя, вполнѣ раздѣльныя, власти: законодательную, административную и судебную. Первая ввѣряется Государственной думѣ, вторая — министерствамъ и третья—Сенату. Всѣ эти три власти соединяются въ Государственномъ Совѣтѣ и черезъ его посредство восходятъ къ престолу.

Далѣе, Сперанскій допускаетъ дѣленіе гражданъ на два класса: высшій и низшій. По его проекту, „высшій классъ долженъ быть основанъ на правѣ первородства (маіоратѣ). Онъ предназначенъ занимать первыя государственныя должности и блюсти за сохраненіемъ законовъ. . Этотъ классъ составитъ истинно монархическую аристократію“.

Признаніе сословности и даже наслѣдственной аристократіи являлось нарушеніемъ ортодоксальной доктрины, въ силу которой источникъ власти есть нація. Но въ то время большинство русскаго населенія состояло въ крѣпостной зависимости, а считать крѣпостныхъ націею было довольно трудно. Кромѣ того, посредствомъ родовой аристократіи, быть можетъ, Сперанскій имѣлъ въ виду создать противовѣсъ неограниченной царской власти? Или, превращая нашихъ крупныхъ помѣщиковъ въ англійскихъ лордовъ, онъ хотѣлъ родовитыхъ сановниковъ привлечь на свою сторону и расположить въ пользу своихъ плановъ? Тутъ можно только предполагать, такъ какъ для болѣе точнаго отвѣта не существуетъ никакихъ данныхъ.

Еще ранѣе обнародованія новаго положенія о министерствахъ и Государственномъ Совѣтѣ, по предложенію Сперанскаго, были изданы два указа, совершенно

измѣнявшіе требованія вступленія на службу и ея прохожденія. 3 Апрѣля 1809 года былъ изданъ указъ *о придворныхъ чинахъ* а 6 Августа того же года *указъ объ экзаменахъ на чины.* Указомъ 3 Апрѣля производство въ чины съ придворными званіями болѣе не соединялось, а указомъ 6 Августа для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника требовалось выдержаніе экзамена и предъявленіе диплома.

Такова, въ немногихъ словахъ, общая схема задуманныхъ Сперанскимъ преобразованій. Главная руководящая мысль реформы—созданіе въ Россіи правомѣрнаго строя, дабы „найти средство сдѣлать основные законы ненарушимыми и священными для всѣхъ, не исключая особы монарха“. Такимъ образомъ, монархъ уже не стоитъ выше закона, а ему подчиняется, какъ и всякій обыкновенный подданный.

Тутъ Сперанскій упускаетъ изъ виду обстоятельство чрезвычайно важное. Въ Европѣ политическія права народу не были дарованы свыше, но явились историческимъ результатомъ взаимной борьбы, компромиссовъ и договоровъ между различными общественными элементами. Тамъ идея права—не плодъ кабинетной теоріи, а живая сила, драгоцѣнное достояніе, на стражѣ котораго, отъ мала до велика, стоятъ всѣ граждане.

Со всѣхъ сторонъ окруженный внѣшними врагами, русскій народъ въ крѣпкой государственной власти искалъ спасенія и защиты. Дабы только избѣгнуть увода въ плѣнъ, поруганія вѣры и всяческихъ мученій, онъ скорѣе соглашался нести, какія угодно, государственныя тяготы и повинности. Гдѣ же было, при такихъ условіяхъ, отстаивать личныя права, по рельефному выраженію Достоевскаго, „животишки“. И Царь, и народъ были людьми глубоко вѣрующими. Ручательствомъ у нихъ выполненія взаимныхъ обязанностей служилъ, поэтому, не писаный законъ, который, во всякое время, тѣмъ, кто сильнѣе, можетъ быть нару-

шенъ, а нѣчто высшее: Заповѣдь Божія. Народъ цѣловалъ крестъ царю, а царь, вступая на царство, народу. Это то цѣлованіе креста, при невидимомъ свидѣтелѣ, всевышнемъ Богѣ, и есть историческая хартія русскаго народа.

Доктрина становится активною, говоритъ Тэнъ, лишь въ томъ случаѣ, когда она вошла въ обычай и принимается слѣпо. Впродолженіи вѣковъ, русскій народъ привыкъ смотрѣть на царя, какъ на Богомъ даннаго своего защитника, tribunus plebis. Къ попыткѣ умаленія царской власти отнестись сочувственно народъ не могъ уже потому, что въ полнотѣ этихъ правъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее обезпеченіе своихъ интересовъ. Спрашивается, была ли, въ самомъ дѣлѣ, необходимость разрушать живое, окруженное ореоломъ мистики, представленіе о царѣ и замѣнять его сухимъ принципомъ формальнаго права? Какъ ни смотрѣть на самодержавіе, но, разъ въ народномъ сознаніи оно пустило столь глубокіе корни, прямою обязанностью реальнаго политика, казалось бы, не колебать его, а, напротивъ, въ качествѣ надежнѣйшаго фундамента власти, имъ воспользоваться во благо народа.

Планъ Сперанскаго получилъ осуществленіе не въ цѣломъ его видѣ, а лишь въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частяхъ. Утверждены были государственный совѣтъ и министерства. Реформа Сената была одобрена, но не приведена въ исполненіе. Все же, что касалось самоуправленія, помѣстныхъ думъ, государственной думы и пр., такъ и осталось въ проектѣ. Вышло то, чего Сперанскій никакъ не предполагалъ, а желать могъ всего менѣе. Съ особеннымъ рвеніемъ настаивалъ онъ на установленіи отвѣтственности министровъ. Но, за неутвержденіемъ государственной думы, вмѣсто отвѣтственности, наступило неограниченное ихъ полновластіе. Въ свою очередь, не имѣя возможности разобраться во множествѣ дѣлъ, министры, по необходимости, должны были полагаться на докладчиковъ. Въ результатѣ, какъ

это впослѣдствіи засвидѣтельствовалъ самъ императоръ Николай Павловичъ, настоящими хозяевами Россіи сдѣлались столоначальники. Мы видѣли, какое широкое поле дѣйствія предоставлялъ Сперанскій высшему дворянству въ выборахъ и высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Если бы реформа осуществилась, тогда и вправду дворянству не было бы основанія сидѣть въ канцеляріяхъ и отбивать хлѣбъ у чиповниковъ-ремесленниковъ. Но выработанная Сперанскимъ сословная организація осталась невыполненною, между тѣмъ указы 3 Апрѣля и 6 Августа 1809 г., уничтожавшіе служебныя привилегіи дворянства, вступили въ силу немедленно. Родовитое дворянство, послѣ этихъ указовъ, отъ гражданской службы начало уклоняться и предпочитать ей службу военную. Бюрократія, вслѣдствіе сего, лишилась участія элемента наиболѣе самостоятельнаго и идейнаго, получила характеръ строго профессіональный и, соотвѣтственно, обезцвѣтилась. Въ общемъ итогѣ, образовался государственный строй, который нельзя иначе характеризовать, какъ словами, одного изъ сотрудниковъ Сперанскаго, барона Розенкампфа: la bureaucratie la plus complète.

Постигшая преобразованія Сперанскаго неудача — явленіе далеко не случайное, а, напротивъ, она есть прямое и логическое послѣдствіе, положенныхъ въ основаніе реформы, принциповъ универсальной доктрины. Какую собственно цѣль преслѣдовала доктрина?—Сначала расчистить почву, разорвать съ историческою традиціею, поколебать народныя вѣрованія, стереть бытовыя особенности, а, затѣмъ, когда народъ въ надлежащей степени будетъ обезличенъ, подвести его подъ дѣйствіе всеобщей формулы. Согласно сему, изъ арсенала предложенныхъ Сперанскимъ реформъ, доктрина взяла себѣ то, что соотвѣтствовало ея духу, а на остальное она не обратила вниманія и прошла мимо. Въ конечномъ результатѣ усилились: цезаризмъ, централизація и бюрократія,—т. е. именно тѣ элементы, которыми доктрина разсчитывала воспользоваться, —тогда какъ само-

управленіе и сословность были безпощадно вычеркнуты. Абсолютную власть монарха, до поры до времени, универсальная доктрина не трогала, но, подъ ея вліяніемъ, самодержавіе перестало походить на древне-византійскій царизмъ, близкій народу по духу, исполненный уваженія къ старинѣ и церковности. Мало по малу, для себя незамѣтно, стало оно усвоивать просвѣтительно-демагогическій пошибъ французской имперіи. Когда же процессъ дезорганизаціи впередъ подвинется настолько, что между Царемъ Божьею милостью и народомъ-самодержцемъ посредствующихъ инстанцій болѣе не будетъ, — Царю останется одно: se soumettre ou se démettre.

Ученые историки славянофильскаго лагеря упрекаютъ Петра Великаго будто-бы онъ, водворяя въ Россію насильственно западное просвѣщеніе, разобщилъ интеллигентный классъ съ народомъ и между ними создалъ пропасть. Разсуждая такимъ образомъ, они впадаютъ въ анахронизмъ, потому что ставятъ въ вину великому Преобразователю то, что случилось пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти. Петръ Великій былъ не отвлеченный теоретикъ, а практическій дѣятель. Никакихъ устоевъ онъ не подрывалъ, а если къ русской старинѣ относился отрицательно, — это по мотивамъ дѣловаго свойства. Несмотря на французскіе кафтаны и моды, императрица Елисавета и ея приближенные были людьми вполнѣ русскими и во всей чистотѣ сохраняли типическія особенности русскаго быта.

Совершенно обратное произошло послѣ того, какъ ученіе энциклопедистовъ проникло въ Россію и овладѣло умами. Инстинктомъ геніальнаго художника національный нашъ поэтъ Пушкинъ угадалъ положеніе. Высоко цѣня созидательный геній Петра Великаго („Полтава", „Въ надеждѣ славы и добра", „Мѣдный Всадникъ" и др.) универсальную доктрину, съ ея высокомѣрно-пренебрежительнымъ отношеніемъ къ русской жизни, онъ представилъ въ Евгеніѣ Онѣгинѣ, а, затѣмъ, подъ конецъ романа, заставилъ своего героя преклониться передъ бы-

товою русскою правдою, которую поэтъ олицетворилъ въ Татьянѣ. Черта весьма знаменательная: послѣднее объясненіе Евгенія и Татьяну не сблизило, а, напротивъ, окончательно ихъ разобщило, такъ что каждый пошелъ въ свою сторону. Да иначе и не могло быть: нить историческаго развитія была перервана. Универсальная доктрина и русскій бытъ стояли другъ отъ друга въ такомъ отдаленіи, что всякая попытка ихъ приблизить подчеркивала еще болѣе ихъ коренное взаимное противорѣчіе.

Хотя въ разрушительныхъ своихъ дѣйствіяхъ универсальная доктрина, на первыхъ порахъ, не встрѣтила сочувствія русскаго общества и потерпѣла неудачу, тѣмъ не менѣе, вредъ она причинила Россіи огромный и непоправимый. Нарушивъ естественное развитіе вещей, она всякую мысль о реформахъ заставила отложить на неопредѣленное время. Наступилъ періодъ всеобщаго оцѣпененія и застоя, который съ 1812 года продолжался почти полвѣка, т. е. до Крымской войны и эпохи крестьянскаго освобожденія. Политическая жизнь Россіи словно замерла: наверху ничего не двигалось, но и внизу ничего не зарождалось и не росло. Устраненная отъ государственныхъ дѣлъ, при полной невозможности подвергать свои взгляды провѣркѣ на практикѣ, россійская интеллигенція отъ дѣйствительности уклонилась и затерялась въ отвлеченностяхъ. Пошли въ ходъ „кружки", члены которыхъ, собираясь вокругъ самовара, въ интимныхъ бесѣдахъ обсуждали между собою текущіе вопросы. Такимъ образомъ, возникло отрицательное движеніе шестидесятыхъ годовъ.

Когда пронесся громъ Севастопольской катастрофы, правительство и общество встрепенулись и усиленною дѣятельностью старались наверстать пропущенное время. Въ отечественную войну, преодолѣвъ великаго Наполеона, государственный строй Россіи тѣмъ доказалъ свою живучесть и, поэтому, отвергнуть назойливыя притязанія универсальной доктрины онъ имѣлъ безспорное, нравственное право. Теперь, послѣ Севастополя, онъ

чувствовалъ себя настолько подавленнымъ и униженнымъ, что уже не дерзалъ промолвить слова въ свою защиту. Толковать о постепенствѣ, о сохраненіи быта, о подробностяхъ сельскаго благоустройства и пр. было слишкомъ поздно. Гордіевъ узелъ требовалось разрубить, все равно какимъ способомъ, только непремѣнно скорѣе. Настала минута полнаго торжества универсальной доктрины. Отнынѣ, надъ обезсиленнымъ, утратившимъ въ себя вѣру государственнымъ организмомъ она могла творить все, что ей было по нраву. Освобожденное крестьянство бюрократія захватила въ свои руки. Дабы устранить на него вліяніе другихъ сословій, ревниво выдѣлила она его въ особый міръ, надъ которымъ учредила свою опеку. Продолженіе антисословной традиціи императора Александра I принялъ на себя великій князь Константинъ Николаевичъ. Мѣсто Сперанскаго заступилъ Николай Милютинъ, а лѣвѣе отъ него стали два публициста: Герценъ и Чернышевскій.

Глава V.

Континентальная система.

Когда въ Тильзитѣ Россія присоединилась къ континентальной системѣ, она представляла государство чисто земледѣльческое. Цифра фабричныхъ рабочихъ въ 1804 году не достигала ста тысячъ, что въ круглыхъ цифрахъ, на сумму 30 мил. населенія, составляетъ $^1/_3$ процента. Вся масса сельскаго люда жила исключительно предметами собственнаго производства. Товары заграничные, колоніальные и др. находили сбытъ въ городахъ, главнымъ образомъ, столичныхъ и портовыхъ и потреблялись людьми богатыми или уже успѣвшими пріобрѣсти культурныя привычки.

Изъ всей суммы, собранныхъ въ 1803 году, таможенныхъ сборовъ, 13.121.545 рублей, на долю

С.-Петербургской Таможни приходилось 7.063.402 р. т. е. болѣе половины. За Петербургскою таможнею слѣдовала Рижская (1.472.710 р.), потомъ Ревельская (526.006 р.), Архангельская (364.869 р.). Изъ приведенныхъ цифръ видно, въ заграничной торговлѣ какое огромное значеніе имѣлъ Петербургъ. Оно и естественно: въ Петербургѣ пребывала Царская Фамилія, размѣщены были войска гвардіи и находились вѣдомства Управленія. Поэтому, всякая помѣха въ доставкѣ иностранныхъ товаровъ тяжело отзывалась на жителяхъ столицы, тогда какъ, въ тоже самое время, для остальной Имперіи она могла быть почти незамѣтна.

Слѣдующая таблица движенія русскихъ портовъ показываетъ, что между государствами, съ которыми Россія вела торговлю, первое мѣсто принадлежало Англіи. [1])

[1]) Князь Ив. Голицынъ. Статистическія таблицы Россійской имперіи. М. 1807 г. і. f⁰.

1803 г.

			Количество судовъ.	Ластовъ.
Англія:	прибыло:	съ грузомъ:	319	33.355
		безъ грузу:	993	
	отошло:	съ грузомъ:	1277	132.297³/₄
		безъ грузу:	17	
Голландія:	прибыло:	съ грузомъ:	1	145
		безъ грузу:	29	
	отошло:	съ грузомъ:	36	4332
		безъ грузу:	—	
Швеція:	прибыло:	съ грузомъ:	204	10.511
		безъ грузу:	241	
	отошло:	съ грузомъ:	—	
		безъ грузу:	—	
Данія:	прибыло:	съ грузомъ:	163	7397
		безъ грузу:	241	
	отошло:	съ грузомъ:	405	20.237
		безъ грузу:	201	
Пруссія:	прибыло:	съ грузомъ:	103	6894
		безъ грузу:	201	
	отошло:	съ грузомъ:	313	23.237
		безъ грузу:	1	
Австрія:	прибыло:	съ грузомъ:	94	9381
		безъ грузу:	201	
	отошло:	съ грузомъ:	301	29.602
		безъ грузу:	5	

Съ прекращеніемъ торговыхъ сношеній съ Англіею, во внѣшней торговлѣ произошло паденіе: въ 1806 году общій оборотъ равнялся 120 мил.,—въ 1807 году 100 мил. руб.,—въ 1808 году только 83 мил. руб. Затѣмъ возникло сильное контрабандное движеніе, которое учету не подлежитъ.

Посмотримъ, какимъ образомъ кризисъ внѣшней торговли отразился на внутреннемъ бытѣ, различныхъ мѣстностяхъ и слояхъ населенія Россіи. Кто потерпѣлъ и кто остался въ выигрышѣ?

Изъ предметовъ иностраннаго ввоза единственный, которымъ затрогивались интересы бѣдныхъ классовъ, была соль. Въ запискахъ современницы, графини Шуазель-Гуффье, мы находимъ слѣдующія указанія: „Континентальная система, произвольно навязанная Наполеономъ Россіи, сдѣлалась ей въ тягость и внушала серьезныя безпокойства императору Александру. Со всѣхъ концовъ имперіи, среди дѣйствительнаго и мнимаго богатства, раздавался голосъ нищеты, такъ какъ прекратился всякій отпускъ заграницу, всѣ порты были заперты и ощутился недостатокъ въ необходимѣйшемъ народномъ для Россіи продуктѣ—соли. Можно было обойтись безъ сахара, вина, но не безъ соли и сельдей, которыя составляютъ ежедневную пищу втеченіи продолжительныхъ постовъ, а ихъ то нельзя было достать или же продавали ихъ по баснословно дорогой цѣнѣ, недоступной для бѣднаго народа. Англійскій кабинетъ тайно работалъ для возбужденія всеобщаго неудовольствія. Императоръ Александръ видѣлъ мечъ, повѣшенный надъ его главою на англійской веревкѣ“ *).

Въ извѣстномъ письмѣ, въ которомъ она отговаривала императора ѣхать въ Эрфуртъ, императрица Марія Федоровна писала своему сыну: „Цѣны на предметы первой необходимости возросли столь чрезмѣрно, что для бѣдныхъ это равнозначуще голоду, чувствуется не-

*) Воспоминанія графини Шуазель-Гуффье. Спб. Типогр. Граціанскаго, гл. 1, стр. 3.

достатокъ въ соли, финансы близки къ банкротству, ассигнаціи потеряли половину своей стоимости, а звонкая монета ходитъ по чрезмѣрному курсу... Между тѣмъ, расходы постепенно ростутъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ, одновременно угнетающихъ и деревенскаго жителя и дворянина. Однимъ словомъ, нѣтъ сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено".

Россія сама изобилуетъ солью. Юго-восточныя наши губерніи получаютъ соль изъ озера Элтонъ, а южныя и юго-западныя изъ озеръ Новороссійскихъ и Бессарабскихъ. Всего въ 1803 году добыто было соли 26.324.500 пудовъ, цѣною 12.509.800 мил. руб.

Въ томъ же году соли привезено было изъ заграницы на сумму 935.322 р. по Балтійскому морю и 275.000 р. по Бѣлому морю. Она доставлялась изъ Англіи, Пруссіи и Пиринейскаго полуострова, а въ Царство Польское изъ Австріи. Такимъ образомъ, количество пудовъ соли, привозимой изъ заграницы, приблизительно равнялось одной десятой количества, добываемаго внутри Имперіи. Недостатокъ соли, о которомъ свидѣтельствуютъ императрица Марія Федоровна и графиня Шуазель-Гуфьé, очевидно, не распространялся на внутреннія губерніи, а если гдѣ онъ и давалъ себя чувствовать, то исключительно въ раіонахъ, прилегающихъ къ морямъ Балтійскому и Бѣлому и значенія этого бѣдствія было преувеличено искусственно съ цѣлью оказать давленіе на внѣшную нашу политику.

Прочіе товары иностраннаго привоза,—сахаръ, кофе, вина, сукна и т. п., относятся къ разряду предметовъ роскоши. Цѣны на эти товары, какъ можно видѣть изъ приложенныхъ таблицъ, значительно возросли. Но жители деревни и, вообще, бѣдные люди безъ нихъ обходились.

„Я вамъ скажу, писалъ П. В. Чичаговъ графу С. Р. Воронцову, что однимъ взмахомъ пера насъ обѣднили на двѣ трети: мука въ Петербургѣ отъ 18 до 25 рублей, сукно отъ 35 до 50 руб. аршинъ". Сахаръ сдѣлался совершенно недоступнымъ: за пудъ са-

хара рафинадъ платили 80 и даже сто рублей. Спекуляція поспѣшила воспользоваться обстоятельствами и еще болѣе способствовала поднятію цѣнъ. По городу ходили вирши подъ заглавіемъ:

Плачъ здѣшнихъ жителей.

Лишь съ Англіей разрывъ въ коммерціи открылся,
То внутренній нашъ врагъ на прибыль и пустился.
Враги же есть всѣ тѣ безстыдные глупцы,
Грабители людей, безчестные купцы.
На сахаръ цѣну вновь тотчасъ и наложили:
Полтины стоилъ фунтъ, рублемъ ужъ обложили.

и т. д.

ТАБЛИЦА ВВОЗА И ВЫВОЗА ИНОСТРАННЫХЪ И РУССКИХЪ ТОВАРОВЪ

за періодъ времени

съ 1802—1812 гг.

С.-Петербургскій

издаваемый отъ Государственной Коммерцъ-Коллегіи каждый оной въ каждую только Пятницу, съ означеніемъ цѣнъ на ино уже пошлина и

ИНОСТРАННЫЕ

Наименованіе товаровъ.	1802	1803
	Рубли.	Рубли.
Бумага хлопчатая прядяная, за пудъ	—	—
Бумага хлопчатая сырецъ, за пудъ	—	—
Кофе Ординарный, за пудъ	**18 . 20**	18 . 22
Кофе Мартиникскій, за пудъ	**22 . 24**	22 . 27
Масло Прованское, за пудъ	—	15
Вино Бургонское, за бут.	100.120	110.120
Вино Венгерское лучшее, за око	2 р. 50	2 р.
Вино Шампанское, за бут.	2 р. 75	3 р.
Вино Мацера Гишп., за пипу	500 р.	500 р.
Вино Малага Гишп., за пипу	280 р.	200 р.
Вино Португ. бѣлое, за пипу	150 р.	200 р.
Вино Португ. красное, за пипу	350 р.	300 р.
Водка Французская, за áнкерку (**)	60	70 . 80
Ромъ Ямайскій, за áнкерку	60 р.	70 р.
Аракъ, за áнкерку	70	70
Олово прутовое, за пудъ	16 . 17	16 . 14
Перецъ черный, за пудъ	23 . 19	19 . 16
Птено Сарацинское, за пудъ	9 р. 5 р.	5 р.
Сахаръ рафинадъ лучшій	**20** . 18	18 . 21
„ „ средній	19 . 17	17 . 18
„ „ низкій	18 . 16	16 . 17
„ Мелисъ мелкій	17 . 14	14 . 15
„ „ крупный	15 . 13	13 . 14

(*) Библ. Уч. Ком. М-ва Фин. А. 830.
(**) Анкерка—Боченокъ,

Прейсъ-Курантъ.

Вторникъ и Пятницу въ теченіи навигаціи, а по окончаніи странные и на Россійскіе товары, а въ цѣнѣ первыхъ взятая другіе расходы *).

ТОВАРЫ.

1807	1808	1809	1810	1811	1812	
Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Рубли.	Цифры цѣнъ высшія (maximum) за данный годъ.
40.100	120.210	120.200	200.250	300	150.190	
—	—	—	—	55 . 30	25	
30 . 42	42 . 65	54 . 50	38 . 50	72	35.33.43	
35 . 48	48 . 75	60 . 66	60 . 70	82	70.34.63	
—	—	—	—	80	70	
110.200	200.400	400	—	—	—	
2 р. 50	3 р. 5 р.	—	—	—	—	
3 р. 75	4 р. 6 р.	6 р. 7 р.	—	12	9 . 12	
600 р.	600 р.	775 р.	1000 р.	1200 р.	—	
400.900	400.900	—	—	—	—	
250 р. 400	400 р.	1000 р.	—	1000	—	
200 р. 500	500.800	800.1200	1200 р.	1400	—	
50 . 60	67.100	100	—	150	150	
55 . 60	60 . 95	110 . 120	170	190	200.230	
70	—	—	—	—	175.225	
24 . 26	30 . 70	60 63	70	82	72 . 55	
15 . 20	30 . 60	58 . 48	35 . 40	48	46 . 39	
7 р.	15 р.	12	8 . 10	—	—	
25 . 28	62	64 . 70	82	82	45 . 74	
23 . 33	33 . 61	62 . 66	80	80	43 —	
21 . 32	32 . 60	61 . 64	78	75	40 —	
17 . 25	25 . 55	51 . 58	72	72	32 —	
16 . 22	23 . 53	50 . 53	70	68	—	

Санктпетербургскій

Издаваемый Министерства Финансовъ при Департамента навигаціи, а по окончаніи

РОССІЙСКІЕ

Наименованіе товаровъ.	1802	1803
Ленъ Новогородской, за берковецъ . . .	75 р.	75 р.
Равендукъ лучш. за кусокъ въ 50 ар. . . .	14 р.	15 р.
Фламское лучшее „ „ „ „ . . .	22 р.	23 р.
Парусное „ „ „ „ „ . . .	22 . 24	22
Пенька 1-й руки за берков.	37 р.	45 р.
Пенька 2-й „ „ „	33 р.	40 р.
Пшеница лучшая за четверть	11 р.	10р.50
Пшеница ординарная лучшая за четверть . .	9 р.	9 р.
Рожь, за четверть	8 р.	—

Прейсъ-Курантъ

Внѣшней торговли каждый Вторникъ и Пятницу въ теченіе оной въ каждую только Пятницу.

ТОВАРЫ.

1807	1808	1809	1810	1811	1812	
65 р.	60 р.	100	125	120	155	Цифры цѣнъ всюду взяты **высшія** за данный годъ. (maximum).
17 р.	16 р.	23	34	33	29 . 25	
26	26	34	54	53	49	
33	30	42 . 45	75 . 80	65 . 70	60	
51	42	83	89	105	108	
43	34	70	76	90	85	
11	13	16	19	21	20 . 27	
10	11	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	

Цѣны на продукты, ввозимые черезъ Одессу *).

Продукты.	1809.	1810.	1811.	1812.
(пудъ) **Кофе**	68 р.	75 р.	100—**115**	95—100
(пудъ) Сахаръ . . .	60—75 р.	80 р.	95 -**100**	92— 97
(четверть) Пшеница .	7— 8 р.	8— 9 р.	16— **18** р.	13— 15 р.
(четв.) Рожь	—	—	—	9— 10 р.
(четв.) Ячмень	3 р.	6— 7 р.	8 — **10** р.	$9^1/_2$—8р. (Авг.)
(пудъ) Пенька	—	—	—	8—10 р.
(пудъ) бумага пряд. .	45 р. (бѣл.)	80 р (бѣл.)	бѣлая 63—**150** р. красная 240—**270** р.	бѣлая 55—**110** красная 160—**205**
(пудъ) бум. хлопчатая.	35 р.	55—65 р.	60 и до 35 р.	28—33
(кусокъ въ 50 арш.) Полотно (фл.) . .	26 р.	40—45 р.	45—50 р.	50 р.
Равендукъ	—	—	38—44	30—40

*) См. „Прейсъ-Куранты приходящимъ въ Одессу товарамъ иностраннымъ на Государственныя банковыя ассигнаціи, въ 1809—1817 г.г." f° (Имп. Публ. Библ. 41—1—3—2).

Въ сочиненіи своемъ („Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ“, т. 3, стр. 53) Г. А. Семеновъ, объясняетъ почему высокія цѣны не покрывали, потерей низкаго курса на слѣдующемъ примѣрѣ:

„Въ С.-Петербургѣ, когда продавался ленъ 6 руб. ассигн. за пудъ, при курсѣ $30^1/_2$ штиверовъ за рубль, (въ 1805 г.), онъ обходился иностранному купцу 183 штивера; а при упадкѣ денежнаго курса въ 1810 году въ 11 штиверовъ за рубль ассигн.; при платежѣ за ленъ вдвое, т. е. по 12 р. ассигн. пудъ, онъ обходился иностранному торговцу только за 132 штивера, слѣдовательно, 51 штиверомъ дешевле. А при покупкѣ нами иностранныхъ товаровъ оказывалось противное: сахарный песокъ, купленный за 20 гульденовъ (гульденъ имѣетъ 20 штиверовъ), при курсѣ $31^1/_2$ штиверовъ за рубль, обходился въ Россіи, кромѣ расходовъ и пошлинъ, 13 руб. $11^1/_2$ коп. пудъ, и самый тотъ сахарный песокъ, купленный за тѣ же 20 гульденовъ, при курсѣ 11 штиверовъ за рубль, стоилъ въ Россіи 36 р. 36 коп. за пудъ, т. е. 23 рублями 25 копѣйками дороже“.

Разсчетъ г. Семенова (съ коммерческой точки зрѣнія, совершенно правильный) къ сельскому хозяйству, тѣмъ болѣе въ тогдашнемъ его первобытномъ видѣ, никакого отношенія не имѣлъ. По обязательствамъ своимъ помѣщикъ расплачивался не голландскими штиверами, а тѣми же ассигнаціями. Машинъ онъ не покупалъ, желѣза требовалось ему очень мало. Крѣпостные воздѣлывали землю даромъ, а потому въ наймѣ рабочихъ надобности не было. За пудъ льна, если вмѣсто шести рублей, какъ прежде, онъ получилъ 12 р., стало быть, онъ заработалъ ровно вдвое. Столь же прибыльны были указанныя обстоятельства и для оброчныхъ крестьянъ. Невыгодны они были только для ихъ владѣльцевъ, и то лишь для тѣхъ, которые эти оброки проживали въ столицахъ или заграницею.

О паденіи курса и его послѣдствіяхъ вотъ что въ своихъ запискахъ говоритъ Вигель: „Ассигнаціонный рубль, который въ сентябрѣ стоилъ 90 коп. сер., къ первому января 1808 года упалъ на семьдесять пять, а весною за него давали только 50 коп.; далѣе и болѣе, черезъ три года, серебряный рубль ходилъ въ четыре рубля ассигнаціями. Для помѣщиковъ, владѣльцевъ домовъ и купечества такое пониженіе курса не имѣло никакихъ вредныхъ послѣдствій, ибо цѣны на всѣ продукты по той же мѣрѣ стали возвышаться. Для капиталистовъ же и людей, живущихъ однимъ жалованьемъ, было оно сущимъ разореніемъ; кажется, съ этого времени начали чиновники вознаграждать себя незаконными (поборами) прибытками. Людямъ, недавно купившимъ имѣнія въ долгъ на ассигнаціи, пониженіе курса послужило обогащеніемъ и спасеніемъ вообще всѣмъ задолжавшимъ“ *).

Совершенно напрасно въ приведенномъ письмѣ утверждала императрица Марія Федоровна, будто-бы, въ Россіи „нѣтъ сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено“. Экономическій факторъ раскололся на двѣ половины: одна для города, другая для деревни. Городъ континентальная система, дѣйствительно, разоряла, но деревня, въ предметахъ роскоши не нуждавшаяся, а за свои продукты получавшая двойныя цѣны, на сей разъ, воспользовалась одною изъ благопріятнѣйшихъ, когда-либо бывшихъ, коммерческихъ конъюнктуръ. Въ этомъ конфликтѣ между интересами сельскими и городскими, за кѣмъ осталось послѣднее слово?

Въ Россіи, странѣ чистаго земледѣлія и натуральнаго хозяйства, интересы деревни надъ интересами города преобладали. Но городъ жилъ интенсивною, сознательною жизнью,—деревня прозябала въ невѣжествѣ и на событія реагировала весьма слабо. Городскіе интеллигенты всѣхъ видовъ,—чиновники, журналисты, эко-

*) Записки Ф. Ф. Вигеля. Ч. III. стр. 2.

номисты, коммерсанты, — противъ вздорожанія предметовъ культурнаго обихода вели агитацію, подавали Царю жалобы, распространяли памфлеты и обличительныя вирши. Владѣя обширными вотчинами, русскіе вельможи, хотя въ имущественномъ смыслѣ съ землею были тѣсно связаны, но большую часть года они проводили либо въ столицахъ, либо уѣзжали въ чужіе края. Оставаясь дома, они задавали балы и празднества и, вслѣдствіе этого, на покупку иностранныхъ товаровъ, — сахару, кофе, винъ, устрицъ, консервовъ и т. п., — тратили огромныя суммы. Живя заграницею, они весьма осязательно на себѣ испытывали невыгоды низкаго курса. Впрочемъ, жаловаться на всеобщее разореніе, какъ на результатъ союза съ Франціею и континентальной системы, составляло обычную форму протеста дворянскаго сословія, болѣе всего недовольнаго тѣмъ, что молодой Государь, вмѣстѣ со Сперанскимъ, затѣваютъ ограничить дворянскія привиллегіи и освободить крестьянъ. Къ оппозиціи примыкала и гвардейская молодежь, которой, въ виду дороговизны, не хватало средствъ на разгульную жизнь. Въ средѣ тогдашняго офицерства нерѣдко были буйныя головы, для удовлетворенія своихъ страстей не останавливавшіяся ни передъ чѣмъ. Доказательствомъ тому служила роковая ночь 11 марта 1801 года, впечатлѣніе коей еще далеко не изгладилось.

Между двумя давленіями: давленіемъ деревни, хотя тяжеловѣснымъ, но распредѣленнымъ на поверхность болѣе обширную, и давленіемъ города, которое попадало на самый чувствительный нервъ и вызывало острую боль, правительство, въ концѣ концовъ, уступило послѣднему.

Запретъ, въ силу Тильзитскаго договора, наложенный на привозъ морскимъ путемъ иностранныхъ произведеній въ Россію, длился неполныхъ три года. Уже въ 1810 году начались всякія изъятія и отступленія, которыя фактически свели его на нѣтъ.

Надлежитъ отмѣтить, что, несмотря на срокъ существованія столь непродолжительный, континентальная система оказала на общій подъемъ отечественной обрабатывающей промышленности вліяніе весьма благотворное.

Въ 1804 г. число фабрикъ въ Россіи было 2423, десять лѣтъ спустя, въ 1814 г., оно равнялось 3731, т. е. возросло на цѣлую треть. Количество рабочихъ за тотъ же періодъ увеличилось еще значительнѣе: въ 1804 г. оно было 95.202, а въ 1814 г. 169.530. Болѣе всего шагнули впередъ промышленность бумаготкацкая,—въ 1804 г. фабрикъ было 199, а рабочихъ 6566, въ 1814 г. число фабрикъ было уже 423, а рабочихъ 39,210; затѣмъ желѣзо-чугунная: въ 1804 г. заводовъ было 26, а рабочихъ 4131, въ 1814 г. заводовъ было 75, а рабочихъ 12.140. Только отрасли, изготовлявшія предметы роскоши,—шелковыя матеріи, бархатъ, зеркала и пр.,—остались въ томъ же положеніи или мало подвинулись. Обстоятельство вполнѣ объяснимое ослабленіемъ покупной силы богатыхъ классовъ [1]) населенія.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что континентальная система представляла и положительную сторону: она принесла пользу сельскому хозяйству и содѣйствовала успѣхамъ отечественной промышленности. Цѣль, которую поставилъ себѣ Наполеонъ I, была глубоко государственная: посредствомъ уничтоженія англійскаго господства на морѣ, онъ хотѣлъ освободить континентъ отъ экономической зависимости Англіи и положить основаніе самобытному промышленному его развитію. Почему же, вмѣсто сочувствія и успѣха, континентальная система заслужила всеобщее осужденіе и завершилась катастрофою?

Главную причину неудачи слѣдуетъ искать въ экономической отсталости тогдашней Европы, которая еще не вышла изъ земледѣльческаго періода. Не говоря уже

---

[1]) Всѣ эти данныя почерпнуты изъ сочиненія А. Семенова: Изученіе историческихъ свѣдѣній о Россійской внѣшней торговлѣ.

о Россіи, всѣ государства Европы были бѣдны капиталами. Ея фабрики не въ состояніи были удовлетворить ростущія потребности рынка. Сельскохозяйственныя произведенія Германіи, Даніи, Голландіи и самой Франціи сбывались въ Англію и, помимо нея, инаго сбыта не имѣли. Конечно, продлись континентальная система десять или двадцать лѣтъ, торговля и промышленность къ новой обстановкѣ вынуждены были бы приспособиться. На бѣду, событія не ждали. Съ первой минуты, положеніе обострилось и стало критическимъ.

Торговой распрѣ съ Англіею общественное мнѣніе сочувствовать уже потому не могло, что борьба эта возникла не изъ его сознанія, а была навязана извнѣ, какъ послѣдствіе военнаго разгрома и національнаго униженія. Произошла перемѣна ролей. Наполеонъ I, этотъ насадитель принциповъ французской революціи и апостолъ экономической самобытности, превратился въ угнетателя народовъ и врага рода человѣческаго. Между тѣмъ, Англія, которая воевала единственно изъ эгоистическихъ побужденій удержанія за собою главенства на морѣ и торговой монополіи, увѣнчала себя лаврами великодушнаго борца за свободу и право. Воодушевляясь противъ Наполеона I и сокрушая эфемерное его могущество, народы Европы — sic vos nonvobis, — цѣною собственной крови, упрочивали морскую гегемонію Англіи и, въ результатѣ, создавали себѣ другую зависимость, не менѣе тягостную и болѣе продолжительную: экономическое рабство.

Глава VI.

Медовый мѣсяцъ.

(Іюль 1807 г.—Октябрь 1808 г.).

Во всѣхъ политическихъ отношеніяхъ Россіи, какъ и въ личномъ положеніи императора Александра, Тиль-

зитскій договоръ совершилъ рѣшительную метаморфозу. До Тильзита Александръ былъ центромъ борьбы монархическаго строя противъ революціи. Послѣ Тильзита онъ превратился въ друга и пособника того самаго Наполеона, котораго еще наканунѣ въ оффиціальной перепискѣ называли презрительно „Буонапарте", а въ воззваніяхъ къ народу Святѣйшій Синодъ клеймилъ именемъ супостата и врага вѣры Христовой.

Сжигая то, чему покланялся, и покланяясь тому, что сжигалъ, какими соображеніями руководствовался императоръ Александръ? Соображенія эти тѣ самыя, которыя, вообще, служатъ основою политикѣ: страхъ и выгода. Продолжать вести войну нельзя было въ виду истощенія рессурсовъ военныхъ и денежныхъ. Дворянское сословіе навязывало свое содѣйствіе, но принимать его императоръ не торопился, избѣгая связать себѣ руки въ отношеніи внутреннихъ реформъ. Помимо того, Александръ разсчитывалъ, что Наполеонъ щедро Россіи заплатитъ и позволитъ ей округлить себя — на Сѣверѣ пріобрѣтеніемъ Финляндіи, а на югѣ засчетъ турецкихъ владѣній.

И дальнѣйшее постоянство и вѣрность Александра союзу съ Наполеономъ всецѣло будетъ зависѣть отъ двухъ главныхъ мотивовъ — страха и выгоды. Дружа съ Наполеономъ, онъ за пазухою прячетъ камень. Разсыпаясь въ увѣреніяхъ дружбы, пользоваться затрудненіями союзника; дѣлая для него какъ можно меньше, вымогать себѣ какъ можно больше — такова всегдашняя его политика. Въ свою очередь, каждую свою уступку Наполеонъ обусловливаетъ требованіемъ активныхъ дѣйствій противъ Англіи и ея сторонниковъ.

Первый споръ между союзниками возникъ по поводу Пруссіи. Государство это Наполеонъ готовъ былъ стереть съ лица земли. Въ интересахъ прочности союза, Александръ находилъ нежелательнымъ, чтобы Россія и Франція соприкасались и стояли лицомъ къ лицу. Поэтому, существованіе Пруссіи, въ качествѣ государства

буфера, онъ признавалъ необходимымъ. Всякое усиленіе французскихъ войскъ, расположенныхъ въ Пруссіи, или приближеніе ихъ къ границамъ герцогства Варшавскаго производило въ Петербургѣ впечатлѣніе настоящей тревоги. Въ систематической заботливости русскаго правительства о судьбѣ прусскаго королевства Наполеонъ усматривалъ признакъ къ себѣ недовѣрія. — „Домогаясь удаленія моего изъ Силезіи, вы хотите лишить меня возможности угрожать Австріи и держать ее въ повиновеніи",—укорялъ онъ императора Александра.

Представителемъ Россіи во Франціи былъ назначенъ графъ Петръ Александровичъ Толстой. Открытый врагъ Наполеона, по характеру военный, а не дипломатъ, для проведенія началъ Тильзитскаго договора Толстой былъ несомнѣнно человѣкомъ неподходящимъ. На этомъ основаніи, историки приходятъ къ заключенію, что, назначивъ Толстого, Александръ сдѣлалъ ошибку. Но политическія убѣжденія Толстого государю были хорошо извѣстны. Если же, тѣмъ не менѣе, свой выборъ онъ остановилъ на немъ, стало быть, на то у него были причины. Наполеонъ, который послами назначалъ лицъ, Александру пріятныхъ, кончилъ тѣмъ, что обоихъ представителей Франціи, Коленкура и Лористона, обвинилъ что они позабыли, что они французы и подпали вліянію Александра. Изъ двухъ золъ—его посолъ не сойдется съ Наполеономъ или же, наоборотъ, ему подчинится и сдѣлается его орудіемъ, — Александръ предпочелъ первое.

Еще болѣе жгучимъ представлялся вопросъ дѣлежа Оттоманской имперіи. Александръ настаивалъ на присоединеніи къ Россіи Молдавіи и Валахіи. Наполеонъ не отказывалъ, но, въ видѣ компенсаціи, потребовалъ себѣ Силезію. Когда Александръ заговорилъ о проливахъ, безъ обладанія которыми Россія на Черномъ морѣ не у себя дома, Наполеонъ и слушать не сталъ. На Востокѣ вызывать переворотъ онъ считалъ несвоевременнымъ, во-первыхъ, потому что такимъ образомъ

заключеніе мира съ Англіею дѣлалось невозможнымъ, а, во-вторыхъ, онъ боялся создать для Англіи поводъ, предупредивъ союзниковъ, приступить къ захвату береговъ Турціи.

Хотя между Александромъ, Румянцевымъ и Коленкуромъ переговоры велись весьма дѣятельно, но, попавъ на мертвую точку, они не подвигались впередъ ни на шагъ. Вдругъ въ февралѣ 1808 г. горизонтъ прояснился. Возмущенный отказомъ Англіи придти къ соглашенію, Наполеонъ вознамѣрился нанести этой державѣ смертельный ударъ въ самыхъ источникахъ ея богатства— Индіи. Дабы заручиться помощью Россіи, идя навстрѣчу желаніямъ Александра онъ предложилъ турокъ отбросить въ Азію, а европейскую Турцію подѣлить между Россіею и Франціею. Мысли свои Наполеонъ изложилъ въ двухъ письмахъ, изъ которыхъ одно было непосредственно къ Александру, а другое, болѣе подробное — французскому послу — Коленкуру. Вотъ что писалъ Наполеонъ Коленкуру:

Парижъ 2 февр. 1808 г.

...„Передайте императору, что я хочу того, что онъ хочетъ; система его и моя связаны безповоротно; столкнуться съ нимъ мы не можемъ, ибо свѣтъ достаточно великъ; я не буду настаивать чтобы онъ очистилъ Молдавію и Валахію; пусть онъ не настаиваетъ чтобы я очистилъ Пруссію; слухъ объ очищеніи мною Пруссіи въ Лондонѣ былъ встрѣченъ проявленіемъ радости, а это доказываетъ, что для насъ оно можетъ быть только пагубно. Скажите Румянцову и государю, что я вовсе недалекъ отъ мысли похода въ Индію и раздѣла Оттоманской имперіи и для этой цѣли готовъ снарядить армію, состоящую изъ 20 до 25 тыс. русскихъ, 8 до 10 тыс. австрійцевъ и отъ 35 до 40 тыс. французовъ, которая изъ Азіи переступитъ въ Индію; что ничего нѣтъ легче этой операціи; несомнѣнно, прежде нежели

эта армія будетъ на Евфратѣ, Англію охватитъ паника; я хорошо знаю, что для того, чтобы достичь этого результата, необходимо подѣлить Оттоманскую имперію, но для сего мнѣ нужно свиданіе съ императоромъ... Всякія приращенія Россіи и увеличеніе ея силъ я приму съ удовольствіемъ; я не завидую ничему; Россіи я помогу всѣми средствами и съ ея стороны относительно себя жду того же. Если императоръ Александръ въ состояніи пріѣхать въ Парижъ, онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удовольствіе; это будетъ прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни. Если же доѣхать онъ можетъ только до полъ-пути, возьмите циркуль и обозначьте на картѣ середину между Петербургомъ и Парижемъ"...

Февральскія предложенія Наполеона въ дипломатической перепискѣ получили наименованіе великаго замысла—le grand projet. Находя ихъ вполнѣ отвѣчающими духу Тильзитскаго договора, Александръ поручилъ своему министру Н. П. Румянцову обсудить ихъ совмѣстно съ Коленкуромъ. Важнѣйшимъ пунктомъ разногласія оказались Дарданеллы.

—Если вы получите Константинополь,—убѣждалъ Коленкуръ своего собесѣдника,—Франція, само собою слѣдуетъ, должна получить большія, даже удивительныя преимущества. Гдѣ ихъ отыскать въ Европѣ? Въ Азіи: Сирія или Египетъ? Съ тѣми выгодами, которыя достанутся вамъ на долю, можно ли ихъ сравнивать? Но разъ вы ихъ предлагаете, необходимо установить съ ними способъ сообщенія. Безопасное сообщеніе, на мой взглядъ, только черезъ Дарданеллы.—

Но Александръ и Румянцовъ стояли на своемъ: Босфоръ безъ Дарданеллъ не имѣетъ смысла. Съ водвореніемъ Франціи на Дарданеллахъ, положеніе Россіи на Черномъ морѣ не улучшится, а, наоборотъ, ухудшится и т. д.

Босфоръ и Дарданеллы суть два этапа, по географическому очертанію и стратегическому значенію, совершенно различные. Для обороны Чернаго моря или

превращенія его въ русское озеро, обладаніе Босфоромъ достаточно безусловно. Доступъ въ Средиземное море зависитъ не отъ береговой позиціи, а отъ силы флота выходящаго, по сравненію съ тѣмъ, съ которымъ ему придется сражаться на просторѣ. На проливы Россіи надлежитъ сначала занести одну ногу, а потомъ уже думать о томъ—какъ поставить и другую. Къ сожалѣнію, при первомъ возникновеніи вопроса о проливахъ, въ переговорахъ съ Наполеономъ, какъ и въ прочихъ, втеченіи столѣтія повторявшихся, аналогичныхъ случаяхъ, русское правительство Босфора отъ Дарданеллъ раздѣлять не соглашалось и настойчиво сливало ихъ въ одно цѣлое. Не лежитъ ли тутъ объясненіе прискорбнаго факта, что въ разрѣшеніи задачи Россія нетолько не подвинулась, но въ настоящее время мы отъ нея еще дальше, нежели были сто лѣтъ тому назадъ.

Часть, которая была предназначена Россіи,—Константинополь, Румынія, Болгарія, часть Македоніи,—тянулась вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Будучи продолженіемъ имперіи, она представляла залогъ прочности. Доля Франціи,—Египетъ, Сирія, Греція, Албанія и Боснія,—какъ правильно замѣтилъ Коленкуръ, состояла изъ лоскутовъ, единственною связью между которыми служилъ геній Наполеона. Австрія получала Сербію.

Вѣрный своему принципу, чтобы Россія и Франція нигдѣ не соприкасались, Александръ и въ данномъ случаѣ настаивалъ между ними протянуть вплоть до Эгейскаго моря нейтральную полосу австрійской территоріи. Съ цѣлью обезпечить Франціи съ новыми ея владѣніями въ Малой Азіи безпрепятственное сообщеніе, онъ предложилъ черезъ земли свои и австрійскія предоставить ей свободный проходъ.

Считая чрезмѣрными притязанія Россіи, Коленкуръ сомнѣвался, чтобы Наполеонъ на нихъ далъ согласіе. Надо, однако, помнить, что если Александръ и запрашивалъ слишкомъ много,—впереди предстояло свиданіе, на

которомъ онъ всегда могъ свои требованія убавить. Хотя быть можетъ и не въ столь грандіозномъ видѣ, Александръ и Румянцовъ были увѣрены что раздѣлъ Турціи, тѣмъ не менѣе, совершится, а потому съ большимъ нетерпѣніемъ они ожидали—что отвѣтитъ императоръ Наполеонъ.

На горизонтѣ, дотолѣ совершенно ясномъ, вдругъ показалось черное облако. Наполеонъ отмѣнилъ экспедицію, которую, во главѣ тридцатитысячнаго франкодатскаго корпуса, перейдя черезъ Зундъ, долженъ былъ предпринять противъ Швеціи маршалъ Бернадотъ. Александра, который на эту диверсію возлагалъ надежды, охватило безпокойство. Вскорѣ пришло извѣстіе, что императоръ Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа, сначала въ Бордо, а оттуда въ Байону. Свиданіе и съ нимъ связанный восточный проектъ, такимъ образомъ, откладывались на неопредѣленное время.

Дѣло въ томъ, что, прежде чѣмъ пускаться въ далекое предпріятіе на Востокѣ, императору Наполеону необходимо было укрѣпить свое положеніе на юго-западѣ. Испанскіе Бурбоны, которыхъ подстрекала Англія, могли бы воспользоваться его отсутствіемъ, вторгнуться во Францію и вызвать тамъ волненія. Наполеонъ рѣшилъ низложить династію Бурбоновъ и, въ лицѣ брата своего Іосифа, замѣнить своею собственною. Подобное насиліе глубоко оскорбило національную гордость испанскаго народа. Кромѣ того, австрійскій императоръ Францъ, изъ боязни, что съ его Домомъ будетъ поступлено также, какъ и съ Бурбонами, открыто началъ вооружаться противъ Франціи.

Требованія, которыя Россія предъявила, въ отвѣтъ на февральскія предложенія Наполеона, какъ и предвидѣлъ Коленкуръ, французскимъ императоромъ были отклонены. Свиданіе Александра съ Наполеономъ, тѣмъ не менѣе, должно было состояться, только безъ предварительныхъ условій. Мѣстомъ для него былъ избранъ

Эрфуртъ. Послѣ ряда негоціацій и отсрочекъ, оно, наконецъ, состоялось въ сентябрѣ 1808 года.

Императоръ Александръ, зорко слѣдившій за каждымъ словомъ въ обѣихъ столицахъ, прекрасно зналъ, что къ дружбѣ его съ Наполеономъ, а, слѣдовательно, и къ предстоящему свиданію, русское общество относится несочувственно. Въ письмѣ, которое мы уже разъ приводили, императрица Марія Федоровна обращала его вниманіе, что не онъ, а Наполеонъ нуждается въ свиданіи, что дѣла завоевателя идутъ совсѣмъ плохо, кумиръ шатается, а потому ѣхать къ нему позорно.

Александръ выѣхалъ изъ Петербурга 2—14 сентября. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался въ своемъ путешествіи, критическое положеніе, въ которомъ находился Наполеонъ, передъ нимъ выяснялось все болѣе и болѣе. Въ Кенигсбергѣ императоръ Александръ засталъ прусскую королевскую чету въ страшномъ горѣ. Наполеонъ на Пруссію наложилъ контрибуцію въ 140 мил. франковъ. До полной уплаты этой контрибуціи, французскіе гарнизоны будутъ продолжать занимать крѣпости Глогау, Штетинъ и Кюстринъ. Кромѣ того, побѣдитель возлагалъ на Пруссію обязательство втеченіи десяти лѣтъ не держать подъ знаменами болѣе 42 тыс. человѣкъ. Въ отчаяніи своемъ прусскій король готовъ былъ присоединиться къ Австріи въ борьбѣ, которую эта держава собиралась начать противъ Франціи.

Александръ старался успокоить короля и отговорить его отъ какихъ бы то ни было опрометчивыхъ дѣйствій. Не успѣлъ Александръ покинуть Кенигсберга, какъ на дорогѣ онъ получилъ отъ русскаго посла въ Парижѣ, графа Толстого, извѣстіе, что французскими властями въ Гамбургѣ перехвачено письмо прусскаго министра, барона Штейна, къ князю Витгенштейну, въ которомъ Штейнъ высказывалъ намѣреніе поднять Германію съ цѣлью освобожденія отъ французскаго ига.

Такова была совокупность политическихъ условій, при которыхъ состоялось второе и послѣднее свиданіе

между императорами Франціи и Россіи. Хотя исходною точкою этому свиданію послужилъ проектъ раздѣла Оттоманской имперіи, но, въ виду тѣхъ затрудненій, которыми отовсюду былъ окруженъ Наполеонъ, ему было уже не до проекта. Единственно, что оставалось Александру—это заставить Наполеона дать согласіе, на присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи, для Пруссіи выговорить нѣкоторыя облегченія, а что касается репрессіи противъ Австріи,—принять на себя обязательствъ какъ можно меньше.

Требованіе о присоединеніи Молдавіи и Валахіи Александръ и Румянцовъ поставили категорически. Послѣ долгихъ колебаній, скрѣпя сердце, Наполеонъ далъ свое согласіе. Да и какъ могъ онъ поступить иначе? Противъ него въ эту минуту вокругъ Александра готова была сомкнуться вся Европа. Отъ имени Россіи и Франціи предъявить Австріи ультиматумъ о разоруженіи Александръ отказался. Онъ боялся, что Наполеонъ поймаетъ его на словѣ и, прежде нежели Австрія разоружится, самъ на нее нападетъ. Взамѣнъ того, Александръ обѣщалъ черезъ своего посла передать въ Вѣну, что, если, въ отношеніи Франціи, Австрія нарушитъ миръ,—онъ ей объявитъ войну. Наконецъ, въ пользу Пруссіи Александру удалось выговорить весьма важныя льготы: платежи были отсрочены и контрибуція сокращена на 20 милл. франковъ.

Въ довершеніе всего въ Эрфуртѣ произошло событіе, осязательно обнаруживавшее, что между Наполеономъ и Александромъ наступило охлажденіе. Рѣшивъ развестись съ императрицею Жозефиною, Наполеонъ поручилъ Талейрану освѣдомиться у Александра, какъ посмотрѣлъ бы онъ, если бы Наполеонъ посватался къ его сестрѣ, великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Къ изумленію императора Александра, Талейранъ повелъ рѣчь свою совсѣмъ необычную:

...Государь, зачѣмъ вы здѣсь? Вы должны спасти Европу и для этого противостать Наполеону. Француз-

скій народъ цивилизованъ, но его государь нецивилизованъ. Въ Россіи наоборотъ: государь цивилизованъ, а народъ еще дикій. Вотъ почему Государю Россіи надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа... Рейнъ, Альпы и Пиринеи суть завоеванія Франціи... Все же прочее представляетъ личное завоеваніе императора Наполеона, а посему для Франціи оно безразлично... [1]).

Лукавыя рѣчи французскаго дипломата произвели на Александра сильное впечатлѣніе. Оказывалось, нетолько вся Европа горѣла къ Наполеону ненавистью, но противъ ненасытнаго его честолюбія начинали подниматься голоса въ самой Франціи. Разъ такая лиса, какъ Талейранъ, считалъ нужнымъ отречься отъ Наполеона, стало быть, погибель его не за горами. Но, если зданіе французской имперіи, съ виду столь прочное, дало трещину и готово было рухнуть, не пора ли было и ему, Александру, заблаговременно отойти всторону, во избѣжаніе перспективы попасть подъ обломки?

На самый вопросъ о бракѣ императоръ Александръ положительнаго отвѣта не далъ: онъ сослался на необходимость узнать мнѣніе императрицы-матери.

Взятое само по себѣ, сватовство императора Наполеона къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ являлось вполнѣ естественнымъ и для Александра чего либо неожиданнаго оно не представляло. Отъ Жозефины Наполеонъ не имѣлъ дѣтей, а потому, въ цѣляхъ установленія династіи, онъ вынужденъ былъ развестись съ нею и вступить во вторичный бракъ. Обстоятельство это, всѣмъ извѣстное, въ политическихъ кругахъ уже давно учитывалось и служило предметомъ толковъ и соображеній. Изъ всѣхъ невѣстъ наиболѣе подходящею для Наполеона была великая княжна Екатерина Павловна.

Получить отказъ императоръ Наполеонъ, повидимому, не чаялъ. Дѣйствительно, посватайся онъ, нетолько въ

---

[1]) S. Tatistcheff. Alexandre et Napoléon. Paris 1891 p. 455.

Тильзитѣ, гдѣ онъ являлся въ ореолѣ военной грозы и славы, но и позже, во время переговоровъ о раздѣлѣ Турціи, весьма возможно предложеніе было бы принято. Но положеніе въ Эрфуртѣ было совершенно другое. Теперь уже не Александръ страшился Наполеона и въ немъ заискивалъ, а Наполеонъ старался его къ себѣ прикрѣпить, для чего собственно ему и былъ нуженъ бракъ съ Екатериною Павловною. Что же могъ дать Наполеонъ взамѣнъ? Мы видѣли, что, въ смыслѣ политическихъ уступокъ, безъ особаго труда, Александръ выговорилъ себѣ все, что хотѣлъ. Вступить въ родство съ Наполеономъ для него значило связать себя съ нимъ мертвымъ узломъ и обмануть упованія тѣхъ, которые, подобно Талейрану, на него взирали, какъ на грядущаго избавителя Европы.

Ces diablesses d'affaires d'Espagne me coûtent cher, съ горечью, однажды, воскликнулъ Наполеонъ. И, въ самомъ дѣлѣ, Испанскія дѣла обошлись ему чрезвычайно дорого. Они безплодно приковали значительную часть французской военной силы къ юго-западной оконечности европейскаго материка. Они вовлекли Наполеона въ войну съ Австріею, совершенно не входившую въ его виды Они помѣшали осуществленію восточнаго проекта и, вслѣдствіе этого, разстроили бракъ его съ великою княжною Екатериною Павловною, ибо за русскую великую княжну равноцѣнною платою могъ быть только Царьградъ.

Возвращаясь изъ Эрфурта, императоръ Александръ остановился въ Кенигсбергѣ, гдѣ, въ гостяхъ у короля Фридриха Вильгельма и королевы Луизы, провелъ трое сутокъ. Темою бесѣдъ служили: подробности свиданія въ Эрфуртѣ, сватовство Наполеона къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, возстаніе въ Испаніи, предстоящая война Наполеона съ Австріею и т. п. Прусскій Дворъ не зналъ, какъ и выразить Александру свою признательность за его великодушное заступничество передъ завоевателемъ.—Онъ сдѣлалъ для насъ невоз-

можное, — пишетъ графиня Фоссъ въ своихъ мемуарахъ.

Прежде всего необходимо было притязаніямъ Наполеона на великую княжну Екатерину Павловну положить конецъ и, съ этою цѣлью, какъ можно скорѣе, выдать ее замужъ. Тутъ была рѣшена ея помолвка съ принцемъ Георгіемъ Петровичемъ Ольденбургскимъ и назначена на январь мѣсяцъ слѣдующаго года. На эту помолвку король и королева получили приглашеніе и обѣщали пріѣхать въ Петербургъ.

Охлажденія своего къ Наполеону императоръ Александръ не скрывалъ, но, въ то же время, предупредилъ короля, что системѣ, принятой въ Тильзитѣ, онъ измѣнить не намѣренъ, и, поэтому, предостерегалъ его отъ всякихъ преждевременныхъ попытокъ и необдуманныхъ дѣйствій.

Съ этого момента, справедливо замѣчаетъ Великій Князь Николай Михайловичъ, въ отношеніяхъ между Александромъ и Наполеономъ медовый мѣсяцъ оканчивается. Союзъ двухъ имперій остается въ силѣ, Александръ будетъ продолжать увѣрять Коленкура въ неизмѣнности чувствъ своихъ къ Наполеону, но вся политика петербургскаго кабинета незамѣтно усвоитъ другой тонъ, который не ускользнетъ отъ Наполеона, болѣе проницательнаго, нежели его агенты. [1]).

Неопредѣленность положенія продлится вплоть до конца 1810 года, когда, видя, что столкновенія, все равно, избѣжать невозможно, и Александръ и Наполеонъ открыто приступятъ къ военнымъ приготовленіямъ.

---

[1]) Вел. Кн. Николай Михайловичъ. Предисловіе къ донесеніямъ Коленкура.

Глава VII.

Великая Княгиня Екатерина Павловна.

(1809 — 1812 гг.).

Въ числѣ лицъ, въ подготовленіи великой драмы 1812 года принимавшихъ участіе, занимаетъ видное положеніе сестра императора Александра, великая княгиня Екатерина Павловна, въ замужествѣ принцесса Ольденбургская, а потомъ вторымъ бракомъ вышедшая за короля Виртембергскаго. Законченной характеристики этой замѣчательной женщины намъ Исторія еще не дала. Цѣннымъ вкладомъ является переписка ея съ императоромъ Александромъ, только что обнародованная Августѣйшимъ исторіографомъ, неутомимымъ великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ. Матеріалъ этотъ, къ сожалѣнію, представляетъ обширные пробѣлы. По счету, писемъ императора сто восемнадцать, а великой княгини всего сто. Какъ общее правило, женщина пишетъ письма охотнѣе, а слѣдовательно чаще, нежели мужчина, а тѣмъ болѣе, когда этотъ мужчина—императоръ, по горло заваленный государственными дѣлами. Въ письмѣ отъ 18-го Декабря 1811 года императоръ Александръ предостерегаетъ великую княгиню, по почтѣ не сообщать ничего важнаго, и ни слова не писать о мартинистахъ. Напротивъ, черезъ фельдъ-егерей она можетъ писать все, что ей угодно. Гдѣ же эти письма о мартинистахъ? Они отсутствуютъ. Никакихъ свѣдѣній въ перепискѣ мы не находимъ ни о настроеніи умовъ московскаго дворянства, ни про Сперанскаго, ни про Карамзина. Загадочныя мѣста той эпохи попрежнему остаются въ потемкахъ. Заметая слѣдъ своихъ дѣйствій, императоръ Але-

ксандръ —мы вправѣ сдѣлать предположеніе — уничтожалъ тѣ письма, которыя въ себѣ заключали что либо компрометирующее или черезъ чуръ интимное. Въ 1811 году переписка посвящена исключительно устройству положенія и денежныхъ дѣлъ тестя великой княгини, герцога Ольденбургскаго, вслѣдствіе захвата Наполеономъ его владѣній лишившагося престола. Наиболѣе важныя и содержательныя письма относятся ко второй половинѣ 1812 года, послѣ того какъ сгорѣла Москва. Но этотъ періодъ въ кругъ нашего изслѣдованія уже не входитъ.

Касательно великой княгини Екатерины Павловны много интересныхъ данныхъ разбросано въ запискахъ С. А. Тучкова, *) въ запискахъ А. В. Кочубея, въ „Nouvelles et on dits“ Коленкура и въ письмахъ императрицы Елисаветы Алексѣевны къ ея матери, маркграфинѣ Баденской.

Дѣтскіе годы и отрочество великой княгини Екатерины Павловны совпали съ царствованіемъ ея родителя, императора Павла Петровича. Это было страшное время, когда у всѣхъ при Дворѣ преобладала одна мысль — какъ бы не стать жертвою царскаго гнѣва. Хотя еще очень юная, Екатерина Павловна понимала глубину униженія, черезъ которое проходила ея мать, императрица Марія Федоровна, ради себя и дѣтей вступившая въ дружбу съ фрейлиною Е. И. Нелидовою. Ласкаясь къ отцу и увѣряя его въ нѣжности, Екатерина Павловна передъ нимъ трепетала и, по свидѣтельству Ростопчина, какъ и прочіе члены семьи, была бы рада его гибели.

Подобная атмосфера ужаса и фальши на впечатлительную душу ребенка естественно производила развращающее дѣйствіе. Якоремъ спасенія могла бы послужить религія. Если, послѣ кончины императрицы Екатерины, идеи энциклопедистовъ и не составляли болѣе

*) Первоначальное изданіе въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1996 года.

элемента воспитанія царскихъ дѣтей, духъ вольномыслія, свойственный вѣку, тѣмъ не менѣе, проникалъ во всѣ щели. По крайней мѣрѣ, проявленія религіозности у великой княжны нигдѣ мы не находимъ.

Послѣ событія 11-го Марта 1801 года, съ императрицею Маріею Федоровною императоръ Александръ разошелся и, вслѣдствіе этого, отношенія ихъ сдѣлались холодно натянутыми. Воспитанная въ духѣ строгаго повиновенія матери, великая княжна Екатерина Павловна, становясь старше, перешла на сторону брата, дружба котораго пріобщала ее къ власти и обезпечивала ея положеніе въ обществѣ. Изъ женщинъ Августѣйшей семьи, не исключая императрицы Елисаветы Алексѣевны, къ императору Александру она стояла всѣхъ ближе. Онъ, въ свою очередь, цѣнилъ въ ней человѣка преданнаго, обильный источникъ свѣтской хроники, веселую собесѣдницу и конфидентку. Въ угоду ему, она раздѣляла его страсть къ смотрамъ и парадамъ. Изъ показаній де-Санглена и другихъ современниковъ мы знаемъ, какъ ловко, обольщая людей, Александръ искушалъ ихъ совѣсть, чтобы потомъ использовать ихъ въ своихъ интересахъ. Если въ душѣ молодой дѣвушки еще теплился остатокъ идеальнаго чувства,—растлѣвающаго прикосновенія Александра было достаточно, чтобы послѣднюю эту искру загасить навсегда.

Переписка императора Александра съ сестрою, великою княгинею Екатериною Павловною въ нѣкоторой степени дозволяетъ намъ заглянуть имъ въ душу. Слогъ и выраженія у императора Александра обличаютъ въ немъ вскормленника философіи XVIII вѣка. Съ одной стороны холодная разсудочность и вольтеріанство, съ другой—сантиментальность и слезливость. Сестрѣ своей Александръ даетъ ласкательную кличку Бискисъ Биссіамовна. „*Скотолюбивый* монархъ Бискисъ Биссіамовнѣ поклонъ", въ письмѣ изъ Пулавъ, отъ 24-го Сентября 1805 года, такъ кощунственно вышучиваетъ себя императоръ. Ея мужа, принца Георгія Петровича Ольден-

бургскаго онъ постоянно называетъ. le mâle. О матери своей, императрицѣ Маріи Федоровнѣ, онъ отзывается, подразумѣвая ее подъ мѣстоимѣніемъ *on*. И тутъ же, на ряду съ этимъ, обнаруживается чувствительность необыкновенная. Въ Іюлѣ 1812 года, находясь въ Москвѣ, въ обстановкѣ полной трагизма, въ виду приближающагося непріятеля, — какая дума занимала Александра? Онъ вспоминаетъ предшествующій свой пріѣздъ въ Москву, когда его, вмѣстѣ съ любимою сестрою, — встрѣчалъ ликующій народъ. Картина минуты благополучія представилась его воображенію съ такою силою, что онъ не выдержалъ и залился горючими слезами *).

Обыкновенно дѣловой и сухой, тонъ писемъ великой княгини становится высокомѣрнымъ и запальчивымъ, какъ только чѣмъ нибудь она недовольна. Плачетъ она не отъ умиленія, какъ Александръ, а съ досады. Инженеру Леонтьеву почему то было отказано въ представленіи императору. Онъ обидѣлся и пожаловался начальнику своему, принцу Георгу Петровичу Ольденбургскому. Считая, что въ лицѣ подчиненнаго оскорбленъ ея мужъ, великая княгиня написала брату письмо черезвычайно рѣзкое и, какъ потомъ обнаружилось, совершенно незаслуженное **).

Обладая блестящими дарованіями, обаятельная въ обращеніи, великая княгиня Екатерина Павловна по складу ума и характера болѣе походила на мужчину, нежели на женщину. Привычка вѣчно быть на сторожѣ развила въ ней наблюдательность чисто полицейскую, наклонность къ интригѣ. Государственными дѣлами она ревностно занималась и слѣдила за ходомъ событій. Отъ матери своей, императрицы Маріи Федоровны, она унаслѣдовала страсть къ власти, fureur de régner. Нечего и прибавлять, — ей не доставало мягкости и задушевности, т. е. тѣхъ качествъ, которыя, отличая женщину отъ мужчины, составляютъ ея главную прелесть.

*) Москва, 12 іюля 1812 г. № 67.
**) Тверь. 10 Февраля 1811 г. № XVI.

Вскорѣ послѣ ея помолвки съ принцемъ Георгіемъ Петровичемъ Ольденбургскимъ, въ своихъ „Nouvelles et on dits“ (17 Янв. 1809 г., стр. 55), Коленкуръ живо рисуетъ личность и дѣятельность великой княжны Екатерины Павловны:

„...Въ поведеніи великой княжны многіе хотятъ видѣть признаки великихъ замысловъ. Она поддерживаетъ переписку съ большею частью видныхъ генераловъ [1]); раненымъ генераламъ и офицерамъ она выказываетъ участіе и ихъ отличаетъ; лицъ старорусской партіи она ласкаетъ и съ ними переписывается либо объ искусствѣ, либо о наукахъ и литературѣ. Повидимому, она стремится воскресить великія преданія, связанныя съ ея именемъ. Вкусами и манерами она старается казаться болѣе русскою, нежели остальные члены семьи. Со всѣми она вступаетъ въ бесѣду, высказывается очень свободно, съ увѣренностью сорокалѣтней женщины. Отъ вниманія наблюдателей все это не ускользаетъ. Они въ ней видятъ агента ея матери, которую, по прежнему, считаютъ честолюбивою, а Государя слишкомъ довѣрчивымъ...

„...Говорятъ, великая княжна будто бы сказала— она скорѣе согласится стать попадьею, чѣмъ государынею страны, подвластной Франціи“...

Приписывая образъ дѣйствій великой княжны Екатерины Павловны вліянію императрицы матери, Коленкуръ ошибался и весьма жестоко. Агентомъ матери Екатерина Павловна никогда не была, а служила брату и дѣйствовала по его указаніямъ. Догадайся объ этомъ Коленкуръ, онъ тогда же бы пришелъ къ выводу, что красные дни Тильзита миновали безвозвратно и что, тяготясь союзомъ съ Франціею, Александръ незамѣтно

[1]) Послѣ кончины князя Багратіона, великая княгиня писала брату: „Вспомните мои сношенія съ нимъ и что я вамъ говорила—у него въ рукахъ документы, которые могутъ жестоко меня скомпрометировать, если попадутъ въ чужія руки“. (Ярославль, 13 Сент. № XXXIV).

прокладываетъ себѣ дорогу къ сближенію съ Англіею. Но Коленкуръ находился подъ обаяніемъ Александра, не допускалъ въ немъ коварства и ручался за него передъ Наполеономъ.

Тотъ же Коленкуръ въ Августѣ 1809 года доносилъ своему государю — партія недовольныхъ замышляетъ низложить Александра, а на его мѣсто либо установить регентство съ Маріею Федоровною во главѣ, либо великую княгиню Екатерину Павловну провозгласить императрицею. („Nouvelles et on dits", стр. 73). Аналогичный слухъ снова возникъ, но уже въ 1812 году, какъ послѣдствіе нашествія французовъ и пожара Москвы. Въ письмѣ отъ 18 Сентября 1812 года, императоръ Александръ сообщаетъ сестрѣ, что Наполеоновскіе агенты стараются уронить его въ общественномъ мнѣніи. Съ цѣлью посѣять раздоръ въ семьѣ, они, начавъ съ нея, хотятъ изобразить его передъ нею въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Съ негодованіемъ отвергала великая княгиня, чтобы кто-нибудь осмѣлился подступить къ ней съ подобнаго рода навѣтами. Изгнаніе изъ Россіи французовъ укрѣпило положеніе Александра, и, въ результатѣ, направленныя противъ его особы крамольныя затѣи, сами собою прекратились.

Въ 1807 году, въ разгаръ войны съ Наполеономъ, явилось предположеніе великую княжну Екатерину Павловну выдать замужъ за австрійскаго императора Франца, который передъ тѣмъ овдовѣлъ. Перспектива породниться съ домомъ Габсбурговъ, знатнѣйшимъ въ Европѣ, льстило самолюбію Маріи Федоровны, а сама великая княжна бредила императорскою короною. Напротивъ, Александръ, вѣрный идиллическому представленію о личномъ счастьѣ, не постигалъ, возможно ли вообще желать стать женою человѣка пожилого, непривлекательнаго и безнравственнаго, какимъ, по его мнѣнію, былъ императоръ Францъ.—„Я желалъ бы, чтобы вы были принуждены провести съ этимъ господиномъ 24 часа, тогда охота за него выйти замужъ пропала бы у васъ завтра же",--

увѣщевалъ сестру Александръ. Но попытки охладить ея пылъ не дѣйствовали на великую княжну и на нихъ она отвѣчала насмѣшками. „Письмо ваше, писала она брату отъ 11 мая 1807 г., доставило мнѣ добрый часъ смѣха... Никогда бы я не подумала, чтобы въ числѣ вашихъ доводовъ нашлась и добродѣтель... Скажи мнѣ архіерей на эту тему проповѣдь, я бы ему отвѣтила: ты исполняешь твой долгъ. Но въ Будбергѣ и васъ, не прогнѣвайтесь, бѣдная добродѣтель имѣетъ защитниковъ весьма шаткихъ". И далѣе... „Княжеское племя дѣлится на три категоріи: добродушные ослы, злые умники и Іоанны безземельные. Между этими тремя видами выборъ довольно простъ, не правда ли?"... — (письмо отъ 23 Мая, 1807 года).

Но австрійскій бракъ не состоялся. Выборъ оказался сложнѣе, нежели предполагала молодая великая княжна. Вышла она замужъ за принца Георгія Петровича Ольденбургскаго, который принадлежалъ къ третьей категоріи, ибо владѣтельнымъ не былъ. Свадьба была отпразднована въ Петербургѣ 10 Апрѣля 1809 года.

Императрица Елисавета Алексѣевна (письмо къ матери, маркграфинѣ Баденской, 20 Дек. 1812 г.) изображаетъ принца Георгія Петровича человѣкомъ ограниченнымъ, но добрымъ и безобиднымъ. Она называетъ его ce pauvre Georges. Уступая женѣ по уму, онъ стоялъ неизмѣримо выше ея качествами души и сердца. Екатерина Павловна любила мужа, но по своему, т. е. какъ орудіе своего честолюбія. Она увѣряла, что онъ для нея дороже всего на свѣтѣ. Но когда онъ умеръ, на другой же день послѣ его кончины, она дѣлала уже планы насчетъ будущаго и вскорѣ отправилась путешествовать по Европѣ. Въ томъ же письмѣ императрица Елисавета Алексѣевна пишетъ: „Зная необузданный ея характеръ, я ожидала, что она рѣшится на крайность. Но въ виду спокойствія, съ коимъ она пе-

ренесла несчастіе, я жалѣю лишь стараго отца и принца Августа, которые съ братомъ составляли одну душу"...

Спеціально для принца Георга Петровича было учреждено обширное Генералъ-Губернаторство въ составѣ трехъ губерній: Тверской, Ярославской и Новгородской. Кромѣ того, принцъ былъ назначенъ Начальникомъ Дирекціи водныхъ путей сообщеній. Для его резиденціи былъ избранъ городъ Тверь. Во главѣ канцеляріи принца былъ поставленъ Ф. П. Лубяновскій, а по инженерной части при немъ состояли два инженера: де-Воланъ и Карбоньеръ. Впрочемъ, Лубяновскій въ Твери оставался недолго. Онъ поссорился съ де-Воланомъ, а что всего хуже, неосторожнымъ замѣчаніемъ навлекъ на себя гнѣвъ великой княгини. По этой причинѣ, нѣкоторое время онъ даже былъ совсѣмъ отставленъ отъ службы.

Относительно пребыванія въ Твери и образа жизни молодой великокняжеской четы весьма интересныя подробности находимъ мы въ запискахъ А. В. Кочубея [1]).

Въ Твери дворецъ обветшалъ и, поэтому, его рѣшено было перестроить. Изъ Петербурга съ этою цѣлью былъ командированъ архитекторъ Росси.

Дворъ великой княгини былъ обставленъ весьма пышно. Гофмейстериною была назначена госпожа Хрущова, а потомъ въ эти обязанности вступила статсъ-дама большого Двора, княгиня Александра Николаевна Волконская. Фрейлинами были: госпожи Шишкина и Шипова, а послѣ выхода Шиповой замужъ ее замѣнила дочь посланника въ Испаніи, Муравьева-Апостолъ.

---

[1]) Семейная хроника. Записки Аркадія Васильевича Кочубея, С.-Петербургъ, 1890 г. Стр. 36—49. (Отпечатана на правахъ рукописи и въ продажу не поступала.

Шталмейстеромъ и Гофмаршаломъ Двора великой княгини былъ князь Гагаринъ, женатый на Балабиной. Камергерами при ея Высочествѣ были Арсеньевъ и Приклонскій.

Великая княгина любила собирать общество, сама была чрезвычайно любезна и умѣла нравиться. Многіе изъ ея приближенныхъ были въ нее влюблены, въ томъ числѣ знаменитый художникъ Кипренскій.

Тверь, дотолѣ невозмутимо тихая, вдругъ сдѣлалась шумнымъ общественнымъ центромъ. Зимою великая княгиня давала балы и празднества и, между прочимъ, устраивала катанья съ горъ. Великую княгиню навѣщали: изъ Петербурга—императоръ и императрица Марія Федоровна; изъ Москвы—фельдмаршалъ и главнокомандующій Москвы графъ Гудовичъ, графъ Аркадій Ивановичъ Марковъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ съ женою и двумя дочерьми, оберъ-камергеры: Александръ Львовичъ Нарышкинъ и графъ Федоръ Васильевичъ Ростопчинъ, сенаторъ Дмитріевъ, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, помѣщикъ Бакунинъ и др.

Зачастую пріѣзжалъ въ Тверь историкъ Николай Михайловичъ Карамзинъ. Его „Исторія Государства Россійскаго“ читалась въ Твери у великой княгини, и, по случаю этихъ чтеній, давались особые вечера. Здѣсь же Карамзинъ впервые прочелъ великой Княгинѣ свою „записку о древней и Новой Россіи“, которую она передала Государю.

Все ли, однако, въ отношеніяхъ великой княгини къ обществу обстояло безупречно? Были тренія, которыхъ А. В. Кочубей не видитъ, но которыя отмѣчаетъ Коленкуръ, менѣе пристрастный или лучше освѣдомленный.

...Строгость этикета при Дворѣ великой княгини подавала поводъ къ насмѣшкамъ. Лица, которыя ѣхали въ Москву или обратно и которыя удостаивались приглашеніемъ къ великокняжескому столу, должны были испрашивать себѣ двѣ аудіенціи: одну чтобы предста-

виться, а другую чтобы откланяться. (Nouvelles et on dits, стр. 116). .

...Поѣздки москвичей въ Тверь перемѣнили мнѣніе о великой княгинѣ. Въ ней находятъ, характеромъ и манерами, слишкомъ много сходства съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, чтобы ее любить. Всѣ на это жалуются. Вслѣдствіе сего, оппозиціонные круги съ нѣкоторыхъ поръ столько же противъ нея, сколько были за нее. (Nouvelles et on dits, стр. 165).

Принцъ Георгій Петровичъ и его супруга великая княгиня Екатерина Павловна окончательно поселились въ Твери въ концѣ Августа 1809 года. Государь изъявилъ желаніе посмотрѣть, какъ они устроились на новосельи. Онъ хотѣлъ прибыть къ 24-му Ноября, дню имянинъ великой княгини, но по разнымъ соображеніямъ выѣхалъ только 28-го. Въ этотъ день рескриптомъ онъ извѣстилъ главнокомандующаго Москвы, графа Гудовича, о своемъ намѣреніи посѣтить столицу. Московскіе дворяне, о предположеніяхъ Государя ничего не знавшіе, отправили въ Тверь двухъ депутатовъ: графа Ивана Андреевича Остермана и князя Петра Алексѣевича Голицына—просить императора осчастливить Москву своимъ пріѣздомъ. Просьба соотвѣтствовала желаніямъ Государя и была принята благосклонно.

Пріемъ императору Александру населеніе Москвы оказало восторженный. Жители вышли навстрѣчу и наполнили улицы. Государь и принцъ Ольденбургскій ѣхали верхомъ, а великая княгиня Екатерина Павловна въ придворной каретѣ. Среди ликующей толпы шествіе съ трудомъ продвигалось впередъ. Народъ цѣловалъ Государю ноги, платье и даже лошадь, на которой онъ ѣхалъ.

Всѣ сословія соревновали въ проявленіи Государю чувствъ любви и вѣрноподданической преданности. Москвичи были въ восторгѣ отъ Государя, а Государь отъ москвичей.—Кто же изъ владыкъ земныхъ когда либо былъ такъ встрѣчаемъ?—спрашивали москвичи съ самодовольствомъ. —Теперь недостаетъ только что-

бы Наполеонъ взглянулъ на Александра и на русскій народъ. *)

Хотя посѣщеніе Государемъ Москвы и народныя по сему поводу манифестаціи и не заключали въ себѣ ничего воинственнаго, тѣмъ не менѣе, для всѣхъ было ясно, что въ предвидѣніи войны, Царь ищетъ сближенія съ народомъ, а народъ, въ отвѣтъ, выражаетъ готовность, ради Царя и отечества, принести себя въ жертву. По свойственной ему близорукости, Коленкуръ въ московскихъ торжествахъ тревожныхъ признаковъ не замѣтилъ. Проницательнѣе былъ другой дипломатъ, Сардинскій посланникъ, графъ Жозефъ де Местръ. Онъ доносилъ королю:

С.-Петербургъ, декабрь, 1809 г.

„...Это путешествіе похоже на экспромтъ или случайность. Я полагаю, оно было задумано заранѣе и съ видами весьма глубокими. Если я не ошибаюсь, императоръ желалъ видѣться съ разными лицами, которыхъ не хотѣлъ вызвать сюда. Онъ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ графомъ Ростопчинымъ, котораго Ваше Величество хорошо знаете...

„Французскому послу путешествіе въ Москву было чрезвычайно непріятно. Я уже докладывалъ Вашему Величеству, что ему повелѣно не разлучаться съ императоромъ на 24 часа. Однако, императору удалось отъ него ускользнуть“...

Пригласивъ великую княгиню сопровождать его въ Москву, императоръ Александръ имѣлъ въ виду познакомить ее съ московскимъ обществомъ и, въ качествѣ лица, облеченнаго неограниченнымъ его довѣріемъ, какъ бы аккредитовать ее передъ Москвою. Въ Твери, между нимъ и жителями столицы, ей предстояло занять положеніе благожелательной посредницы. „Во все время ея пребыванія въ Москвѣ“—вноситъ въ свой дневникъ

*) Дубровинъ. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Рус. Старина. Сент. 1901 г. Стр. 460—462.

Коленкуръ — „великая княгиня Екатерина Павловна держала себя сдержанно и съ достоинствомъ“..

Императоръ Александръ походилъ на двуликаго бога Януса. Лично и черезъ графа Н. П. Румянцова, онъ убѣждалъ Коленкура въ дружественныхъ чувствахъ своихъ къ императору Наполеону и неизмѣнной вѣрности началамъ Тильзитскаго договора. Такимъ образомъ, въ рукѣ онъ держалъ оливковую вѣтку мира. Между тѣмъ, дѣйствуя его именемъ, великая княгиня Екатерина Павловна возбуждала народное патріотическое движеніе, цѣлью и послѣднимъ словомъ котораго была война съ Франціею.

Глава VIII.

Реформа денежнаго обращенія.

1810—1811 гг.

Вслѣдствіе войнъ, которыя вела Россія съ французами, шведами и турками, а затѣмъ, ввиду континентальной системы, причинившей огромный убытокъ внѣшней ея торговлѣ, финансы имперіи пришли, по внѣшнему виду, въ состояніе полнаго разстройства. Въ 1810 году дефицитъ равнялся 105 милл. руб. или почти трети суммы бюджета. Количество ассигнацій въ обращеніи достигало 577 милліоновъ.

Хотя приведенныя цифры въ то время казались весьма значительными, угрожающаго, однако, въ нихъ ничего не было. Дефицитъ былъ бы страшенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы норма налоговаго обложенія была бы уже превзойдена. Между тѣмъ, втеченіи двадцати лѣтъ налоги не повышались. Довольно было увеличить налоги и, въ слѣдующемъ 1811 году, вмѣсто стомилліоннаго дефицита, образовался излишекъ въ шесть милліоновъ руб.

Положеніе вексельнаго курса всецѣло зависѣло отъ вывоза товаровъ заграницу. Каждое извѣстіе объ отбытіи кораблей изъ русскихъ портовъ петербургская биржа встрѣчала повышеніемъ фондовъ. Главною помѣхою экспорту служила континентальная система. Но континентальная система была орудіемъ борьбы съ морскою гегемоніею Англіи. Поэтому, доколѣ правительство намѣрено было продолжать эту борьбу, оно должно было мириться и съ ея неизбѣжнымъ послѣдствіемъ—низкимъ уровнемъ курса.

Болѣе или менѣе строгое соблюденіе континентальнаго запрета, индиферентное или участливое отношеніе правительства къ вопросамъ внѣшней торговли и вексельнаго курса являлись барометромъ, взглянувъ на который, съ достаточною точностью можно было опредѣлить—на какой точкѣ находится завязавшаяся въ Тильзитѣ между Россіею и Франціею дружба. Въ ноябрѣ 1809 года Сперанскому было поручено представить планъ финансовыхъ мѣропріятій. При составленіи сего плана, какими же принципами руководствовался Сперанскій?

Въ своихъ запискахъ Державинъ возводитъ на Сперанскаго обвиненіе, что онъ совсѣмъ былъ преданъ жидамъ чрезъ извѣстнаго Перетца. Эти отношенія біографъ Сперанскаго, баронъ М. Корфъ, объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Всего вѣроятнѣе, что нашъ государственный человѣкъ поддерживалъ эту связь потому болѣе, что въ огромныхъ финансовыхъ знаніяхъ Перетца онъ почерпалъ тѣ практическія свѣдѣнія, которыхъ, и по воспитанію, и по кругу своей дѣятельности, не могъ самъ имѣть“ (стр. 102).

Еврей по рожденію, банкиръ по профессіи, Перетцъ, само собою ясно, былъ сторонникомъ государственнаго невмѣшательства и неограниченной экономической свободы. Въ то время, какъ разъ, начинали входить въ моду либеральныя доктрины Адама Смита.

Теоріи эти, хотя и считались признанными и преподавались въ учебныхъ заведеніяхъ, но на правительственныя мѣропріятія вліянія онѣ не оказывали. Сперанскій, говоритъ баронъ Корфъ, первый у насъ покусился ввести ихъ въ практику.

Въ Петербургѣ сосредоточивалась многочисленная иностранная колонія. Состояла она изъ нѣмецкихъ профессоровъ и ученыхъ (экономисты: Вирстъ, Якобій, Шторхъ), англичанъ медиковъ (Элизенъ, Вильé), дѣятелей комерціи и биржи (Северинъ, Кремеръ). Женатый на англичанкѣ, Сперанскій со многими членами иностранной колоніи находился на короткой ногѣ, а съ нѣкоторыми и въ родственныхъ отношеніяхъ (съ Амбургерами, зятемъ ихъ докторомъ Вейкгартомъ, Пасторомъ Питтомъ и др.).

Въ свою очередь, къ иностранцамъ питалъ пристрастіе и императоръ Александръ Павловичъ. Онъ любилъ съ ними разсуждать о высокихъ матеріяхъ или даже, какъ наприм. съ дерптскимъ проф. Парротомъ, вести переписку. Изъ дамъ иностранной колоніи удостоивались посѣщенія императора супруги негоціантовъ, госпожи Кремеръ и Северина. Будучи одновременно друзьями Александра и Сперанскаго, иностранцы между ними составляли какъ бы звено. По крайней мѣрѣ, въ день опалы и изгнанія, только съ этой стороны встрѣтилъ Сперанскій симпатіи и нашелъ поддержку (Г-жа Кремеръ, Парротъ).

Континентальная система вообще разоряла торговлю, а портовую въ особенности. Банкротство слѣдовало за банкротствомъ. Въ Ригѣ обанкротилась фирма Цукербекеръ и повлекла за собою банкротство фирмы Шмидтъ въ Амстердамѣ. Въ Москвѣ прекратилъ платежи торговый домъ Кнауфъ. Пошатнулись дѣла торговаго дома Кремеръ. Въ результатѣ паденія курса, цѣны на жизненные припасы удвоились и утроились. Тягость подобнаго положенія выносило на своихъ плечахъ городское населеніе и, въ томъ числѣ, иностранцы, жившіе

заработкомъ и сбереженія свои помѣщавшіе въ конторы купцовъ-соотечественниковъ. Принципы финансовой науки уже такъ устроены, что они всегда совпадаютъ съ частными интересами тѣхъ лицъ, которые за нихъ ратуютъ. Отождествляя Государственные интересы Россіи со своими собственными, иностранная колонія агитировала противъ континентальнаго запрета всѣми силами. Биржа подавала петиціи. Иностранцы экономисты на русской службѣ, путемъ научныхъ доводовъ, старались доказать, что, въ угоду Наполеону, разоряя внѣшнюю свою торговлю, Россія губитъ себя окончательно.

Итакъ, наставленія банкира Перетца, классическая теорія Адама Смита и, наконецъ, сѣтованія петербургской иностранной колоніи на разореніе торговли и паденіе курса, — таковы были главные элементы финансоваго міровоззрѣнія Сперанскаго.

Одобренный Государемъ, финансовый планъ Сперанскаго послужилъ основаніемъ манифесту 1810 года. Въ силу этого манифеста, ассигнаціи объявлялись государственнымъ долгомъ, обезпеченнымъ всѣмъ достояніемъ государства. Въ видахъ сокращенія ихъ количества указывались источники: извѣстная часть государственныхъ имуществъ должна была быть распродана, затѣмъ, предполагалось совершить внутренній заемъ. Въ области внѣшней торговли былъ изданъ тарифъ, облагавшій предметы роскоши, получаемые, главнымъ образомъ, изъ Франціи, 50% ихъ стоимости. Для поощренія вывоза рѣшено было допускать въ русскія гавани нейтральныя суда подъ американскимъ флагомъ, дабы, въ качествѣ обратнаго груза, они забирали бы съ собою произведенія Россіи, хлѣбъ, пеньку и пр.

Въ планѣ Сперанскаго самое важное - новое опредѣленіе природы бумажныхъ денегъ. До тѣхъ поръ ассигнаціи были просто деньги, теперь онѣ сдѣлались векселями. Такимъ образомъ, въ цѣляхъ поднятія курса и возстановленія кредита, Россійское самодержавіе от-

казалось всенародно отъ важнѣйшаго своего регальнаго права: творить деньги.

Историкъ Карамзинъ, въ запискѣ, поданной Государю, представилъ, по поводу закона объ ассигнаціяхъ, слѣдующія возраженія: „Объявите, что отнынѣ фабрика ассигнаціонная останется безъ дѣла: хорошо; но къ чему толковать слова: „объявителю платитъ Государственный банкъ“ и проч. Я позволилъ бы сказать вамъ, что ассигнаціи не деньги, если бы вы могли отворить банки и ящики, наполненные серебромъ для вымѣна бумажекъ; позволилъ бы сказать, что ассигнаціи не деньги, если бы у васъ были другія; какія же? Серебряныя или мѣдныя? Сколько ихъ теперь въ Россіи и думаете ли, что бѣдная сумма оныхъ могла бы довольствовать государство въ торговыхъ его оборотахъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь можно быть очень богатымъ человѣкомъ и, въ тоже время, не имѣть чѣмъ заплатить по предъявленному векселю. Что разумѣть подъ „достояніемъ государства“? Все ли богатство страны,— въ поляхъ, лѣсахъ, водахъ, нѣдрахъ,—или только ту его часть, которая, въ видѣ товара, уже готова быть вывезенною на рынокъ? Въ послѣднемъ случаѣ, великая держава, попавъ въ безвыходное положеніе, чтобы изъ него выйти, легко можетъ оказаться въ необходимости уступить свое первенство въ семьѣ народовъ за чечевичную похлебку.

Реформа Сперанскаго была первымъ шагомъ Россіи отъ хозяйства натуральнаго къ хозяйству капиталистическому. Къ достоинству бумажныхъ денегъ подрывало довѣріе само правительство и, хотя политическія обстоятельства данной минуты реформѣ не благопріятствовали, тѣмъ не менѣе, оно пыталось ввести металлическую валюту. Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было положено: всѣ казенные подряды и поставки заключать впредь на серебро, съ платежомъ ассигнаціями по среднему курсу ближайшихъ четырехъ мѣсяцевъ, въ Петербургѣ. Лично Сперанскій шелъ гораздо далѣе: въ

планѣ своемъ онъ предлагалъ переложеніе всѣхъ счетовъ, съ опредѣленіемъ ежегодно постояннаго курса ассигнаціямъ, т. е. какъ бы фиксацію курса. Но министръ финансовъ Гурьевъ предложеніе это сначала замолчалъ, а потомъ, когда Сперанскій сошелъ со сцены, призналъ непріемлемымъ.

Финансовыя преобразованія Сперанскаго далеко не дали тѣхъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидалъ авторъ. Распродажа казенныхъ имуществъ принесла казнѣ сумму самую незначительную. Внутренній заемъ, если и увѣнчался успѣхомъ, то довольно скромнымъ. Выпуски бумажныхъ денегъ возобновлялись и послѣ манифеста 1810 г. Такимъ образомъ, словно все осталось по старому. Перемѣнилось только одно: главная мысль Сперанскаго, — его отрицательное отношеніе къ бумажнымъ деньгамъ,—правительствомъ была усвоена. Съ того момента, ходъ событій повернулся круто и пошелъ по направленію совершенно иному.

Поставивъ себѣ цѣлью поднять курсъ ассигнацій и оживить внѣшнюю торговлю, какими способами, спрашивается, правительство могло этого достичь? Припомнимъ, что реформа денежнаго обращенія затѣвалась при обстановкѣ совершенно исключительной, когда англійскія суда блокировали русскія гавани. Кто былъ наилучшимъ покупателемъ русскихъ товаровъ? Англія. Гдѣ можно было занять денегъ? только въ Англіи. Вопросъ о валютѣ бумажной или металлической заключалъ въ себѣ и предрѣшалъ другой вопросъ—политическій: о сохраненіи въ силѣ континентальной системы и поддержаніи дружбы съ французскимъ императоромъ.

Оправдываясь въ возведенныхъ на него обвиненіяхъ, Сперанскій, въ пермскомъ письмѣ къ императору Александру, говоритъ: „какъ можно, вообще, согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа?“ Сознавай Сперанскій тѣсную связь, которая существовала между денежнымъ обращеніемъ и внѣш-

нею политикою, онъ могъ бы сказать гораздо больше. Подорвавъ довѣріе правительства къ бумажнымъ деньгамъ, онъ совершилъ то, о чемъ мечтали московскіе дворяне, его противники: положилъ конецъ континентальной системѣ и разорвалъ союзъ съ Франціею.

Съ финансовою реформою и вступленіемъ въ силу запретительнаго тарифа 1810 г., длившійся съ Эрфурта переходный періодъ заканчивается. Вмѣсто него начинается періодъ третій и послѣдній—періодъ подготовленія къ великой отечественной войнѣ 1812 года, ставшей неизбѣжною.

Глава IX.

Александръ и Лористонъ.

(1811—1812 гг.).

На островѣ Св. Елены, разсуждая о причинахъ войны 1812 года, императоръ Наполеонъ сказалъ своимъ приближеннымъ:

— Война съ Россіею, какъ послѣдствіе континентальной системы, сдѣлалась неизбѣжною съ того дня, какъ Александръ нарушилъ постановленія Тильзита и Эрфурта.

На этомъ основаніи, еще въ то время, когда предотвратить войну казалось возможнымъ, Наполеонъ настойчиво требовалъ отъ Александра, чтобы онъ оставался вѣренъ не только буквѣ, но и духу Тильзитскаго договора.

Эти требованія Наполеона заключали въ себѣ два положенія: первое—соблюденіе Россіею континентальнаго запрета, и второе – совмѣстное дѣйствіе Россіи и Франціи противъ тѣхъ державъ, которыя отказывались приступить къ системѣ Тильзита, т. е. держали сторону Англіи.

По первому пункту, Александръ допустилъ въ русскія гавани корабли подъ нейтральнымъ флагомъ, хотя прекрасно зналъ, что въ дѣйствительности суда эти— англійскія. Затѣмъ, предметы роскоши, привозимые изъ Франціи, онъ обложилъ пошлиною въ 50% ихъ стоимости, что равносильно было полному прекращенію торговли съ Франціею.

По второму пункту, случай проявить свою солидарность съ Наполеономъ представила Александру война, возгорѣвшаяся въ 1809 году между Франціею и Австріею. Александръ, правда, отправилъ противъ австрійцевъ корпусъ войскъ подъ начальствомъ князя Голицына, но войска эти совсѣмъ не воевали. Все участіе Россіи ограничилось одною стычкою, въ которой были убиты два казака и ранены подполковникъ Стакельбергъ и казачій сотникъ *). Образъ дѣйствій столь двусмысленный показалъ всему свѣту, что на союзъ съ Наполеономъ императоръ Александръ смотрѣлъ, какъ на бремя, и, поэтому, постарается его сбросить при первой возможности.

Мало того, по внѣшности оставаясь другомъ и союзникомъ Франціи, Александръ становится во главѣ анти-наполеоновскаго движенія въ Европѣ. Черезъ посредство шведа, графа Армфельда, нѣмца барона Штейна, основателя Тугендбунда, и другихъ, тайно вступилъ онъ въ сношеніе со всѣми Наполеону враждебными элементами, начиная съ французскихъ эмигрантовъ и нѣмецкихъ патріотовъ и кончая инсургентами въ Испаніи. Между нимъ и Москвою этапомъ служитъ Тверь, гдѣ, вокругъ великой княгини Екатерины Павловны, образовался центръ агитаціи противъ Франціи. Представители московской фронды и французы-эмигранты получаютъ отличія по службѣ: въ 1810 году графъ Рос-

*) Шильдеръ, императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. II. стр. 240 и 241.

топчинъ былъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ, а графы де С. При и Ламбертъ были назначены генералъ-адъютантами.

Въ противоположность посламъ Коленкуру, а за нимъ, Лористону, Наполеонъ вполнѣ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ и, въ отношеніи Александра, не питалъ никакихъ иллюзій. Доказательство тому его письмо къ королю Виртембергскому отъ $\frac{\text{24 Марта}}{\text{2 Апрѣля}}$ 1811 года:

„Между великими націями говорятъ факты, и увлекаетъ общественное мнѣніе. Король Прусскій дозволилъ себя вовлечь въ войну, когда война была далека: потомъ онъ хотѣлъ бы ее задержать, но это уже болѣе отъ него не зависѣло, и онъ плакалъ, предчувствуя то, что случилось. То же самое произошло съ императоромъ Австрійскимъ: онъ допустилъ вооруженіе ландвера, а какъ только ландверъ былъ вооруженъ, онъ оказался вовлеченнымъ въ войну. Я весьма недалекъ отъ мысли, что то же произойдетъ и съ императоромъ Александромъ. Этотъ государь уже отдалился отъ началъ Тильзита: всѣ предположенія о войнѣ исходятъ изъ Россіи. Если императоръ ищетъ войны, настроеніе общественнаго мнѣнія отвѣчаетъ его намѣреніямъ. Если, ея не желая, онъ не остановитъ теченія, оно увлечетъ его противъ его воли. Такимъ образомъ, произойдетъ война помимо меня, помимо него, вопреки благу Франціи и Россіи. Я часто видалъ такія вещи, и мой опытъ прошлаго раскрываетъ мнѣ будущее. Все это походитъ на оперную сцену, а машинами двигаютъ англичане. Единственно, что могло бы помочь — это откровенность, съ которою я старался объясниться съ Россіею... Войны вовсе не желая, а еще менѣе быть донъ-Кихотомъ Польши, все-таки я вправѣ требовать, чтобы Россія оставалась вѣрна союзу, не ожидая, когда, покончивъ войну съ Турціею, что, вѣроятно, случится этимъ лѣтомъ, она мнѣ скажетъ: покидаю союзъ и заключаю съ Англіею миръ.

Со стороны императора это равносильно объявленію мнѣ войны, ибо, если бы я и не началъ разрыва, англичане, которые союзъ превратили въ нейтралитетъ, сумѣютъ нейтралитетъ превратить въ войну..

Въ безусловной искренности Наполеона сомнѣваться невозможно. Всѣми способами—убѣжденіями, прельщеніями, угрозами,—старался онъ снова вернуть Александра въ колею Тильзитскаго договора, которую тотъ покинулъ. Съ цѣлью приковать Александра къ своей судьбѣ и добиться отъ него видимой гарантіи, поочередно сватался онъ къ его сестрамъ: въ 1808 году къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ, а въ 1810 году къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Но Александръ, зная чего Наполеонъ отъ него хочетъ, оба раза отклонилъ его предложеніе. Вступивъ въ родство съ французскимъ императоромъ, онъ боялся въ глазахъ Европы умалить свой престижъ и лишить себя свободы дѣйствія.

Между кабинетами Петербургскимъ и Парижскимъ два вопроса составляли предметъ обсужденія: польскій и ольденбургскій. Не придавая имъ самостоятельнаго значенія, Наполеонъ стремился пріурочить ихъ къ главному вопросу и, съ этой цѣлью, подвести ихъ подъ общій знаменатель Тильзитскаго соглашенія. Министръ иностранныхъ дѣлъ, герцогъ Бассано, въ конфиденціальномъ письмѣ къ послу Лористону, отъ 19-го Ноября 1811 г., заявляетъ ему: „Говорю лично для васъ. Ни для насъ, ни для Россіи ольденбургское дѣло ничего не значитъ. Въ интересахъ торговли и континентальной системы заключается вся суть“.

Но Александръ не смѣшивалъ текущіе вопросы съ политическою системою, а, напротивъ, разсматривалъ ихъ отъ нея отдѣльно. Принимая во вниманіе, что о допущеніи нейтральныхъ судовъ въ русскія гавани въ текстѣ Тильзитскаго договора ничего сказано не было, Александръ на этотъ вопросъ смотрѣлъ какъ на дѣло исключительно внутреннее и, поэтому, всякое иностран-

ное въ него вмѣшательство онъ считалъ посягательствомъ на державныя права Россіи.

Конфликтъ съ Франціей изъ за Польши возникъ тотчасъ послѣ окончанія войны съ Австріей. По Шенбрунскому мирному договору Наполеонъ къ Варшавскому герцогству присоединилъ часть Галиціи съ населеніемъ свыше 1.500.000 жителей, между тѣмъ Россія получила небольшой Тарнопольскій округъ съ населеніемъ отъ 300—400 тысячъ. Въ этомъ обстоятельствѣ императоръ Александръ усмотрѣлъ угрозу возстановленія Польши. Въ предупрежденіе сего и въ видахъ сохраненія союза, графъ Н. П. Румянцовъ предложилъ Коленкуру заключить конвенцію, въ которой было бы сказано, что увеличеніе пространства и силъ Варшавскаго герцогства никогда не поведетъ къ возстановленію польскаго королевства.

Значеніе подобной конвенціи было чисто моральное. Польша для Наполеона была орудіемъ политики, и только. Онъ приказалъ отвѣтить Румянцову: Его величество согласенъ на то, чтобы слова: Польша и поляки не только исчезли изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже изъ исторіи.

Соотвѣтственно сему, 24 Дек. 1809 г., Коленкуромъ и Румянцовымъ была подписана конвенція, заключавшая въ себѣ требуемыя гарантіи. Пунктъ первый этой конвенціи гласилъ: „королевство Польское никогда не будетъ возстановлено“. Конвенція была, затѣмъ, отправлена къ Наполеону въ Парижъ для ратификаціи.

Наканунѣ императоръ Александръ писалъ въ Тверь сестрѣ своей, великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, 23 Дек. 1809 г.:

„Милый и дорогой другъ, на ваше письмо предоставляю себѣ отвѣтить вамъ черезъ Брюнье, котораго отошлю къ вамъ на-дняхъ. Покамѣсть, посылаю вамъ этого (курьера), дабы сообщить вамъ про щекотливое положеніе, въ которое я попалъ. Наполеонъ разводится

и взоры свои онъ обратилъ на Анну. На сей разъ это серьезно, и я сошлюсь на тѣ подробности, которыя дастъ вамъ моя мать. Выборъ между двумя рѣшеніями весьма труденъ. Я заявилъ матери, что она вполнѣ властна располагать сестрою, и что я поступлю согласно ея желанію. Мое мнѣніе слѣдующее: въ виду затрудненій, хлопотъ, недоброжелательства и ненависти, связанныхъ съ этимъ лицомъ, менѣе неудобствъ отклонить предложеніе, нежели принять его съ неохотою“.

Гарантія за гарантію. Давая ручательство относительно Польши, Наполеонъ, въ свою очередь, желалъ пріобрѣсти увѣренность, что Александръ будетъ неуклонно держаться началъ Тильзитскаго договора. Сватовство его къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ служило пробнымъ камнемъ, съ цѣлью установить—какія были дѣйствительныя намѣренія Александра. Отказъ послѣдовалъ подъ вѣжливымъ предлогомъ: императрица Марія Федоровна находитъ, что дочь ея еще слишкомъ молода для замужества. Послѣ того, Наполеонъ не захотѣлъ ратификовать конвенціи о Польшѣ. Выдавать поляковъ Александру ему не было болѣе разсчета.

Параллельно вопросу польскому, между правительствами обсуждался другой вопросъ — о захватѣ французскими войсками земель герцога Ольденбургскаго. Объясненіе, которое давалъ Наполеонъ, будто бы захватъ совершенъ съ цѣлью огражденія морского побережья отъ контрабанды, — не выдерживало критики. Если ему понадобились ольденбургскія таможни, въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ наложить на нихъ руку. Но зачѣмъ было смѣщать съ престола ни въ чемъ неповиннаго герцога? Въ письмѣ къ Людвигу Наполеону, королю Голландіи, изъ Парижа, 17 Февр. 1808 г., Наполеонъ рекомендовалъ ему особенно бережно обращаться съ герцогомъ Ольденбургскимъ, въ виду живого интереса, который принимаетъ въ немъ Россія. Такія же инструкціи были даны командующему французскимъ корпусомъ въ Даніи, князю Понте-Корво (Бернадоту).

И вдругъ этого ближайшаго родственника русскаго царствующаго Дома, безъ всякаго повода, Наполеонъ лишаетъ престола и безцеремонно выпроваживаетъ изъ наслѣдственныхъ его владѣній.

Императоръ Александръ глубоко почувствовалъ нанесенную ему обиду. „Въ томъ, что произошло, писалъ онъ герцогу Ольденбургскому, 1 Янв. 1811 года, я долженъ былъ ясно увидѣть желаніе оскорбить Россію". Наличность оскорбительнаго умысла со стороны Наполеона отрицать невозможно. Тѣмъ не менѣе, если сопоставить и взвѣсить тѣ обиды, которыя онъ наносилъ Александру, и тѣ, которыя онъ отъ него получалъ, еще большой вопросъ — кто у кого остался бы въ долгу. Два раза сватался Наполеонъ къ сестрамъ Александра и оба раза получилъ отказъ. Въ Твери проживала та самая великая княгиня Екатерина Павловна, которой, по планамъ Наполеона, въ качествѣ французской императрицы, предназначалось послужить связующимъ звеномъ между Россіею и Франціею. Теперь она группировала вокругъ себя членовъ московской оппозиціи и, разумѣется, не безъ вѣдома и одобренія Александра, позволяла себѣ оскорбительныя выходки противъ Наполеона и Франціи. Руководствуясь правиломъ Святослава „иду на васъ", Наполеонъ, въ лицѣ герцога Ольденбургскаго, поражалъ сонмище своихъ враговъ и давалъ имъ понять, что, если они не прекратятъ свои козни, то и онъ не остановится передъ мѣрами самыми рѣшительными.

Бесѣдуя съ прибывшимъ изъ Петербурга полковникомъ Чернышевымъ, императоръ Наполеонъ выпытывалъ у него — на какихъ основаніяхъ предполагаетъ графъ Румянцовъ порѣшить спорные вопросы Польши и Ольденбурга. — По мнѣнію графа Румянцова, отвѣчалъ Чернышевъ, эти два вопроса слѣдовало бы бросить въ одинъ мѣшокъ, хорошенько ихъ встряхнуть и, затѣмъ, разомъ высыпать. — Наполеонъ догадался, что

Россія желала бы получить часть Варшавскаго герцогства или, хотя бы, Данцигъ.

Но, для избѣжанія войны, двухъ вопросовъ въ одномъ мѣшкѣ было недостаточно, а требовалось добавить еще третій вопросъ: о болѣе точномъ соблюденіи Россіею континентальной системы. Если бы, однако, Наполеонъ предложилъ Россіи Варшавское герцогство цѣликомъ и въ придачу Данцигъ, все-таки это не заставило бы Александра снова вернуться къ исходной точкѣ Тильзитскаго договора. Слишкомъ много съ тѣхъ поръ утекло воды и произошло событій: примиреніе Александра съ московскимъ дворянствомъ, допущеніе въ русскія гавани нейтральныхъ судовъ, реформа денежнаго обращенія, обложеніе предметовъ роскоши, негласныя сношенія съ враждебными Наполеону лицами и организаціями въ Европѣ и т. д. Если бы даже ради сохраненія мира Александръ захотѣлъ пойдти назадъ,— политическая ситуація ему бы этого не позволила.

Новый французскій посолъ графъ Лористонъ былъ дипломатъ корректный и добросовѣстный, но умомъ не быстрый и, вдобавокъ, совершенно незнакомый съ Россіей и русскимъ обществомъ. Очень скоро, въ еще большей степени нежели Коленкуръ, онъ подчинился обаянію Александра. Если въ Парижѣ надъ русскимъ посломъ, престарѣлымъ княземъ Куракинымъ, Наполеонъ и герцогъ Бассано немилосердно глумились и безсовѣстно его морочили,—въ Петербургѣ, наружно сохраняя отмѣнныя формы, Александръ и Румянцовъ, нисколько не стѣсняясь, втирали очки въ глаза прямодушному и довѣрчивому Лористону. Они увѣряли его, что Россія продолжаетъ неуклонно слѣдовать континентальной системѣ. Для провѣрки происхожденія судовъ установлена спеціальная, весьма строгая процедура. Судовыя бумаги разсматриваются коммиссіею, подъ предсѣдательствомъ г. Кампенгаузена *), затѣмъ, если

*) Б. Б. Камценгаузенъ былъ Государств. Контролеромъ.

суда пришли подъ американскимъ флагомъ, документы передаются американскому повѣренному въ дѣлахъ г. Адамсу на заключеніе. Только суда, нейтральность коихъ не подлежитъ сомнѣнію, допускаются, остальныя конфискуются, сжигаются и т. п. Всѣ эти данныя и утвержденія Лористонъ принималъ на вѣру и сообщалъ въ Парижъ, какъ доказательство вполнѣ лояльнаго поведенія русскаго правительства.

Депешею отъ 11 Окт. 1811 года Лористонъ доноситъ герцогу Бассано:

„...Я повелъ разговоръ объ англійскихъ газетахъ, о надеждѣ, которую питаетъ британское министерство, на скорое сближеніе съ Россіею, о подлинной деклараціи. будто бы англійскіе корабли подъ американскимъ флагомъ вошли въ русскія гавани, конвоируемые англійскими военными судами, о томъ, что они производятъ нагрузку корабельныхъ снастей и пеньки, наконецъ, о продажѣ въ Россіи товаровъ, которые они привезли.

„Императоръ мнѣ отвѣчалъ: англичане могутъ печатать въ газетахъ, что они хотятъ. Образъ ихъ дѣйствій доказываетъ намѣреніе возбудить недовѣріе между двумя имперіями... американскія суда были провѣрены, бумаги ихъ отправлены посланнику Соединенныхъ Штатовъ. Изъ нихъ пятьдесятъ Коммиссіей были конфискованы, и дня не проходитъ безъ новыхъ секвестровъ“...

Въ справедливости того, что ему говорилъ императоръ Александръ, графъ Лористонъ хотя и не сомнѣвался, тѣмъ не менѣе, за свѣдѣніями онъ обращался и къ другимъ лицамъ. Но все, что до него доходило стороною, только подтверждало слова Государя. Въ депешахъ отъ 17/29 и 18/30 Октября 1811 года онъ пишетъ герцогу Бассано:

„...Повидимому, въ этомъ году, дѣйствительно, отъ 40 до 50 судовъ было конфисковано. Трудъ этотъ между собою раздѣляютъ г. Кампенгаузенъ, предсѣдатель Коммиссіи о нейтральныхъ и г. Гурьевъ, министръ

финансовъ, въ вѣдѣніи котораго находятся таможни... Говорятъ, что за спиною г. Кампенгаузена стоитъ г. Сперанскій, покровительствующій, будто бы, англійской партіи...

„...Ваше Превосходительство мнѣ говорите, что, если бы судовыя бумаги были представлены американскому посланнику на разсмотрѣніе,—онъ призналъ бы ихъ подложность. Имѣю честь представить вамъ списокъ, который мнѣ передалъ этотъ посланникъ. Онъ объявилъ мнѣ, что почти всѣ суда привезли ему письма изъ Америки и что съ большею частью капитановъ и ихъ помощниковъ онъ знакомъ лично. Во всѣхъ моихъ разговорахъ съ Его Величествомъ, а особенно съ канцлеромъ, я имъ указываю на легкость, съ которою англичане ввозятъ свои произведенія, и на контрабанду. Императоръ Александръ мнѣ отвѣчаетъ, что мы весьма строги къ другимъ и весьма снисходительны къ себѣ, но что онъ слѣдитъ за исполненіемъ законовъ и что самые интересы его имперіи не допускаютъ ввоза англійскихъ товаровъ. Канцлеръ мнѣ говоритъ, что Россія системы не перемѣнитъ, что контрабанда возможна, но что ежедневно противъ нея принимаются мѣры. Я ему повторяю, что допускать американскія суда—это тоже самое, что допускать суда англійскія, такъ какъ ни одно судно не можетъ пройти Зундъ или Бельты безъ разрѣшенія англійской эскадры. Канцлеръ отвѣчаетъ мнѣ на это, какъ и моему предшественнику, что не принимать американскія суда—это значитъ уничтожить послѣдній остатокъ русской торговли; что Америка, обладая большимъ количествомъ комерческихъ судовъ, вывозитъ изъ Россіи много пеньки и желѣза, а потому все, что въ отношеніи нихъ можно требовать—это строжайшій надзоръ“.

Объясненія эти, однако, Наполеона не удовлетворяли. Логика его была очень простая. Торговать, помимо себя, англичане, все равно, не позволили бы, а потому суда, которыя они пропускали, могли быть

только англійскія. Но, въ такомъ случаѣ, Россія не вправѣ была принимать ихъ въ свои гавани. Когда, повинуясь настойчивымъ предписаніямъ изъ Парижа, графъ Лористонъ приступилъ къ нему съ этимъ тезисомъ, императоръ Александръ отвѣтилъ ему твердо и категорически *):

„...Не вижу никакой возможности сохранить миръ", сказалъ французскому послу Государь. „Объявивъ лишеннымъ національности всякое нейтральное судно, которое войдетъ въ англійскій портъ, заплатитъ англичанамъ пошлину, или даже которое будутъ сопровождать англійскія военныя суда, императоръ Наполеонъ тѣмъ самымъ всѣ суда, входящія въ русскія гавани Балтійскаго моря, считаетъ лишенными національности, ибо они, вообще, не могли бы придти, если бы англичане имъ не разрѣшили. Невозможность эта такова, добавилъ Государь, что, если какому-нибудь нейтральному судну и удалось бы проникнуть въ Балтику, не примкнувъ къ англійскимъ комерческимъ судамъ, — никто бы этому не повѣрилъ, а, если бы я это допустилъ, все равно сказали бы, что оно лишено національности, какъ и прочія. Вы видите, продолжалъ Государь, императоръ Наполеонъ хочетъ воспретить Россіи торговлю даже съ нейтральными. Въ этомъ ли заключается смыслъ договоровъ Тильзита и Эрфурта? Развѣ я принялъ обязательство не торговать съ нейтральными? Когда императоръ Наполеонъ издавалъ Миланскій декретъ, входилъ ли онъ со мною въ соглашеніе? Обязанъ ли я повиноваться всѣмъ декретамъ, которые онъ сочтетъ нужнымъ издавать? Сказалъ ли онъ мнѣ что-нибудь объ этомъ въ Эрфуртѣ? Три года тому назадъ, почему не сдѣлалъ онъ мнѣ, по сему поводу, никакого представленія? Вѣдь только годъ, какъ онъ возбудилъ это затрудненіе. Но, еще разъ,—гдѣ мои обязательства не допускать нейтральныхъ? Судовыя бумаги

*) Графъ Лористонъ — герцогу Бассано, С.-Петерб., 11/23 апрѣля 1812 года.

повѣряются самымъ тщательнымъ образомъ. Болѣе семидесяти судовъ было конфисковано въ этомъ году. Хотятъ уподобить, и только въ эту минуту, колоніальные продукты англійскимъ товарамъ; но колоніальные продукты принадлежатъ нейтральнымъ, какъ и англичанамъ. Потому только, что вы мѣняете терминологію, я долженъ ее мѣнять и, притомъ, соображаясь съ вашими декретами. Ставить требованія подобнаго рода возможно только народу совершенно зависимому. Обязательства, мною принятыя въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, я выполнилъ точно и буду выполнять и впредь. Объявляю вамъ: я не хочу торговать съ Англіею: я это обѣщалъ. Но я хочу торговать съ нейтральными. Требовать противнаго—это все равно что окончательно закрыть гавани Россіи и отнять у нея средства къ существованію...„

Въ Петербургѣ и въ Парижѣ велись одновременно негоціаціи, но къ соглашенію онѣ не привели, а, наоборотъ, еще болѣе поставили на видъ коренное различіе точекъ зрѣнія. И Александръ и Наполеонъ несомнѣнно горячо желали мира. На бѣду, этотъ миръ каждый разумѣлъ по своему. Наполеонъ связывалъ съ нимъ возвращеніе Россіи къ Тильзитскому договору, недопущеніе нейтральныхъ судовъ въ русскія гавани и т. п. Александръ, оставаясь съ Франціею въ мирѣ, желалъ бы изъ желѣзныхъ клещей союза высвободиться и вернуть себѣ свободу дѣйствія. Но съ нейтралитетомъ Россіи прекращалась и континентальная система: черезъ русскія владѣнія англійская контрабанда свободно проникала бы въ Германію, а, затѣмъ, въ Россіи образовалось бы средоточіе движенія враждебнаго Наполеону въ Европѣ.

Сцилла или Харибда: отказаться отъ континентальной системы, т. е. капитулировать передъ Англіею, или, результаты предшествующихъ войнъ поставя на одну карту, объявить Россіи войну? Изъ этихъ двухъ роковыхъ рѣшеній, послѣ долгаго размышленія, императоръ Наполеонъ вынужденъ былъ избрать послѣднее,—войну, оставлявшую всетаки нѣкоторую возможность побѣды.

Глава X.

Въ Каноссу.

1812 годъ.

Въ концѣ марта 1812 г. графъ Ростопчинъ изъ Петербурга возвратился въ Москву. Никому не приходило тогда въ голову, что назначеніе его московскимъ генералъ-губернаторомъ—уже вопросъ рѣшенный.

Графа Ф. В. Ростопчина природа щедро надѣлила своими дарами. Это былъ умъ, не только блестящій, но и глубокій. Воспитанный въ славныхъ традиціяхъ Екатерининскаго царствованія, онъ горячо любилъ Россію и величіе ея ставилъ выше всего. Кратковременное завѣдываніе имъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ обнаружило въ немъ задатки крупнаго государственнаго дѣятеля. По его почину, въ системѣ русской политики произошла полная перемѣна. Недовольный прежними союзниками, Англіею и Австріею, императоръ Павелъ—это олицетвореніе идеи монархизма—неожиданно сблизился съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ.

Отстраненный отъ дѣлъ еще при императорѣ Павлѣ, графъ Ростопчинъ проживалъ въ Москвѣ на покоѣ, зимою въ городѣ, а лѣтомъ въ подмосковномъ своемъ имѣніи, Вороновѣ. Событіями онъ живо интересовался и зорко за ними слѣдилъ. Ни печати въ современномъ значеніи, ни общественныхъ политическихъ собраній, въ тѣ времена не существовало вовсе. Поэтому, для распространенія политической пропаганды, оставались два способа: частныя письма и салонныя бесѣды. Съ бывшими сослуживцами и друзьями Ростопчинъ велъ переписку весьма дѣятельную. Его письма, изобилующія глубокими мыслями и мѣткими характеристиками лицъ и положеній, для историка этой эпохи составляютъ сущій кладъ. Какъ человѣкъ свѣтскій, Ростопчинъ обладалъ

изысканными манерами царедворца. Онъ былъ увлекателенъ, остроуменъ, любезенъ съ дамами. Ростопчинскіе экспромты и bons mots повторялись и ходили по Россіи. Ради краснаго словца, онъ не щадилъ ближняго. Очень понятно, что его болѣе боялись, нежели любили.

Все, что ни дѣлало правительство, Ростопчинъ подвергалъ осужденію. Тема его обличеній была одна и таже: либеральные совѣтники Государя приведутъ Россію къ мятежу и революціи. Послѣ Тильзита онъ выступилъ въ роли Стародума, почитателя русской старины и хулителя всего иностраннаго. Не довольствуясь салонною агитаціею, онъ обнародовалъ брошюру: „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ ефремовскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева“. Скоро Ростопчину нашелся подражатель: смоленскій дворянинъ, С. Н. Глинка, который приступилъ къ изданію журнала съ антифранцузскимъ направленіемъ: „Русскій Вѣстникъ“.

Трагическая кончина императора Павла въ тайникахъ души Александра составляла неизлѣчимую рану. Выставляя себя по всякому поводу преданнѣйшимъ слугою погибшаго императора, Ростопчинъ эту рану бередилъ весьма искусно. Изъ уваженія къ памяти отца, онъ былъ увѣренъ, что Александръ его не тронетъ и, на этомъ основаніи, онъ позволялъ себѣ высказывать Государю истины самыя горькія. Съ яростью нападалъ онъ на франъ-масоновъ. Терминъ „франъ-масонъ“ былъ у него синонимомъ революціонера и санъ-кюлота.

Въ замѣчаніяхъ своихъ къ письму, отправленному изъ Москвы Государю 16-го сентября, 1810 года, Ростопчинъ пишетъ *).

„...Трудно найти половину Пожарскаго; зато есть цѣлыя сотни готовыхъ пойти по стопамъ Робеспьера и Сантера. Въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской и вѣроятно и въ другихъ ходитъ бумага, въ коей, подъ видомъ размышленія объ ассигнаціяхъ, доказывается

---

*) Русскій Архивъ, 1909 г. № 1, стр. 32.

скорое ихъ ничтожество и бѣдственное положеніе Россіи. Шайка мартинистовъ, имѣя въ большихъ мѣстахъ своихъ членовъ, въ обществѣ же проповѣдниковъ и вездѣ сообщниковъ, скрытно достигаетъ до своей цѣли и пріуготовляетъ разрушеніемъ начальствъ основаніе своей власти. Вотъ что вижу, думаю и въ чемъ я увѣренъ".

Обвиненія самыя тяжелыя, но гдѣ же доказательства? Ростопчинъ ихъ не даетъ, какъ не далъ и потомъ, когда, будучи генералъ-губернаторомъ, онъ располагалъ полновластіемъ полицейскаго сыска. Не касаясь отвлеченной стороны масонскаго ученія, его несоотвѣтствія началамъ православія и государственности и т. п., русскіе масоны той эпохи, по большей части, являлись людьми тихими и безобидными. Масонскія ложи это были своего рода клубы, куда собирались интеллигентные люди на мирную бесѣду. Да и кто тогда масономъ не былъ? Масономъ былъ министръ полиціи, А. Д. Балашовъ, находившійся въ перепискѣ съ московскимъ почтъ-директоромъ Ѳ. П. Ключаревымъ, въ 1812 году ставшимъ жертвою Ростопчинскаго изувѣрства. Масономъ былъ М. И. Кутузовъ, будущій князь Смоленскій, побѣдитель Наполеона. Наконецъ, масономъ былъ М. М. Сперанскій, который, по личному желанію императора Александра, съ цѣлью проникнуть въ тайны иллюминатства, выписалъ изъ Германіи извѣстнаго мистика доктора Фесслера *).

---

*) По изслѣдованіямъ писателей анти-масонскаго лагеря, мсссоны поддерживали Наполеона лишь до 1806 года, а, затѣмъ, послѣ объявленія контоментильной системы, они его покинули и перешли на сторону Англіи. Особенно возстановило ихъ вступленіе его въ бракъ съ принцессою ультра-католическаго дома Габсбурговъ. Главные враги Наполеона,—Фуше, Талейранъ, Бернадотъ и др., всѣ были франъ-масонами. (Guy de Chardonchamp, Qulques propos d'un antirévolutionnaire, p. 221).

Что же московскіе франъ-масоны? Слѣдуя цримѣру заграничныхъ собратьевъ, перемѣнили-ли они свое отношеніе къ Наполеону или остались ему вѣрными? По крайней мѣрѣ, въ письмѣ къ Балашову Ѳ. П. Ключаревъ высказывается противъ Наполеона. Почему же Растопчинъ упорно продолжалъ считать масоновъ сторонниками и пособниками Наполеона и, на этомъ основаніи, ихъ преслѣдовалъ?

Продолжительное устраненіе отъ дѣлъ и привольная жизнь помѣщика, на характеръ и душевный складъ графа Федора Васильевича произвели сильное дѣйствіе. Службою и придворнымъ этикетомъ болѣе не связанный, онъ далъ своему темпераменту и воображенію полную волю. Государственный мужъ и дипломатъ превратился въ народнаго вождя, страстнаго и нетерпимаго. Встарину крылатое выраженіе франъ-масонъ или фармазонъ, тоже что въ шестидесятыхъ годахъ нигилистъ, означало человѣка, который обычаевъ не соблюдаетъ, въ церковь не ходитъ и властей не признаетъ. Франъ-масонами или мартинистами Ростопчинъ называлъ тѣхъ, кто стремится ограничить дворянскія привиллегіи отъ крѣпостной зависимости и мечтаетъ освободить крестьянъ. Сюда принадлежалъ императоръ Александръ, за нимъ ближайшіе его совѣтники, сначала дружескій комитетъ, а послѣ дружескаго комитета М. М. Сперанскій.

Громкое имя графа Ф. В. Ростопчина пользовалось широкою извѣстностью. Оно служило знаменемъ и выражало программу яркую и опредѣленную. Въ критическую для отечества минуту, призывая Ростопчина на отвѣтственный постъ, императоръ Александръ—это было ясно, - принималъ и всю его программу.

Собираясь воевать съ Наполеономъ, императора Александра озабочивала мысль: въ случаѣ военной неудачи, весьма вѣроятной, не повторятся ли событія смутнаго времени? Отступая, согласно плану, вглубь страны, русскія войска должны были очистить огромныя пространства государственной территоріи и передать ихъ въ полную власть непріятеля. Пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ правительства, дворяне —олигархи не захотятъ ли поставить свои условія? Не возстанутъ ли крѣпостные на кличъ свободы? Не произойдетъ ли бунта въ арміи или, какъ въ 1801 году, дворцоваго переворота?

Въ свою очередь, Наполеонъ также себѣ ставилъ вопросъ: вступивъ на русскую почву, съ какими слоями населенія ему всего выгоднѣе искать сближенія? Первое, что приходило на умъ — это объявить свободу крестьянамъ. Въ виду косности народной массы, Наполеонъ опасался, что крестьяне на это не пойдутъ, между тѣмъ, помѣщики вознегодуютъ, и, въ результатѣ, война приметъ характеръ еще болѣе ожесточенный, Онъ тѣшилъ себя надеждою, что съ дворянами договориться будетъ легче.—Вы увидите, повторялъ онъ Коленкуру и другимъ, сомнѣвавшимся въ успѣхѣ войны, приближеннымъ, что крупные землевладѣльцы заставятъ императора Александра просить мира. — Москва, Москва! Внимательно слѣдя за ходомъ русскихъ дѣлъ, Наполеонъ хорошо зналъ, что въ Москвѣ проживали земельные тузы, мнѣніемъ коихъ Александръ дорожилъ, и что они-то, съ Ростопчинымъ во главѣ, побудили русскаго императора нарушить Тильзитскій договоръ и порвать съ Франціей. Овладѣвъ Москвою, онъ думалъ заставить этихъ гордыхъ бояръ придти къ нему съ повинною. Можно себѣ представить, его негодованіе и досаду, когда у Дорогомиловской заставы вмѣсто ожидаемой депутаціи, отъ города, и отъ бояръ, къ нему привели нѣсколько французовъ парикмахеровъ и поваровъ.

Назначая Ростопчина Генералъ-Губернаторомъ Москвы, императоръ Александръ повелѣлъ ему строго слѣдить, чтобы дворянство не переступало извѣстной черты и, вообще, чтобы патріотическое движеніе, подъ впечатлѣніемъ неудачныхъ битвъ, не обратилось бы противъ правительства. Ростопчинъ доложилъ Государю въ отвѣтъ, что, доколѣ секта франъ-масоновъ „въ большихъ мѣстахъ будетъ имѣть своихъ членовъ“, общество не выкажетъ къ правительству полнаго довѣрія. Возвышеніе Ростопчина неизбѣжнымъ образомъ влекло за собою паденіе Сперанскаго. Еще ранѣе, въ 1811 году, съ надписью „pour mon frère seul“, великая княгиня Екатерина Павловна переслала брату своему записку Ка-

рамзина „О древней и Новой Россіи“, въ которой Карамзинъ разбиралъ и подвергалъ жестокой критикѣ реформы Сперанскаго.

По условіямъ того времени, будь Сперанскій уволенъ обыкновеннымъ порядкомъ, а тѣмъ болѣе получи онъ разрѣшеніе остаться въ столицѣ, неминуемо возникло бы подозрѣніе, что отставка эта только для виду, что Государь тайно или черезъ третьихъ лицъ продолжаетъ съ нимъ находиться въ сношеніяхъ, а, слѣдовательно, что онъ опять войдетъ въ силу. Дабы дворянское сословіе убѣдить въ противномъ, требовалось придать отставкѣ драматическую форму опалы и ссылки. Положеніе императора Александра было тяжелое и безвыходное. Онъ былъ вынужденъ покарать человѣка, вина котораго заключалась единственно въ томъ, что онъ былъ точнымъ исполнителемъ его воли, человѣка, котораго онъ называлъ правою своею рукою и, чьи выдающіяся заслуги, оцѣнивая по достоинству, онъ передъ всѣми отличилъ и возвысилъ.

Нашлись люди, взявшіе на себя неблагодарный трудъ найти противъ Сперанскаго улики. То были: министръ полиціи А. Д. Балашовъ, графъ Армфельдъ и французскій эмигрантъ Вернегъ. Начальникъ тайной полиціи, де-Сангленъ, оказался болѣе брезгливымъ и отъ подобнаго порученія, —такъ по крайней мѣрѣ онъ повѣствуетъ въ своихъ запискахъ,—уклонился.

Сперанскому были предъявлены три обвиненія. Первое—въ лихоимствѣ: яко бы изъ Кіева ему были присланы 80 тысячъ. Второе—въ оскорбленіи Величества: будто насчетъ Особы Государя Сперанскій позволилъ себѣ неприличные отзывы и каламбуры. Наконецъ, третье—въ сообщеніи непріятелю секретовъ обороны.

Уже одно то, что обвиненія эти разнородны и словно на выборъ, является доказательствомъ, что всѣ они суть вымыселъ и клевета. Исторіею о 80-ти тысячахъ воспользоваться, какъ орудіемъ противъ Сперанскаго, послѣ нѣсколькихъ замѣчаній де-Санглена, императоръ отка-

зался. По характеру Сперанскій былъ человѣкъ осторожный и уклончивый, поэтому, совершенно неправдоподобны, приписываемые ему объ Особѣ Монарха довольно пошлые каламбуры. Не выдерживаетъ критики и третье обвиненіе—въ приверженности Наполеону.

Выше мы привели донесеніе французскаго посла, графа Лористона, въ которомъ онъ называетъ Сперанскаго столпомъ англійской партіи. Дѣйствительно, по семейному своему положенію и личнымъ симпатіямъ, Сперанскій болѣе всего имѣлъ общеніе съ членами иностранной колоніи, негоціантами и учеными, безъ исключенія, ненавидѣвшими Наполеона. Въ области государственной экономики, Сперанскій былъ авторомъ запретительнаго тарифа на предметы французскаго производства и онъ же провелъ реформу денежнаго обращенія, сдѣлавшую, какъ мы видѣли, невозможнымъ дальнѣйшее существованіе континентальной системы. При Талейранѣ, отставленномъ и впавшемъ въ немилость, но тѣмъ не менѣе, представлявшемъ крупное политическое значеніе, состоялъ спеціальный дипломатическій чиновникъ—графъ Нессельроде. Сношенія эти велись тайно отъ графа Румянцова и были сосредоточены у Сперанскаго. Наконецъ, въ запискѣ, поданной Государю 11-го Марта 1811 года, обсуждая планъ дѣйствій противъ Наполеона, Сперанскій заявляетъ: ...„Войны съ Франціею у насъ всѣ желаютъ, и нѣтъ, можетъ быть, извѣстія, которое принято было бы съ равнымъ восхищеніемъ“. Въ дѣлахъ внутреннихъ Ростопчинъ и Сперанскій стояли на противоположныхъ полюсахъ, но въ политикѣ внѣшней,- одинъ во имя реакціи, другой подъ давленіемъ капитализма,--оба они шли къ той же цѣли, и эта цѣль была: союзъ съ Англіею и война съ Наполеономъ.

И такъ весь матеріалъ собранный услужливыми интриганами оказался никуда негоднымъ. Сослать Сперанскаго было необходимо, но какимъ образомъ мотивировать эту ссылку? Сказать ему прямо, что онъ прино-

сится въ жертву соображеніямъ raison d'état—Александръ не могъ, ибо это значило бы Сперанскаго поднять на пьедесталъ, а самому передъ нимъ очутиться кругомъ виноватымъ. Изъ положенія крайне щекотливаго Александръ вышелъ съ обычною ловкостью.

„...Во всякое другое время, на прощальной аудіенціи сказалъ онъ Сперанскому *), я бы употребилъ два года, чтобы провѣрить съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ всѣ свѣдѣнія, которыя дошли до меня по поводу вашего поведенія и вашихъ дѣйствій. Но ни время, ни обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого въ настоящую минуту. Непріятель приближается къ предѣламъ имперіи, и въ виду того положенія, въ которое васъ поставили подозрѣнія, вызванныя вашимъ поведеніемъ и рѣчами, которыя вы себѣ позволяли, для меня весьма важно, въ случаѣ несчастія, не казаться виновнымъ въ глазахъ моихъ подданныхъ, продолжая оказывать вамъ довѣріе и даже сохраняя за вами занимаемое вами мѣсто. Ваше положеніе такого рода, что я не совѣтовалъ бы вамъ даже оставаться въ Петербургѣ или по близости этого города. Выберите себѣ сами мѣсто для дальнѣйшаго вашего пребыванія до конца событій, которыя приближаются; я играю въ большую игру, и чѣмъ она больше, тѣмъ болѣе вы подвергались бы опасности въ случаѣ неуспѣха, въ виду характера народа, которому внушили недовѣріе и ненависть къ вамъ".

Но, кромѣ того, Александръ испытывалъ потребность дать объясненія лицамъ, одновременно считавшимся друзьями его и Сперанскаго. Преимущественно это были члены иностранной колоніи, доктора, комерсанты, ученые, франъ—масоны и гуманисты. Наканунѣ приведенной бесѣды со Сперанскимъ, Государь призвалъ къ себѣ профессора Паррота, съ которымъ онъ велъ переписку и любилъ трактовать отвлеченные вопросы. Прійдя во

*) Бесѣда императора Александра съ Новосильцовымъ въ Свѣнцянахъ, въ 1812 году, на пути въ Дрисскій лагерь. Шильдеръ, т. III, стр. 42.

дворецъ, Парротъ засталъ Александра плачущимъ отъ волненія и негодованія. Сперанскаго онъ намѣревался подвергнуть разстрѣлянію. Прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе, Парротъ попросилъ 24 часа на размышленіе. Въ преступности Сперанскаго онъ не убѣдился, однако вынесъ впечатлѣніе что Александръ въ виновности Сперанскаго безусловно увѣренъ, а, слѣдовательно, карая его, дѣйствуетъ по убѣжденію. Идеалисту профессору не могло, конечно, придти въ голову, что униженный и оклеветанный Сперанскій безпощадно выданъ головою, какъ искупительная жертва несбывшихся мечтаній самого императора о либеральныхъ реформахъ.

Въ слѣдующіе дни Александръ казался грустнымъ и словно растеряннымъ. — „Вы больны, Государь?" — спросилъ его князь Голицынъ. „Нѣтъ, но если бы у тебя отняли правую руку, былъ ли бы ты спокоенъ?" Со Сперанскимъ Александра связывали надежды и увлеченія молодости. Поэтому, скорбь его вполнѣ понятна и помимо угрызеній совѣсти. Но демоническое величіе этого монарха въ томъ и заключалось, что, когда интересы государства того требовали, жертвуя другими, онъ не щадилъ и самого себя.

Мѣстомъ своей ссылки Сперанскій избралъ Нижній Новгородъ. Съ его отъѣздомъ исчезла главная помѣха къ примиренію императора Александра съ дворянскимъ сословіемъ. Дорога въ Каноссу передъ нимъ лежала свободною.

Указъ о назначеніи графа Ростопчина былъ подписанъ императоромъ въ Вильнѣ, 24-го Мая. „Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Ростопчинъ всемилостивѣйше переименовывается въ генералы-отъ-инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву". Такимъ образомъ, Ростопчину было дано лишь званіе военнаго губернатора, тогда какъ предшественникъ его, графъ Гудовичъ, былъ главнокомандующимъ. Произошло ли это случайно или умышленно, замѣтилъ ли ошибку

Ростопчинъ Государю или Государь ее исправилъ самъ, но только черезъ нѣсколько дней состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи его Главнокомандующимъ въ Москвѣ *). Императоръ Александръ Павловичъ предвидѣлъ крупную роль, которую долженъ былъ съиграть Ростопчинъ въ приближающихся событіяхъ и заранѣе ревновалъ его къ этой роли. Назначилъ онъ его не по личному побужденію, а вынужденно, подъ давленіемъ обстоятельствъ. Этимъ и объясняется, что полнотою власти онъ облекъ его не сразу, а сдѣлалъ это въ два пріема.

Въ свою очередь, графъ Ростопчинъ‘ возбуждая народное одушевленіе, въ тоже время опасался, какъ бы движеніе не хватило черезъ край и не отняло у него руководительства событіями. Его озабочивали не только франъ-масоны и якобинцы, но и собственные слишкомъ горячіе приверженцы-патріоты, какъ напримѣръ С. Н. Глинка. 11-го Іюля вѣсть о пріѣздѣ Государя распространилась въ Москвѣ и взволновала народъ. Во главѣ толпы народа, Глинка по Смоленской дорогѣ двинулся на встрѣчу Государя. На семнадцатой верстѣ кто-то изъ ѣхавшихъ въ Москву объявилъ, что Государь ночуетъ въ Перхушковѣ. Толпа со своимъ предводителемъ должна была вернуться назадъ. Послѣ того, Растопчинъ приказалъ присматривать за Глинкою. Другими словами, онъ отдалъ его подъ надзоръ полиціи **).

„Въ день пріѣзда Государя, т. е. 12-го Іюля (пишетъ графъ Ростопчинъ)... ночью я узналъ, и это мнѣ было подтверждено на другой день утромъ, что нѣкоторые изъ лицъ, принадлежавшихъ къ обществу мартинистовъ, сговорились, когда Государь предложитъ составленіе ополченій, спросить, сколько же у насъ теперь войскъ; сколько у непріятеля и какія имѣются средства обороны и пр. Это предположеніе смѣлое, неумѣстное и опасное

---

*) А. Н. Поповъ. Москва, въ 1812 году. Рус. Архивъ, 1875 годъ стр. 273.

**) А. Н. Поповъ. Рус. Архивъ 1875 г. стр. 299—301.

при тогдашнихъ обстоятельствахъ; но его исполненіе на дѣлѣ меня нисколько не пугало, потому что я зналъ, что эти лица весьма храбры у себя дома, какъ трусливы въ обществѣ. Однако же я нарочно говорилъ нѣсколько разъ передъ всѣми, что надѣюсь представить Государю зрѣлище дворянскаго собранія вѣрнаго и почтительнаго, и я буду въ *отчаяніи,* если кто изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи государя: потому, что такой господинъ, прежде нежели окончитъ то, что захочетъ сказать, *во всю прыть полетитъ въ дальній путь.* Чтобы придать дѣйствительное значеніе моимъ словамъ, я велѣлъ неподалеку отъ Слободскаго дворца поставить двѣ телѣжки, запряженныя почтовыми лошадьми и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ по дорожному, которые прохаживались подлѣ нихъ и, если кто изъ любопытныхъ спроситъ, для кого приготовлены эти телѣжки, должны были отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлютъ въ ссылку...“.

Еще рѣзче обнаружилась подозрительность, съ которою правительство относилось къ патріотическому движенію, въ исторіи рязанской депутаціи *). Дворянство Рязанской губерніи, узнавъ о воззваніи императора къ Москвѣ, отправило, въ качествѣ депутатовъ къ Императору, своихъ уѣздныхъ предводителей заявить государю, что они готовы поставить на защиту отечества 60 тысячь ратниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ. Пріѣхавъ въ Москву, депутаты отправились къ Министру Полиціи, генералу Балашеву. Къ ихъ изумленію, Балашевъ принялъ ихъ весьма неблагосклонно, позволилъ себѣ кричать на нихъ и упрекать, какъ смѣли они отлучиться отъ своихъ должностей. Депутаты отвѣчали, что они присланы общимъ приговоромъ дворянства и даже съ согласія губернатора Бухарина. На это министръ отвѣчалъ, что подвергнетъ тѣхъ, кто

*) А. Н. Поповъ. „Русск. Арх.“ 1875 г., стр. 310—311.

допустилъ ихъ, строгому взысканію, и почти выгналъ ихъ отъ себя. Оскорбленные и огорченные предводители дворянства Рязанской губерніи, исполняя долгъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, не хотѣли оставить дѣла послѣ этой неожиданной неудачи и отправились къ московскому генералъ-губернатору. Графъ Ростопчинъ принялъ ихъ чрезвычайно вѣжливо и ласково и, когда они пересказали ему о пріемѣ министра полиціи, онъ порицалъ Балашева и обѣщалъ имъ въ тотъ же день доложить о нихъ Государю. Но на другой же день, утромъ, черезъ полицію, имъ велѣно было немедленно выѣхать изъ Москвы *).

Наступилъ знаменательный день 15 Іюля. Въ залахъ Слободскаго дворца, въ ожиданіи Государя, собрались представители сословій, дворянства и купечества. Пріѣхавъ во дворецъ, Государь, прежде всего, вошелъ въ свои покои, куда явился къ нему графъ Ростопчинъ, чтобы доложить, что все готово къ его пріему и отдать отчетъ о случившемся. Потомъ, Государь вошелъ во дворцовую церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. Государь, какъ будто, медлилъ вступить въ залы, гдѣ были собраны сословія. Дѣлая рѣшительный шагъ, онъ сосредоточивалъ мысли: прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, онъ какъ будто отказывался отъ своего личнаго полновластія; но въ то же время онъ чувствовалъ, что въ этой силѣ народной онъ получаетъ еще бо̀льшую силу. „Войдя въ дворянскую залу (по словамъ Ростопчина), онъ казался озабоченнымъ. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, не могъ не быть тяжелъ для каждаго государя. Онъ милостиво поклонился собранію; потомъ, нѣсколько собравшись съ духомъ, съ лицомъ оживленнымъ, сказалъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности, которая произвела-

*) Бестужевъ-Рюминъ. Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году. „Русск. Арх.". 1896, № 7 стр. 342. А. Н. Поповъ Москва въ 1812 году, „Русск. Арх." 1875 г., стр. 311.

электрическое дѣйствіе и расположила всѣхъ жертвовать. Отъ имени дворянства отвѣчалъ бывшій главнокомандующій Москвы, графъ Гудовичъ, какъ старшій по положенію и по лѣтамъ. Онъ объявилъ, что дворяне готовы жертвовать всѣмъ своимъ достояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ провіантомъ. Лишь только фельдмаршалъ кончилъ рѣчь, какъ раздались голоса: „Нѣтъ не по одному съ 25, а по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца". Это съ шумомъ было повторено большею частью собранія. Императоръ благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ и хвалилъ щедрость дворянства.

Послѣ этого государь перешелъ въ залу купечества, гдѣ между купцами уже шла подписка.

—„Я возвратился въ Кремль (продолжаетъ графъ Ростопчинъ) съ извѣстіемъ о 2.400.000 и нашелъ императора въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ Балашевымъ и Аракчеевымъ. Десять человѣкъ на сто, по разсчету народонаселенія губерніи, составляло 32 тыс. человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, и, сверхъ того, сумма, пожертвованная купцами. Государь мнѣ сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ и радуется, что рѣшился пріѣхать въ Москву и что назначилъ меня генералъ-губернаторомъ. Потомъ, когда я уходилъ, онъ съ чувствомъ меня поцѣловалъ. Когда я находился въ другой комнатѣ, Аракчеевъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я получилъ самый высшій знакъ благорасположенія, будучи поцѣлованъ Императоромъ: потому (прибавилъ онъ) что я служу ему со дня его восшествія на престолъ, и онъ никогда меня не поцѣловалъ *).

---

*) А. Н. Поповъ. Москва въ 1812 г. „Русск. Арх." 1875 г., стр. 307, 308, 309.

Цѣлуя графа Ростопчина, Императоръ Александръ Павловичъ, въ его лицѣ, хотѣлъ поблагодарить населеніе Первопрестольной столицы, которое оказалось на высотѣ вѣрноподданическаго долга и только что проявило горячій порывъ любви къ отечеству. Но это историческое лобзаніе, завершившее и запечатлѣвшее цѣлую эпоху, заключало въ себѣ не одни чувства признательности и восторга. Тутъ было униженіе передъ тѣмъ, кто, выставляя себя хранителемъ памяти загубленнаго отца, служилъ живымъ укоромъ его совѣсти. Тутъ было сокрушеніе о благородныхъ помыслахъ обновленія и свободы, которые Лагарпъ внушилъ ему еще въ дѣтствѣ и которые такъ безжалостно разбила суровая дѣйствительность.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Война 1812 года — результатъ взаимодѣйствія двухъ историческихъ процессовъ: міроваго—борьбы Наполеона I съ Англіею на почвѣ торговли и мѣстнаго—столкновенія отвлеченной универсальной доктрины съ бытовымъ укладомъ русскаго народа, сословнымъ и религіознымъ. Возникнувъ другъ отъ друга самостоятельно, эти процессы подъ конецъ слились и образовали противъ Наполеона могущественное общеевропейское теченіе. Событія развивались органически и съ послѣдовательностью чисто математическою. Подобно искуснымъ шахматнымъ игрокамъ, Александръ и Наполеонъ обдумывали положеніе на всѣ лады, а затѣмъ дѣлали соотвѣтствующіе ходы. Никакихъ произвольныхъ отклоненій или тѣхъ „ошибокъ", которыми позднѣйшіе критики склонны объяснять неудачи великихъ людей, внимательному глазу въ ихъ игрѣ услѣдить невозможно. Передъ императорами Франціи и Россіи Англія обладала огромнымъ преимуществомъ: она располагала свободною денежною наличностью. Между тѣмъ, Александръ и Наполеонъ постоянно испытывали острую нужду въ деньгахъ. Съ цѣлью какъ-нибудь раздобыть денегъ, они прибѣгали къ мѣрамъ, которыя шли въ разрѣзъ взаимно принятымъ обязательствамъ и нарушали установленную политическую систему. Эта погоня за наличными деньгами перессорила монарховъ и, въ концѣ концовъ, привела къ войнѣ.

Съ тѣхъ поръ прошло сто лѣтъ. Нынѣ у Англіи появился новый антагонистъ—Германія. Въ экономическихъ условіяхъ Европы измѣнилось весьма многое. Въ различныхъ мѣстностяхъ — въ сѣверной Франціи, въ

Бельгіи, Эльзасѣ, Вестфаліи, Силезіи, русской Польшѣ, Московской губерніи и т. д.,—возникли обширные фабричные раіоны. Такимъ образомъ, зависимость континента отъ англійскаго покупательнаго рынка въ значительной степени ослабѣла. Но, вслѣдствіе распространенія денежнаго хозяйства и введенія золотой валюты, въ той же мѣрѣ возросла и сила международнаго капитала, средоточіе коего, попрежнему, находится въ Англіи.

Теперь, какъ и тогда, экономическій факторъ раскололся на двѣ части. На сторонѣ Англіи—капиталисты, интересы казначейства, чиновники и военные, живущіе казеннымъ жалованьемъ, и, вообще, потребители. На другой сторонѣ—всѣ, кто задолжалъ: само государство, лица недвижимости свои обременившія ипотеками, фабриканты, купцы-товаровладѣльцы, и производители сырья: помѣщики и крестьяне.

На что же рѣшится Россія? Гдѣ равнодѣйствующая интересовъ непримиримо противоположныхъ? Русскіе люди, хватитъ ли у нихъ ума и характера, чтобы, отвергнувъ искушеніе денегъ, проложить себѣ дорогу самобытную, отвѣчающую жизненнымъ интересамъ отечества? Или, propter vitam vitae perdere fontes, какъ ветхозавѣтный Исавъ, ради минутнаго насыщенія, завтрашній день съ легкимъ сердцемъ принесутъ они въ жертву сегодняшнему?..

Сочиненія тѣхъ же авторовъ.

---

1. Ю. Карцовъ. Семь лѣтъ на ближнемъ Востокѣ. 1879—1886. Воспоминанія политическія и личныя. Спб. 1906. ц. 2 р.
2. Его же. За кулисами дипломатіи. Спб. 1908. ц. 1 р.
3. К. Военскій. Отечественная война въ русской журналистикѣ. Библіографическій Сборникъ. Спб. 1906. 225 стр. 8. д. л. ц. 3 р.
4. Его же. Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года. Томъ I Литва и Западныя губерніи. Спб. 1909. XLIV+582+IX стр. 8. д. л. ц. 5 р.
5. Его же. Акты, документы и матеріалы для политич. и бытовой исторіи 1812 года. Томъ II. Балтійская Окраина Спб. 1911. LX+573 стр. 8. д. л. ц. 5 р.
6. Его же. Отечественная война 1812 года въ запискахъ современниковъ. Спб. 1911. IV+96 стр. 8. д. л. ц. 1 р.

Цѣна 1 р.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Моховая, 37, Типографія А. Ф. Штольценбурга.

